

ВОПРОСЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ

3-4

2009

Международный
исследовательский
институт

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву
и другим правам
интеллектуальной собственности

ИЗДАТЕЛЬСТВО МИИ-Наука

Готовятся к выходу переиздания и адаптированные тексты произведений:

1. *Боржо Ш.* Учреждение и пересмотр конституций. Перевод П. Высоцкой, под редакцией Е. Е. Кокошкина. Адаптация текста 1905 года к современному языку.
2. *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс: Учебник. Адаптация текста 1911 года к современному языку.
3. *Вышинский А. Я.* Курс уголовного процесса: Учебное пособие. Переиздание текста 1927 года.
4. *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. Издание третье. Переиздание текста 1950 года.
5. *Герцензон А. А.* Преступность в США. Стенограмма лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве в 1948 году.
6. *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. Конституционное право. Издание второе. Адаптация текста 1910 года к современному языку.
7. *Полянский Н. Н.* Доказательства в иностранном уголовном процессе. Вопросы и тенденции нового времени. Переиздание лекций 1946 года.
8. *Руссо Ж.-Ж.* Общественный договор, или принципы государственного права. Полный перевод с французского С. Нестеровой. Адаптация текста 1906 года к современному языку.
9. *Стифен Дж.* Очерк доказательственного права. Перевод с 8-го английского издания со вступительными статьями приват-доцента С.-Петербургского университета П. И. Люблинского. Адаптация текста 1910 года к современному языку.
10. *Строгович М. С.* Советский военно-уголовный процесс, его природа и принципы. Переиздание лекций 1950 года.
11. *Уильз У.* Опыт теории косвенных улик, объясненной примерами. Перевод с третьего издания. Адаптация текста 1864 года к современному языку.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Всероссийский научно-теоретический журнал

ВОПРОСЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ

журнал издается с 2009 г., выходит 4 раза в год

3-4

2009

Международный
исследовательский
институт
Москва

Всероссийский научный журнал “Вопросы правоведения”

зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-35637 от 17 марта 2009 г.

Учредитель и издатель:

АНО “Международный исследовательский институт” г. Москва

Журнал издается при информационной поддержке Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву
и другим правам интеллектуальной собственности

Адрес редакции:

115563, Москва, а/я77, МИИ

Тел. +7-495-509-67-82

www.mii-nauka.com

info@mii-nauka.com

Подписной индекс:

Объединенный каталог “Пресса России” - 40661

Подписано в печать 24.12.2009 г. Сдано в набор 26.12.2009 г.

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Объем 14 п. л.

Тираж 5000 экз. Заказ № 3527.

Отпечатано в ООО «Полиграф»

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
допускается исключительно с письменного разрешения редакции

Главный редактор:

А. А. Тедеев доктор юридических наук, кандидат экономических наук, директор Международного исследовательского института

Редакционный совет:

- И. А. Бачило** доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующая сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук
- А. А. Белкин** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Международного исследовательского института
- Н. Е. Борисова** доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, директор Научно-педагогического института прав человека и ювенологии Российского государственного социального университета
- А. В. Брызгалин** кандидат юридических наук, Генеральный директор Группы компаний «Налоги и финансовое право»
- Е. Ю. Грачева** доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе Московской государственной юридической академии
- А. Э. Жалинский** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Государственного университета — Высшей школы экономики
- А. Я. Капустин** доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Российского университета дружбы народов
- М. А. Краснов** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права Государственного университета — Высшей школы экономики
- В. М. Лебедев** доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Томского государственного университета
- Ю. В. Пузрач** доктор юридических наук, профессор Международной академии предпринимательства
- Е. Р. Россинская** доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки России, директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии
- Т. А. Сошникова** доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета
- Ю. Н. Старилов** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета
- Г. А. Тосунян** доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Президент Ассоциации российских банков
- В. А. Туманов** доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки России, Советник Конституционного суда Российской Федерации
- А. С. Туманова** доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Государственного университета — Высшей школы экономики
- М. А. Федотов** доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, руководитель кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности
- Х. Хаджиев** доктор юридических наук, профессор, судья Европейского суда по правам человека
- В. Е. Чиркин** доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки России, Заслуженный юрист России, главный научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права Российской академии наук
- И. Г. Шаблинский** доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Государственного университета — Высшей школы экономики
- Н. Г. Шурухов** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации

От редакции

Стремясь в целях наиболее успешного достижения задач, преследуемых журналом, к всестороннему и полному освещению научных проблем, редакция не стесняется авторов и членов своего редакционного совета в возможности высказать на страницах журнала «Вопросы правоведения» теоретические воззрения, которые не вполне совпадают с точкой зрения редакции.

Плата за публикацию материалов в журнале не взимается ни в какой форме.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

Содержание

Вопросы правовой доктрины	
<i>Новиков А. Б.</i> К вопросу о конституционном обосновании административной реформы в Российской Федерации	6
<i>Бредихин А. Л.</i> Источник и носитель суверенитета в свете различных теорий	18
Точка зрения	
<i>Левакин И. В., Селюков А. Д.</i> Проблемы совершенствования юридического образования в современной России	26
<i>Дойников П. И.</i> История формирования политики Европейского союза в области охраны окружающей среды	32
<i>Тедеев А. А.</i> Понятие, виды и система источников информационного права в современных условиях	37
Проблемы положительного права	
<i>Питер Б. Маггс</i> (Германия). О праве на секрет производства (ноу-хау). Критический анализ положений IV части Гражданского кодекса Российской Федерации	76
<i>Суслонarov А. В.</i> Понятие компьютерных преступлений по российскому и зарубежному праву	92
<i>Платонов В. М.</i> Территориальное устройство России по проекту Юридического совещания	108
Правовая мысль прошлого	
<i>Гернет М. Н.</i> Очерки тюремной психологии (1923–1924 гг.): Журналистика и журналы в тюрьме	118
Мысль в тюрьме	135
Психология тюремного чтения	145
Психология переписки и свиданий в тюрьме	161
Обзор научных мероприятий	
Информация о конференции «Актуальные проблемы развития нефтегазового комплекса России» в Российском государственном университете нефти и газа им. И. М. Губкина	174
Сведения об авторах	175
Правила представления рукописей авторами	176

Вопросы правовой доктрины

К вопросу о конституционном обосновании административной реформы в Российской Федерации

юридическое образование; административная реформа; послание Президента; деятельность органов исполнительной власти; концепция реформы юридического образования

А. Б. Новиков

*кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права
Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов*

Реформирование системы государственного управления в Российской Федерации выступает одним из важнейших условий обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, закрепления России в числе ведущих мировых держав.

Стратегические задачи и направления современной административной реформы были сформулированы Президентом Российской Федерации в ежегодных Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию на 2003¹, 2005², 2006³ г. как основа программы кардинальных изменений в системе исполнительной власти. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2003 год основным препятствием на пути экономических реформ названа недостаточная эффективность государственного аппарата, несоответствие его полномочий качеству власти. Первоочередными задачами развития государственного управления назывались сокращение функций, осуществляемых государственным

¹ Российская газета. – 2003. – 25 июля.

² Российская газета. – 2005. – 26 апреля.

³ Российская газета. – 2006. – 11 мая.

ными органами и формирование эффективного механизма разрешения споров между гражданами и государством за счет совершенствования административных процедур и судебных механизмов.

В результате реализации начального этапа административной реформы к 2005 г. были созданы необходимые предпосылки для дальнейшей комплексной модернизации системы государственного управления. В то же время на практике была реализована лишь часть мероприятий административной реформы, а по ряду приоритетных направлений работы и не начинались. Прежде всего это касается механизмов реализации полномочий органов исполнительной власти, необходимых для работы в новых условиях, для государственно-управленческой деятельности с принципиально новым содержанием.

Открытость исполнительной власти для граждан и бизнеса остается в целом лишь благим пожеланием.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2005 год чиновничество названо замкнутой и подчас надменной кастой, понимающей государственную службу как разновидность бизнеса. По существу, сфера государственного управления превратилась в ограничивающий фактор для социально-экономического развития страны и повышения ее мировой конкурентоспособности. К сожалению, эта жесткая и объективная оценка выражает не «разложение» отдельных бюрократических кланов, а фиксирует масштабный результат, так сказать, традиционной стратегии управления, которая подвергается критике в науке государственного управления. Так, уже в качестве естественного процесса «сегодня отчетливо наблюдается два вектора в состоянии и динамике субъектов и объектов управления практически всех видов: зажиточность и дальнейшее обогащение субъектов управления (с поправкой, разумеется, на их иерархическую структуру) и оскудение, запустение, деградация большинства управляемых объектов»; однако «управляемые объекты для качественной реализации своего предназначения тоже должны иметь соответствующий и сравнимый уровень удовлетворения своих материальных, социальных и духовных запросов», уровень, определяющий «их потенциал созидания и творчества»¹.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2006 год по этому поводу сказано: «С переменами начала 90-х были связаны большие надежды миллионов

¹ Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций. – М., 2005. – С. 12–13.

людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд. Более того, некоторые представители этих сообществ, пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан».

Приведенные оценки показывают, что главным вопросом административной реформы выступает содержание и стратегия взаимоотношений власти и общества, реализация новой концепции государственного управления.

Основными задачами реформы в Послании Президента Российской Федерации определены повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение государственными служащими законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению, обеспечение права граждан на объективную информацию.

Модернизация системы государственного управления обоснованно связывается с решением серьезной проблемы эффективности управления, а также с проблемой измерения эффективности государственного управления¹. При этом в качестве критерия эффективности деятельности органов исполнительной власти рассматривается их способность при демократической системе управления обеспечивать в условиях ограниченных ресурсов удовлетворение насущных потребностей общества в целом и отдельных граждан, ликвидировать дефицит качества управленческих услуг, оказываемых обществу государством². Успех модернизации государственного управления ставится в зависимость от использования таких ресурсов, как совершенствование структурно-институциональной организации государственного управления, повышение качества кадрового состава государственных органов, минимизация затрат в оптимальном соотношении с объективными потребностями развития³. При этом определяющим ресурсом в процессе модернизации государственного управления в контексте взаимодействия общества и государства был и остается человеческий ресурс, включаемый в понятие «человеческий фактор», поскольку «всякие реформы осуществимы только при осознанном и заинтересованном участии тех, кто их реализует, иначе они обречены»⁴. Апелляция непосред-

¹ Там же. – С. 480–501.

² См.: Эффективность государственного управления / Пер с англ., под общ. ред. С. А. Батчикова и С. Ю. Глазьева. – М., 1998.

³ См.: Слетцов Н. С. Социальные ресурсы модернизации государственного управления. – Новосибирск, 1997.

⁴ Государственное управление: основы теории и организации. Учебник / Под ред. В. А. Козбаненко. – М., 2000. – С. 205.

ственно к конкретным людям, как осуществляющим административную реформу, так и испытывающим на себе ее результаты, являет новый гуманистический подход к пониманию административной реформы, в которой деятельная, активная роль отводится не только государственным служащим, но и пользователям государственных услуг.

Отечественные институты взаимодействия общества и государства, без наличия которых конструктивное реформирование невозможно, пока еще не стали эффективными инструментами формирования демократического механизма государственного управления. На пути создания такого механизма имеются значительные преграды в виде отсутствия или игнорирования научной концепции построения такого механизма и структуры управления, состояние политической и правовой культуры, наследие долгого идеологически-устойчивого господства государственных интересов над приоритетами гражданского общества. Последние государственно-управленческие стереотипы уходят своими корнями в ранние периоды формирования государственности и связаны «с представлениями о божественной миссии верховной самодержавной власти, исходя из которой все подданные должны был и лишь ей служить, подчиняться и благодарить за ее милости», и необходимо согласиться, что «социализм здесь не внес ничего нового: он только поменял самодержца на вождя, а божественное предназначение на реализацию коммунистической идеологии»¹.

Новая концепция системы государственного управления, «в основе и центре которой находятся управляемые объекты – деятельность людей по производству материальных, социальных и духовных продуктов потребительских ценностей», концепция, ориентирующая «государственную власть... на развитие производительных сил, создание благоприятных условий для бизнеса, предпринимательства, обеспечение безопасности частной собственности и личности, на реализацию базовых ценностей, составляющих суть демократии и либерализма», не поддерживалась «партийной авторитарной бюрократией», но, что действительно поражает, с величайшим трудом пробивает себе дорогу и «в условиях демократии, рыночной экономики, прав и свобод человека»².

Вследствие вышеуказанного направления современной административной реформы включают в себя положения, которые в обобщенном виде уже выдвигались исследователями на основе как зарубежного, так и отечественно-

¹ Там же. – С. 208–209.

² Там же. – С. 7.

го опыта¹: 1) совершенствование структурно-институциональной организации системы государственного управления, 2) внедрение гибко-модульных систем менеджмента, маркетинга и мониторинга, связанных с проведением социальных мероприятий политического, административного, экономического, правового характера, 3) внедрение механизма взаимодействия государственных органов с общественными организациями, партиями, средствами массовой информации, другими институтами гражданского общества, включая создание в собственной структуре служб по связям с общественностью, 4) совершенствование информационно-коммуникационных систем, обеспечивающих выполнение управленческих функций, 5) оптимизация организационно-структурных механизмов рационализации государственного аппарата, 6) наращивание кадрового потенциала.

Среди перечисленных направлений совершенствование структурно-институциональной организации системы государственного управления представляет, на наш взгляд, самую масштабную задачу, так как ее решение либо непосредственно запускает в действие весь механизм административной реформы либо, наоборот, обеспечивает ее нейтрализацию. Действительно, модернизация государственного управления может ограничиться адаптацией системы к новым реалиям и потребностям при решении общественных задач, избегая использования качественно нового механизма взаимодействия между субъектом и объектом управления. Однако, по яркому образному выражению Г. В. Атаманчука, нельзя «без конца прожектировать, мимикрировать, заблуждаться и каяться, потрясать пустыми словами, вновь пробуждать надежды и вновь обманывать, но мало что делать для улучшения плодородия земли, осовременивания наших городов и поселков, технического обновления промышленного и сельскохозяйственного производства, укрепления здоровья... для реального решения других проблем, которые выдвигает жизнь»². Так, изменение структуры органов управления и их функций некоторыми авторами вообще не рассматривается как какое-либо стратегическое движение по пути совершенствования государственного аппарата: «бесконечное перераспределение функций в различных комбинациях является одним из основных направлений всех административных реформ», проводимых в таких целях, как обеспечение эффективности (реальности и непосредственности) управления, выполнение особых задач, ко-

¹ Государственное управление: основы теории и организации. Учебник / Под ред. В. А. Козбаненко. – М., 2000. – С. 216–217.

² Атаманчук Г. В. Указ. соч. – С. 13.

торые в силу развития событий приобретают на короткий или длительный срок особую важность, удовлетворение политических интересов, учет субъективных качеств руководителей, удовлетворение стремлений групп давления и т. п.¹ Как видим, взятые в отдельности изменения структуры органов исполнительной власти, оптимизация их функций не раскрывают комплексное содержание административных реформ и, более того, непосредственно не указывают на их стратегический характер.

Концепцию административной реформы, имеющей новое общественное значение, составляют позитивное изменение характера взаимодействия государства и общества и четкое установление форм и порядка такого взаимодействия как на теоретическом, так и на нормативном уровнях. Акцент на процедурных аспектах деятельности органов исполнительной власти выражает новую тенденцию в правовом обеспечении модернизации государственного управления и придает реформе административно-процессуальный характер, что предсказывали и на что направляли в последние десятилетия свои творческие силы известные российские ученые-административисты². Однако очевидно, что правовая регламентация форм и порядка деятельности органов исполнительной власти как процедурная составляющая административного законодательства не может отождествляться с правовой базой административной реформы, а также составлять ее нормативное обоснование, выступать, так сказать, ее правовой побудительной силой. При этом следует признать, что должной развернутой теоретико-концептуальной основы осуществления административной реформы до сих пор не выработано, «административная реформа является уравнением с большим числом неизвестных»³, а система уже проведенных мероприятий административной реформы,

¹ Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: Учебное пособие. – М., 2000. – С. 84 – 85.

² См.: Кононов П. И. Административный процесс в России: проблемы теории и законодательного регулирования. – Киров, 2001; Лория В. А. Проблемы кодификации советского административно-процессуального права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Киев, 1976; Махина С. Н. Административный процесс: проблемы теории, перспективы правового регулирования. – Воронеж, 1999; Панова И. В. Административно-процессуальное право России / Под ред. Э. Н. Ренова. – М., 2003; Петров Г. И. О кодификации советского административного права // Советское государство и право. – 1962. – № 5; Салищева Н. Г. Вопросы административного права на современном этапе. – М., 1963; Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. – М., 1964; Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право: Учебник. – СПб., 2004 и др.

³ См., например: Бачило И. Л. Еще раз о сути административной реформы в России // История становления и современное состояние исполнительной власти в России. – М., 2002. – С. 14.

по мнению ряда специалистов, «не затрагивает самих теоретических основ функционирования всей вертикали исполнительной власти, организации взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти в процессе организации государственного управления»¹.

Фактическое и юридическое обоснование административной реформы, ее «правовой энергетический заряд» открывается не в актах административного законодательства и не в административно-правовых исследованиях, обнаруживающих успех или провал того или иного приема управления, а в конституционных установлениях, определяющих стратегию и эволюцию осуществления власти, ориентированных на прямое действие, но безусловно нуждающихся в конкретных механизмах реализации. Система таких конституционных положений позволяет рассматривать процесс совершенствования государственного управления как особую деятельность общества и государства, подчиненную праву и «представляющую подсистему в государственном управлении с соответствующими целями, предметом, принципами и организацией, смысл которой заключается в придании государственному управлению как системному общественному явлению способности самопреобразования, саморазвития, самоудлучшения»².

Конституция Российской Федерации утверждает неизбежность демократической основы государственности, влекущей обязанность государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2). Народ является единственным источником власти в Российской Федерации (ч. I ст. 3), осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти (ч. 2 ст. 3), граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ч. I ст. 32), что предопределяет особый характер взаимодействия властных структур и народа как источника их властного потенциала, а также цель такого взаимодействия, разнообразие конкретных форм участия граждан в управлении и современное содержание понятия «представительства» применительно к исполнительной власти. Действительно, до сих пор не сформированы процедуры, в результате которых конкретный чиновник в системе исполнительной вла-

¹ Старовойтов А. А. Административная реформа и наука административного права: проблемы взаимосвязей и взаимодействия // 3-й Международный научный форум: Государственная власть и местное самоуправление в России / Под общ. ред. А. С. Горшкова, В. А. Волкова. – СПб., 2005. – С. 309.

² Атаманчук Г. В. Указ соч. – С. 520.

сти становится представителем граждан России, а не самого себя или другого лица, которое его назначает на должность, или управленческой «команды». Непосредственно действующие права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность исполнительной власти (ст. 18). Это конституционное положение лишает всякого смысла и легальности любое решение в сфере государственного управления, которое имеет сомнительную связь с непосредственным обеспечением прав, свобод и благосостояния граждан Российской Федерации. Принимаемые управленческие решения должны быть направлены не только на непосредственную защиту прав и свобод человека и гражданина, но и на укрепление гарантий такой защиты (ст. 45).

Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53). Это конституционное положение указывает на ответственность государства, которая выходит за рамки ущерба, понесенного конкретным гражданином. Должны сформироваться правовые механизмы, реализующие обязанность государства по возмещению ущерба обществу, нанесенного при реализации актов государственного управления, а также механизмы оценки такого ущерба.

Политический вектор государственного управления в Российской Федерации, как в социальном государстве, должен быть направлен на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это положение прямо ориентирует на развитие системы социальных служб как значительной части системы исполнительной власти (ст. 7), на стабильную разработку и реализацию социально-экономических программ как правовой основы управленческой деятельности, правовой формы реализации федеральной политики (п. «е» ст. 71).

Гарантированная в Российской Федерации свобода экономической деятельности (ч. I ст. 8) предполагает адекватное самоограничение государственного регулирования экономики и форм вмешательства государства в деятельность экономически самостоятельных субъектов. Смыслом государственного регулирования экономики и взаимодействия государства и бизнеса становится обеспечение различными методами свободы экономической деятельности как предпосылки развития экономики и роста национального продукта.

Особую роль во взаимодействии власти и общества приобретает информационный обмен, способный обеспечить реальную открытость власти и «прозрачность» принимаемых ею решений и действий. Органы государственной власти, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возмож-

ность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24). Это конституционное положение, по нашему мнению, должно открыть доступ обществу к комплексной информации о деятельности органов исполнительной власти в целях осуществления общественного контроля и преодолеть законодательные попытки ограничения указанной информации рамками жалоб на решения и действия органов исполнительной власти и их должностных лиц, затрагивающие права и свободы отдельных граждан «непосредственно и индивидуально». Кроме того, правовые основания для закрытости управленческих процессов ограничиваются положением ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации: каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

Реализация права граждан России обращаться лично и направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы (ст. 33) должна в разнообразных процедурных формах удовлетворять потребности общества как в получении информации о деятельности органов власти, так и в проведении в жизнь управленческих решений, исходящих от народа, а не от группы «народных представителей» в структуре исполнительной власти. Более того, не только управленческие решения, но сам круг проблем, подлежащих первоочередному разрешению, должен утверждаться на основе непосредственного общественного мнения. Объектами законодательного обеспечения информатизации должны стать общественные отношения, связанные с информационным обеспечением всех видов общественно полезной деятельности граждан и юридических лиц¹.

В соответствии с федеративным устройством России единая система исполнительной власти функционирует в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ч. 2 ст. 77). При этом полномочия исполнительных органов, составляющие часть общего объема полномочий Федерации и ее субъектов, во многом зависят от «точной юридико-операционной расшифровки конституционных понятий, закрепленных в ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации» «установление», «управление», «регулирование», «обеспечение», «координация»,

¹ Тихомиров Ю. А., Ноздрачев А. Ф. и др. Концепция развития административного законодательства // Правовая реформа: концепция развития российского законодательства. – М., 1995 – С. 61.

«общие вопросы», «вопросы», «разграничение», «защита», которые должны выражаться в соответствующих объеме и характере полномочий органов исполнительной власти¹. Правовой статус государственных органов управления в части их функций, полномочий, взаимодействия на федеральном и региональном уровнях должен быть детально урегулирован в административном законодательстве, несмотря на известную скудность конституционных основ устройства исполнительной власти в целом.

Законодательство Российской Федерации, регулирующее деятельность органов исполнительной власти, закрепляет конституционные принципы управления. Достаточно указать на такие принципы деятельности Правительства Российской Федерации, как принцип народовластия, ответственности, гласности и обеспечения прав и свобод человека и гражданина². Среди основных принципов построения и функционирования системы государственной службы выделяются принципы приоритета прав и свобод человека и гражданина, их непосредственного действия, обязательности их признания, соблюдения и защиты, открытости государственной службы и ее доступности общественному контролю, объективного информирования общества о деятельности государственных служащих и принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц³, принцип взаимодействия гражданской службы с общественными объединениями и гражданами⁴. Однако реальная потребность реформирования административного механизма как раз и вытекает из существенной декларативности указанных принципов, из отсутствия их четкой «проекции» на плоскость конкретного, реального управления.

Административное законодательство, развивающееся в соответствии с Конституцией Российской Федерации, проявляет естественную зависимость от изменений общей системы управления, от проведения экономических, политических и иных реформ, однако, к сожалению, не демонстрирует

¹ Там же. – С. 44.

² Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.

³ Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

строгой связи с этими процессами, «подчас реальные перестройки аппарата управления и реформы происходят без должного законодательного обеспечения»¹. Таким образом, ни под каким предлогом не могут быть сняты с повестки дня задачи приведения основ государственного управления в соответствие с Конституцией Российской Федерации, законодательного закрепления нового статуса органов исполнительной власти, их организационно-правовых форм во взаимосвязи с процедурами их создания, реорганизации и ликвидации², и главное – задачи содержательного изменения функций этих органов и порядка реализации таких функций, а также порядка реализации конституционного права граждан участвовать в управлении.

Все вышеуказанное определяет нацеленность нового этапа административной реформы в Российской Федерации на существенный прорыв в области административно-правового обеспечения соответствия деятельности органов исполнительной власти конституционным принципам демократического управления, укрепление административно-процессуального отраслевого регулирования, развитие системы административных производств как основы для достижения качественно нового состояния исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях.

Таким образом, новым и актуальным подходом к оценке мероприятий административной реформы является установление их соответствия положениям Конституции Российской Федерации, которые определяют содержание демократических институтов взаимодействия общества и государства. Глубокая взаимосвязь конституционно-правовых и административно-правовых механизмов регулирования проявляется в том, что в процессе осуществления административной реформы соответствующие конституционные положения получают непосредственную реализацию и обуславливают значимость проведенных административных преобразований.

Библиографический список

1. *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления: курс лекций. – М., 2005.
2. *Бачило И. Л.* Еще раз о сути административной реформы в России // История становления и современное состояние исполнительной власти в России. – М., 2002. – С. 14.
3. *Василенко И. А.* Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: Учебное пособие. – М., 2000.

¹ Там же. – С. 43.

² См. подробно: *Старовойтов А. Л.* Административно-правовое регулирование организации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (вопросы теории и практики). – СПб., 2005.

4. Государственное управление: основы теории и организации. Учебник / Под ред. В. А. Козбаненко. – М., 2000.
5. Кононов П. И. Административный процесс в России: проблемы теории и законодательного регулирования. – Киров, 2001.
6. Лория В. А. Проблемы кодификации советского административно-процессуального права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Киев, 1976.
7. Махина С. Н. Административный процесс: проблемы теории, перспективы правового регулирования. – Воронеж, 1999.
8. Панова И. В. Административно-процессуальное право России / Под ред. Э. Н. Ренова. – М., 2003.
9. Петров Г. И. О кодификации советского административного права // Советское государство и право. – 1962. – № 5.
10. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. – М., 1964.
11. Салищева Н. Г. Вопросы административного права на современном этапе. – М., 1963.
12. Слепцов Н. С. Социальные ресурсы модернизации государственного управления. – Новосибирск, 1997.
13. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право: Учебник. – СПб., 2004.
14. Старовойтов А. А. Административная реформа и наука административного права: проблемы взаимосвязей и взаимодействия // 3-й Международный научный форум: Государственная власть и местное самоуправление в России / Под общ. ред. А. С. Горшкова, В. А. Волкова. – СПб., 2005.
15. Тихомиров Ю. А., Ноздрачев А. Ф. и др. Концепция развития административного законодательства // Правовая реформа: концепция развития российского законодательства. М., 1995. С. 61.
16. Эффективность государственного управления / Пер. с англ.; под общ. ред. С. А. Батчикова и С. Ю. Глазьева. – М., 1998.

Источник и носитель суверенитета в свете различных теорий

суверенитет, источник суверенитета, носитель суверенитета, теории, государство, право, политика

А. Л. Бредихин

аспирант Белгородского юридического института

Министерства внутренних дел Российской Федерации

Появление государственного суверенитета явилось результатом развития общественных отношений, и он не мог возникнуть одновременно, без наличия на то соответствующих предпосылок. Как и любое явление, возникшее в ходе эволюционного развития, он имеет источник своего происхождения, исходную точку своего становления, а обретенный уже суверенитет не может существовать без реальной опоры на своего носителя, интересы и волю которого он выражает.

Термин «источник» определяется как «то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь»¹. «Носителем» же является «тот, кто наделен чем-нибудь, может служить выразителем, представителем чего-нибудь»².

В качестве источника признаются основы, характерные для уже образованного государства. Поэтому здесь содержится противоречие. Источник суверенитета должен лежать вне государства, а когда государство уже

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2004. – С. 257.

² Там же. – С. 422.

состоялось, существует только носитель суверенитета, т. е. тот, кому принадлежит государственная власть.

Поэтому для характеристики источника суверенитета необходимо обратиться к теориям возникновения государства. Ведь именно с образованием государства появляется и государственный суверенитет.

Теологическая теория. Ее главный тезис сводится к тому, что государство, как и весь мир, является результатом божественного творения («вся власть от Бога»). Государственная власть вечна и люди должны безропотно подчиняться государству.

Если следовать данной теории, то источником суверенитета является бог, то есть некое трансцендентное начало. Данная теория появилась и развивается в условиях повышенной религиозности общества и не подходит для научного исследования.

Договорная теория. Полное развитие получила в период Нового времени (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк и др. – XVII–XVIII в. в.). Фундаментальная идея этой концепции – государство возникло в результате заключения общественного договора как инструмента выражения общей воли. Люди свободно договорились о создании правительств, которые действуют по их поручению и могут быть ими смещены¹.

Согласно данной теории суверенитет берет начало в общей воле народа. Народ в обмен на безопасность и другие блага согласно договору признает над собой верховенство правительства, которое, выражая общую волю, имеет право подчинять себе каждого гражданина, действуя в интересах общества.

Теория насилия получила развитие в XIX в. (Л. Гумплович, Е. Дюринг, К. Каутский). Ее отправное положение – государство возникает в результате насилия, как правило, завоевания. Победившие превращаются в господствующий класс, потерпевшие поражение превращаются в угнетенных.

Здесь под источником суверенитета мыслится воля сильнейшего, подчинившего себе волю других.

Психологическая теория (Лев Петражицкий). Возникновение государства объясняется свойствами человеческой психики, потребностью индивида жить в коллективе, его стремлением к поиску авторитета, указа-

¹ Теория государства и права. Учебник для среднего профессионального образования / Ред. кол.: Анисимов П. В., Ростовщиков И. В. (отв. ред.), Есипова И. А. (отв. секретарь), Заднепровская М. В., Ломов В. С., Рудковский В. А. – Волгоград: ВА МВД России, 2001. – С. 24–25.

ниями которого можно было бы руководствоваться в повседневной жизни, желанием повелевать и подчиняться.

Источником суверенитета согласно данной теории является психика человека. То есть верховенство определенной власти объясняется признанием ее авторитета со стороны государственно-организованного народа.

Марксистская доктрина (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов). Согласно этой теории государство есть результат изменения социально-экономических отношений, способа производства, итог возникновения классов и обострения борьбы между ними. Оно выступает средством угнетения людей, поддержания господства одного класса над другими. Однако с уничтожением классов отмирает и государство¹.

Согласно данной теории источником суверенитета выступает воля господствующего, прежде всего экономически, класса. Так как указанный класс является собственником на средства производства, то иные классы являются зависимыми и вынуждены выполнять его волю.

Таким образом, суверенитет возник вместе с государством. Источником суверенитета является то волевое начало, которое послужило причиной образования государства. Например, если взять самую распространенную теорию возникновения государства – договорную, то передавшие по общественному договору власть государству индивиды своей волей образовали суверенитет, т. е. верховенство государственной власти.

С источником суверенитета непосредственно связано понятие носителя суверенитета.носителем верховной власти, сувереном является тот субъект (субъекты) властной деятельности, которому принадлежит право на принятие окончательных решений по наиболее важным вопросам общегосударственной жизни², то есть, кому фактически принадлежит государственная власть, кому служит и чьи интересы выражает.

Вопрос о носителе суверенитета в политико-правовой науке является дискуссионным. Так же, как и по поводу источника суверенитета, существуют несколько концепций понимания носителя суверенитета.

Одной из них является теория, признающая носителем суверенитета бога, трансцендентное начало. Эта точка зрения характерна для обществ, отличающихся высоким влиянием религии на общественную жизнь. Примером могут служить средневековые европейские государства, испытывающие

¹ Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – С. 19–20.

² Шмитт К. Политическая теология: Сборник. – М., 2000. – С. 19–20.

влияние католической церкви, а также исламские государства, которые и в настоящее время признают приоритет религии над светской властью.

В соответствии с суннитской концепцией верховным носителем суверенитета в халифате (государстве) является Аллах, а мусульманское государство строится целиком на основе поручения, данного им общине. В отличие от такого подхода шиитская концепция полагала, что суверенитет принадлежит исключительно Аллаху, и от его имени всеми делами мусульман руководит имам, который подчиняется только шариату, отражающему волю Аллаха, и не связан волей общины¹.

Жак Маритен определял принадлежность суверенитета богу, однако при этом, правда, вообще отрицал суверенитет в качестве признака государства. Он отмечал, что «ни правитель, ни король, ни император в действительности не были суверенными, хотя имели меч и атрибуты суверенитета. Не является суверенным и государство, и даже народ не суверенен. Один лишь Бог суверенен»².

Достаточно спорной является теория, признающая в качестве единственного носителя право. Представителями данной теории являлись Краббе, Г. Кельзен, Ф. Ф. Кокошкин. Г. Кельзен, в частности, считает, что государство тождественно с правом, государство есть персонификация правопорядка³. Краббе, в своем произведении «Суверенитет права», в отличие от г. Кельзена, признает право носителем суверенитета только современных правовых государств⁴.

То, что суверенитет является признаком государства, наводит на мысль о принадлежности суверенитета государству, т. е. носителем суверенитета будет являться государство. В частности, М. И. Байтин считает государство единственным носителем суверенной власти⁵.

¹ История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – С.151-152.

² Маритен Жак. Человек и государство. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Mariten/_02.php (дата обращения – 21.11.2009 г.).

³ История политических и правовых учений: Хрестоматия / Под ред. канд. философ. наук В. П. Малахова. – М.: Академический проект, 2000. – С. 402.

⁴ Рыбакин Ю. П. Юридические формы институционализации суверенитета: Дис. ... канд. юрид. наук – Ростов н/Д, 2002. – С. 89–92.

⁵ Байтин М. И. Государство и политическая власть. – Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1972. – С. 159.

На принадлежность суверенитета государству указывают и положения конституций некоторых стран, например, таких как Португалия и Ирландия.

Как отмечает М. Н. Марченко, «факт закрепления принадлежности государственного суверенитета государству в целом, а не государственной власти или другим ее атрибутам и составным частям, наряду с другими фактами, свидетельствуют о несостоятельности тезиса о том, что суверенитет – это свойство государственной власти или «сама государственная власть»¹.

В целом существуют еще множество теорий о принадлежности государственного суверенитета. Так или иначе, носителем суверенитета предлагалось признавать государственную власть, один или несколько государственных органов либо всю систему органов власти, международное сообщество и др. Однако наиболее обоснованными и реально значимыми явились классовая теория суверенитета и теория народного суверенитета.

Классовая теория в качестве носителя суверенитета признает господствующий класс. Данная концепция исходит из учения диалектического материализма (марксизма) и была господствующей для Советского союза и других социалистических стран. Согласно данному учению с помощью государства господствующий класс осуществляет свою власть и является носителем суверенитета.

И. Д. Левин в качестве носителя суверенитета признавал рабочий класс. Он отмечал: «Власть рабочего класса опирается на волю и активную поддержку всех трудящихся, сознавших, что интересы диктатуры рабочего класса – это всенародные интересы. Народный суверенитет Советского государства – это диктатура рабочего класса, опирающегося на союз с крестьянством...»². В советской литературе появилась традиция разделения населения на основную массу народа (трудящиеся) и остатки эксплуататорских классов, которые в теории и на практике отстранялись от осуществления суверенитета³.

Классовая теория, несмотря на свою противоречивость, оказала огромное влияние на развитие политико-правовой мысли. Защищая интересы класса пролетариата, который отождествлялся с народом, она содержа-

¹ Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 195.

² Левин И. Д. Суверенитет / Предисловие докт. юрид. наук, проф. С. А. Авакьяна. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 275.

³ Крылов К. А. Теория развивающегося классового суверенитета в советской правовой литературе // История государства и права. – 2007. – № 15. – С. 38–39.

ла в себе больше авторитарные, чем демократические положения. Несомненным плюсом данной теории является то, что в ее рамках взгляд мыслителей был направлен в глубину суверенитета, была предпринята попытка обосновать принадлежность суверенитета конкретным носителям и отделить фактический (политический) суверенитет от его внешнего выражения (юридической формы).

Наиболее распространенными являются теории, признающие в качестве носителя суверенитета народ. Наряду с понятием «народ» нередко для обозначения носителя суверенитета используется понятие «нация».

К.Э. Гарибян в качестве суверенитета народа видит «юридическое и фактическое обладание народом всей государственной властью в той мере, в какой народ выступает ее единственным источником и носителем»¹.

Идея принадлежности суверенитета народу уходит своими корнями к идеям мыслителей Нового времени. Г. Гроций признает народ в качестве носителя суверенитета, однако, не для всех форм правления, а только для демократической.

Существенную разработку идеи принадлежности суверенитета народу осуществил Ж.-Ж. Руссо. Под народом как носителем суверенитета Руссо понимает всех участников общественного соглашения, а не какой-то особый слой общества. В связи с этим Руссо даже предусматривал возможность высчитывания доли каждого индивида в общем суверенитете.

В настоящее время народ признается носителем суверенитета в конституциях государств западной демократии, а также в тех странах, куда западная демократия была «экспортирована».

Указание на принадлежность верховной власти народу содержится в конституциях Германии, Франции, Польши, Японии, России, Казахстана и т. д.² Например, в ст. 4 Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г.³ [15] говорится, что верховная власть в Республике Польша принадлежит Нации; Конституция Франции гласит: национальный суверени-

¹ Гарибян К. Э. Теоретические проблемы государственного суверенитета Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 42.

² Конституции зарубежных государств. Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Греция, Япония, Канада. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: БЕК, 1999; Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сборник документов. – Вып. 2. – М.: Манускрипт, 1997.

³ URL: http://www.constitution.garant.ru/DOC_3864857.htm (дата обращения – 21.11.2009 г.).

тет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и посредством референдума.

Такое единодушие в понимании под носителем суверенитета народа (нации) говорит не столько об истинности данного положения, сколько о его декларативности и недостаточной проработанности в соответствии с реалиями. Государственная власть не может осуществляться от имени и в интересах всего народа, так как население неоднородно по своим взглядам, имущественному и должностному положениям и другим качествам. Кроме того, для обоснования положения о принадлежности суверенитета народу нельзя исходить только из характеристик государственно-правовой действительности стран так называемой «развитой демократии».

Чтобы четко определить, кто или что является носителем государственного суверенитета необходимо учитывать две его стороны – юридическую и политическую. Игнорирование существования этих аспектов относительно определения принадлежности суверенитета ведет к путанице и существованию множества теорий, часто взаимоисключающих друг друга.

Для характеристики политического носителя суверенитета наиболее применимы теории классового и народного суверенитета; однако они имеют и множество недостатков и противоречий.

Так теория народного суверенитета исходит из того, что власть исходит от народа и осуществляется с помощью демократических процедур (выборов и референдума). Однако путем выборов даже в демократических странах определяются органы власти, которые выражают волю не всего, а части населения. Референдум же проводится только по определенным вопросам, и решение, принятое на референдуме, выражает не общую волю, а волю большинства.

Поэтому носителем суверенитета следует признать относительно обособленную часть народа, объединенную экономическими, идеологическими, религиозными, национальными и другими факторами, преследующими общие цели и задачи, при этом, ввиду господствующего положения, имеющими возможность осуществлять верховную власть в обществе и формировать систему законодательства.

Библиографический список

1. Байтин М. И. Государство и политическая власть. – Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1972.
2. Гарибян К. Э. Теоретические проблемы государственного суверенитета

Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

3. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсисянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004.

4. История политических и правовых учений: Хрестоматия / Под ред. канд. философ. наук В. П. Малахова. – М.: Академический проект, 2000.

5. Конституции зарубежных государств. Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Греция, Япония, Канада. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: БЕК, 1999.

6. Крылов К. А. Теория развивающегося классового суверенитета в советской правовой литературе // История государства и права. – 2007. – № 15.

7. Левин И. Д. Суверенитет / Предисловие докт. юрид. наук, проф. С. А. Авакьяна. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

8. Маритен Жак. Человек и государство. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Mariten/_02.php (дата обращения – 21.11.2009г.).

9. Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. – 2003. – № 1.

10. Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сборник документов. – Вып. 2. – М.: Манускрипт, 1997.

11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2004.

12. Рыбакин Ю. П. Юридические формы институционализации суверенитета: Дис. ... канд. юрид. наук – Ростов н/Д, 2002.

13. Теория государства и права. Учебник для среднего профессионального образования / Ред. кол.: Анисимов П. В., Ростовщиков И. В. (отв. ред.), Есипова И. А. (отв. секретарь), Заднепровская М. В., Ломов В. С., Рудковский В. А. – Волгоград: ВА МВД России, 2001.

14. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001.

15. Шмитт К. Политическая теология: Сборник. – М., 2000.

16. URL: http://www.constitution.garant.ru/DOC_3864857.htm (дата обращения – 21.11.2009г.).

Точка зрения

Проблемы совершенствования юридического образования в современной России

юридическое образование; система лицензирования; аккредитация; образовательная полиция; государственная аттестационная комиссия; государственная экзаменационная комиссия

А. Д. Селюков

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права Российского государственного торгово-экономического университета

И. В. Левакин

доктор юридических наук, профессор, заместитель директора Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации

Проводимая в настоящее время кампания по наведению порядка в сфере юридического образования вызывает много вопросов.

Главным злом объявлена слабая подготовка юристов, право на обучение которых получили от уполномоченных органов государства многие вузы и их филиалы. Параллельно называется факт большого количества выпускаемых юристов, не востребованных практикой.

Кто породил эту проблему, тот сам громче всех заявляет о ней, предъявляя упрек к вузам, которые «вдруг» занялись подготовкой юристов. При этом умалчивается о том, что органы образования направо и налево выдавали лицензии без учета наличия базы для обучения юристов и без учета реальной востребованности в них общества. Нельзя забывать, что

«вхождение» в рынок одновременно толкнуло многих людей заняться торговлей, предпринимательством, при этом получить определенные экономические и правовые знания. Причем этот фактор продолжает действовать до сих пор. С другой стороны, состояние образованности выпускников школы также обусловило низкий уровень знаний у студентов. Имеет влияние и то, что обучение на платной основе в нашей стране пока не привело к ожидаемому повышению качества преподавания и выпускников. Нормальной должна быть практика, когда обучающийся платит за полученные знания. У нас ситуация наоборот: студент платит за процедуру обучения, чтобы не иметь знаний.

Почему вдруг заговорили о юристах. Разве только они портят картину уровня образованности в обществе? Разве нет проблемы среди тех же экономистов, медиков, учителей и проч.? Или, начав с юристов, правительство применит отработанную технологию сокращения «ненужного» количества людей с дипломами по другим профессиям? И второе, действительно ли юристов много, сколько их нужно для потребностей рыночной экономики, формирования правового государства? Проблему борьбы за качество нельзя подменять проблемой борьбы с количеством.

Не выйдет ли в данном случае, говоря словами известного классика, «хотели – как лучше, а получили – как всегда», такой же результат: снизив количество юристов, мы снизим еще больше качество их подготовки. Такой вывод напрашивается потому, что востребованность в юристах есть и будет всегда. Это – то направление знаний, которое на самом деле, как и знание арифметики, русского языка, необходимо каждому человеку. Государство вместо всеобщей правовой грамотности избрало путь «сокращения количества ради повышения качества», что, в общем-то, неплохо, но какими методами. И почему надо подменять борьбу с количеством плохих юристов на борьбу с количеством юристов вообще.

Те вузы – счастливицы, которые получают монопольное право на обучение юристов, сделают вступительные цены еще выше, и поступать туда будут люди только с большими деньгами. А как они учатся – все знают. Административными мерами решать то, что должно обеспечиваться конкурентной борьбой – излюбленный метод российских чиновников: авось и им что-то перепадет. Не зря же они породили проблему количества вузов, осуществляющих подготовку юристов.

Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты получили особый статус «федеральных университетов». Как считают эксперты, «в результате они станут одновременно и более богатыми, и менее

свободными». В частности, они получили возможность установления дополнительных вступительных «испытаний» для абитуриентов помимо ЕГЭ, так же, как например, МГИМО (У). Это признание провала практики ЕГЭ? Значит ли это, что государство не в силах противостоять коррупции на местах и признает результаты ЕГЭ априори несостоятельными? Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты и может быть еще тройка крупных вузов будут выведены из под разрушительного удара непоследовательных реформ, а остальные вузы?

Президент Российской Федерации в своем указе от 26 мая № 599 ставит вопрос не только о повышении качества образовательных программ в области юриспруденции, но и об усилении контроля за деятельностью образовательных учреждений, осуществляющих подготовку юридических кадров. Внешний контроль со стороны уполномоченных органов за качеством обучения ведется постоянно. Значит надо признать, что этот контроль не эффективен и его следует заменить другим контролем, тоже имеющим внешний характер. На самом деле речь идет о создании дополнительного механизма контроля со стороны одного из элементов гражданского общества – «Ассоциации юристов России». Очень хочется надеяться, что элементы демократии восторжествуют при этом, и наконец-то при широкой гласности и открытости критериев, а самое главное объективно, без предварительного определения «победителей» в нашей стране заработает механизм контроля за качеством обучения хотя бы в сфере подготовки юристов.

Пока не ставится вопрос о том, что главными контролерами любого направления подготовки специалистов, в том числе и юристов, являются их работодатели, либо реальная работа для того же индивидуального предпринимателя. Провозгласив принципы рыночной экономики, государство, а точнее его чиновники, не желают, чтобы рыночные правила работали в полном объеме. Речь идет о том, что на ту же самую государственную службу следует брать не выпускников отдельных вузов, а тех, кто сдал соответствующий квалификационный экзамен по профилю при приеме на работу, причем экзамен объективный. По крайней мере, затрат на проведение такого экзамена будет меньше, чем на последующее исправление кампании по борьбе с количеством юристов. Давайте вспомним, чем закончилась борьба с алкоголизмом в 1985 году. Тогда тоже боролись не с причиной алкоголизма, а с количеством спиртного на столах у граждан.

Диктовать коммерческим структурам, как лучше осуществлять прием кадров – не стоит, они сделают это сами и без участия директив. В отдельных случаях, коммерсант, взяв слабо подготовленного в теории юриста,

может сделать из него хорошего практика и, наоборот, уволить знающего юриста-теоретика за нерадивость.

К тому же возникает элементарный вопрос: а как быть с действующей системой оценки качества образования внутри вуза и самого вуза извне. Если не доверять составу ГЭКов и ГАКов, то надо отменить их, либо сделать адекватными их своей сути. Где обещанная учебная полиция, которая может решать проблему по существу? Почему не работает для целей повышения качества образования действующая система лицензирования и аккредитации? Ведь заработную плату за это дело получают. Где гарантия, что не будет такой же профанации в предлагаемых формах совершенствования качества обучения?

В чем следует поддержать указ Президента Российской Федерации, так это в постановке задачи по принятию высоких государственных стандартов высшего профессионального образования при условии, что это будет единым правилом для всех, которое исключает всякие исключения.

Как собираются реализовывать установки Президента Российской Федерации? Из содержания опубликованных в широкой печати материалов следует, что за основу берется показатель «профильности» вуза. Если понимается под этим название вуза, то – это просто несерьезно. Если «профильность» означает способность вуза готовить хороших юристов, то, что в структуре направлений подготовки кадров в вузе юридическая составляющая выступает органичным элементом, а еще то, что степень освоенности алгоритма юридического обучения обеспечена добротной методологией, методикой, кадрами, то такой критерий допустим. При этом важно, чтобы в самом вузе не допускалась профанация в оценке текущих знаний студентов и т. п.

Но реализация такого критерия потребует поголовной объективной проверки всех вузов, где обучаются юристы какой-то независимой и неангажированной комиссией, члены которой не имеют личных интересов в результатах проверок. Кто может сказать, что такая комиссия будет? Но, если не будет, то зачем проводить проверки? Чтобы необъективно выкинуть «чужих» и оставить «своих»? И это – в условиях очередной активизации борьбы с коррупцией. Давайте будем стремиться к тому, чтобы борьба за качество обучения юристов также могла служить образцом юридической обеспеченности, правовой культуры и базой для правового воспитания молодежи.

Заслуживает одобрения постановка задачи сделать упор в обучении не на механическое освоение студентом объема знаний, а на развитие юридического мышления, навыков научного анализа, формирование юридиче-

ской этики. Однако пропагандируемая и насильно внедряемая Министерством образования и науки Российской Федерации система тестирования имеет другую направленность. Для ответа на тест развитого мышления не нужно, главное – запомнить или угадать нужный вариант.

Не способствует научному творчеству установка исполнительных органов в сфере образования на поголовную обеспеченность всех предметов учебно-методическими комплексами. Если такой комплекс может быть полезен для начинающего преподавателя, то для опытного профессора он является сдерживающим фактором, поскольку обязывает следовать жесткому алгоритму изложения материала.

Особой оценки заслуживает предполагаемая мера в виде единого квалификационного экзамена для юристов – выпускников. Во-первых, возникает вопрос о том, кто и за счет чего будет оплачивать такой экзамен? Хорошо бы не за счет экзаменующихся. Во-вторых, как и где будет организован такой экзамен? Вместо действующей системы ГЭКов или наряду с ней? Но опять же – самый главный вопрос – «а судьи кто?». Представим себе, что в торговой сфере крупным, значимым, «профильным» торговым кампаниям поручили подготовить и осуществить меры по повышению качества торговли и при этом «почистить» сферу от тех, кто плохо работает. Хотя, на практике это, к сожалению, нередко и происходит. Может лучше экзамен проводить не на выходе из вуза, а на входе выпускника в практику? Поручить это дело работодателям и тем самым снять все проблемы. Лучше потребителя никто не оценит качество «образовательных услуг» отдельного вуза и уровень юридической образованности отдельного выпускника. В странах с развитой рыночной экономикой работает именно это правило.

Что касается «рейтинга» юридических вузов, то он может быть. Только номинанты рейтинга должны завоевывать это звание, а не назначаться. Нельзя установку на качество обучения механически связывать с размером вуза, его месторасположением (в столицах или в провинции), даже с его былыми заслугами, которые могут потеряться в мире борьбы за деньги. Только знание, сформировавшееся творческое мышление и талант молодого юриста могут стать критериями зрелости и готовности самого вуза для осуществления образовательной деятельности. И это значимо не только для правовой подготовки. К тому же следует помнить, что молодой выпускник обычно остается там, где его обучали. Если обучение сосредоточить в крупных городах, то кто поедет работать в малые города? Или там юридические услуги не нужны?

За последнее время в нашей стране нередко наблюдаются случаи, когда по рекомендациям псевдоэкспертов принимаются решения, наносящие вред экономике, другим сферам жизнедеятельности общества. Настоящая наука всегда связана с истиной, которая заключается не в объеме знаний, а в поиске соответствия с тенденцией изменений всего сущего. В настоящее время важно в любом вузе, по любой специальности научиться творить и в процессе творчества обучать. Только тогда у студентов будет формироваться не просто запас знаний, а диалектический способ мышления, который решает проблему формирования нестандартного способа деятельности. Пока что действующие механизмы обучения нацеливают на формирование в лучшем случае системы знаний, но редко – на формирование умения понимать явления и процессы во взаимосвязи. Что представляет собой человек, который способен ответить на все тесты? Это эрудит, но не творец. Мы должны поставить целью процесса обучения формирование специалиста, имеющего нестандартное мышление, творца, хотя реальная жизнь, к сожалению, эту цель в полном объеме в каждом человеке не позволит реализовать.

Вызывает недоумение стремление чиновников от образования к увеличению количественных показателей в оценке научных достижений конкретного ученого или отдельного вуза. Например, требуется опубликовать как можно больше статей в ВАКовских журналах. При этом суть научного подхода и результата не учитывается. Обилие статей говорит всего лишь о количестве, не всегда переходящего в качество. Может быть, поставить вопрос не об увеличении количества публикаций, а о повышении их качества. Настоящий ученый, чаще всего, конечно, много пишет, но, сколько их – настоящих. А писать призывают всех. Главное при этом – найти читателей.

Поставленные вопросы требуют ответа от тех, кто обеспечивает проблемы юридического образования. Если имеет место заблуждение, то необходимо просто перейти от наукоподобия к науке, от заблуждения – к истине. Если это сознательная позиция, то надо определить, кто будет отвечать за результаты? Кому выгодны заведомо ложные подходы? Важно при этом помнить, что только критические взгляды на любые логические построения человеческого ума позволяют сохраняться науке и преодолевать ложные взгляды и ошибки.

История формирования политики Европейского союза в области охраны окружающей среды

Европейский Союз; окружающая среда; Римский договор 1957 г.; экологическая политика; Решение по делу ADBHU; охрана почв; Амстердамский договор 1999 г.; Ниццкий договор 2001 г.

П. И. Дойников

кандидат юридических наук, старший лаборант-исследователь сектора истории государства и права, политических учений Института государства и права Российской академии наук

Динамику формирования политики и компетенции ЕС в отношении окружающей среды, правового регулирования в данной области можно проследить, выделив в развитии экологической компетенции Сообщества несколько этапов.

Первый этап (1957–1972 гг.). Первоначально окружающая среда не была выделена Римским договором 1957 г., учреждающим ЕЭС, как сфера интеграции: Вопросы экологии определяли границы правового регулирования создания общего рынка, что выразительно подчеркнуто в ст. 36 Договора (современная ст. 30), позволяющей государствам-членам вводить ограничения на импорт, экспорт, транзит в товарообороте по соображениям экологической безопасности. Однако указанные положения обуславливают компетенцию государств-членов, а не ЕС.

Не были наделены полномочиями в соответствующей области ни Европейское объединение угля и стали, ни Евратом. В соответствии с Договором о Евратоме 1957 г. Евратом получил компетенцию по изданию норм санитарной защиты обслуживающего персонала и населения от радиации

(ст. 30–39 Договора о Евратоме), которые часто касаются аспектов радиационного загрязнения окружающей среды¹.

Проблемы окружающей среды стали затрагиваться вторичным правом ЕС к началу 1970-х гг., особенно в документах, направленных на осуществление сельскохозяйственной и антимонопольной политики ЕЭС. Наиболее важными из них стали Директива 67/548/ЕЭС относительно классификации, упаковки и маркировки опасных веществ от 27 июня 1967 г.² и Директива 70/220/ЕЭС от 20 марта 1970 г.³, трансформировавшая в правопорядок Сообществ Женевское соглашение 1958 г., определяющее единые экологические стандарты для двигателей транспортных средств. Появление подобных актов не являлось случайностью, а было результатом обострения экологических проблем к концу 60-х гг. XX в., которые в первую очередь поставили под угрозу общую конкурентную и общую аграрную политику ЕС. Назрела необходимость введения собственных экологических мероприятий, утверждение стандартов окружающей среды, единых для ЕС.

Второй этап (1972–1986 гг.). В 1972 г. Совет глав государств/правительств государств-членов принял решение о расширении компетенции Сообщества в новых областях, в том числе и в области окружающей среды. В первичное право ЕС, однако, изменения внесены не были. Все решения в новой сфере деятельности принимались на основе ст. 100 и 235 Договора о ЕЭС (современные ст. 94 и 308), которые позволяли ЕЭС для достижения целей Сообщества предпринимать действия в сферах, не обозначенных в учредительном договоре. Подобное распространение на новые области, саморасширение компетенции ЕС как результат интеграционных процессов и, одновременно, необходимое условие для дальнейшей интеграции получило название «эффект перелива».

Цели, задачи, основные направления и критерии проведения экологической политики стали закрепляться в специальных среднесрочных программах действий Сообщества по окружающей среде. Первая такая программа была принята Советом 22 ноября 1973 г.⁴ Регулирование новой

¹ Например, Директива 76/579/Евратом о стандартах радиационной безопасности от 1 июня 1976 г. // OJ. 1976. L 187.

² OJ. 1967. L 196.

³ OJ. 1970. L 076.

⁴ OJ. 1973. C 112/1.

области сплочения проводилось в основном путем издания директив – актов гармонизации права государств-членов. Сообществом в рассматриваемый период были приняты разнообразные нормы в области охраны вод, обращения и утилизации отходов, ограничения использования вредных веществ в производстве и их выбросов, защиты животных и птиц, охраны воздуха.

В эти годы Судом ЕС были рассмотрены первые дела, касавшиеся вопросов окружающей среды, соответственно появились первые судебные прецеденты¹. Важнейшим из них явилось Решение по делу ADBHU, в котором Суд сформулировал положение о том, что охрана окружающей среды, несмотря на отсутствие ее в ст. 2 Договора среди целей Сообщества, все же является целью деятельности организации наравне с другими целями, прямо закрепленными в Договоре.

В этот же период ЕЭС присоединилось к ряду международных конвенций по охране окружающей среды².

Развитие экологической политики и компетенции Сообщества на втором этапе знаменуется ее становлением, началом правового регулирования в области окружающей среды, проведением первых совместных мероприятий в данной сфере.

Третий этап (1986–1992 гг.). ЕЕА внес изменения в Договор о ЕЭС 1957 г., которые касались определения компетенции ЕС в области экологии, эти изменения явились логическим продолжением всей предыдущей деятельности организации в указанной сфере. В ст. 130 (г–т) были обозначены цели и задачи, принципы и направления политики ЕС в области окружающей среды.

В отношениях между ЕС и государствами-членами по охране окружающей среды был внедрен принцип субсидиарное™. Единый европейский акт ввел этот принцип исключительно для экологической политики ЕЭС. Политика в области окружающей среды стала своего рода «полем экспериментов»; сферой, в которой принцип субсидиарное™ проходил свою апробацию и только впоследствии был распространен на другие политики ЕС.

¹ См., напр.: дело 91/79 «Commission v. Italy, Detergents» [1980] // ECR 1099; case 172/82; «Interhules» [1983] // ECR 555; дело 240/83 «ADBHU» [1985] // ECR 531 и др.

² Например, ЕЭС стало участником Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г., Конвенции об охране дикой флоры и фауны и природных мест их обитания в Европе 1979 г. и др.

Во вторичном праве в этот период наблюдается рост правового регулирования природоохранной деятельности на основе регламентов – актов унификации права государств-членов. Одновременно продолжалась деятельность по гармонизации права государств-членов, в частности в области охраны почв и защиты от химического загрязнения. Однако эффективность процесса гармонизации законодательства была поставлена под сомнение большим количеством неудовлетворительно имплементированных государствами-членами экологических директив.

На данном этапе первостепенное значение для ЕС имели вопросы внедрения системы оценки воздействия на окружающую среду, мониторинга, распространения экологической информации и доступа общественности к ней, а также финансирования природоохранных мероприятий.

В эти же годы была легализована экологическая компетенция ЕС, и процесс становления общей политики в отношении окружающей среды, правового регулирования в данной сфере завершился.

Четвертый этап (1992 г. – настоящее время). Этап совершенствования экологической политики ЕС. Договор о Европейском Союзе 1992 г. внес коррективы в ст. 130 (п. «г»–«т») ДЕС. Были дополнены цели и принципы политики ЕС в отношении окружающей среды. Был исключен принцип субсидиарное™ из экологических статей Договора, данный принцип был вынесен как бы за скобки, определен ст. 36 (современная ст. 5) как один из общих принципов деятельности ЕС. В Договоре появились положения о финансирование экологических мероприятий, и усложнился порядок принятия решений ЕС в рассматриваемой области.

В мае 1999 г. вступил в силу Амстердамский договор об изменении Договора о Европейском Союзе, договоров, учреждающих европейские сообщества и ряда связанных с ним актов 1997 г., который открыл новые возможности для совершенствования правового регулирования в области экологии. Договор подтвердил приверженность ЕС идеям «устойчивого развития» и намерения в дальнейшем проводить соответствующие мероприятия по охране окружающей среды, закрепив принцип охраны окружающей среды в качестве общего принципа деятельности организации (ст. 6). Новый договор изменил нумерацию статей, теперь окружающей среде посвящен разд. XIX части третьей ДЕС, ст. 174–176.

Ниццкий договор 2001 г. не внес существенных изменений в положения об экологической политике ЕС. «Косметической» корректировке

подверглась только ст. 175, которая носит уполномочивающий характер для Сообщества в сфере окружающей среды.

Шестая программа действий ЕС в области окружающей среды была утверждена Решением Европейского парламента и Совета № 1600/2002/ЕС от 22 июля 2002 г.¹

Программа является центральным документом в области экологии на европейском континенте на ближайшее десятилетие. Учитывая масштабы предусматриваемых мероприятий и характер деятельности ЕС, в соответствии с Программой будут координироваться мероприятия в сфере охраны окружающей среды не только государств-членов ЕС, но и государств-кандидатов, а также других стран Европы и европейских международных экологических организаций.

Библиографический список

1. Директива 76/579/Евратом о стандартах радиационной безопасности от 1 июня 1976 г. // OJ. 1976. L 187.1.
2. Case 91/79 «Commission v. Italy, Detergents» [1980] // ECR 1099.
3. Case 172/82.
4. Case 240/83 «ADBHU» [1985] // ECR 531.
5. «Inter-huiles» [1983] // ECR 555.
6. OJ. 1967. L 196.
7. OJ. 1970. L 076.
8. OJ. 1973. C 112/1.
9. OJ. 2002. L 242/1. Текст Программы на русском языке см.: Шестая программа действий Европейского сообщества в области окружающей среды / Под ред. С. Ю. Кашкина. – М., 2002.

¹ OJ. 2002. L 242/1. Текст Программы на русском языке см.: Шестая программа действий Европейского сообщества в области окружающей среды / Под ред. С. Ю. Кашкина. – М., 2002. – С. 8.

Понятие, виды и система источников информационного права в современных условиях

информационные правоотношения; информационное законодательство, источники информационного права; подсистема специального информационного законодательства

А. А. Тедеев

доктор юридических наук, кандидат экономических наук, директор Международного исследовательского института, заместитель директора Научно-исследовательского центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и иным правам интеллектуальной собственности» Государственного университета – Высшей школы экономики

Как известно, возникновение, изменение и прекращение правоотношений формализуется в нормах соответствующей отраслевой принадлежности. При этом, согласно положениям теории права, источник права наиболее часто бывает дефиницирован как форма выражения государственной воли, направленной на признание факта существования права определенного содержания, на его формирование, изменение или констатацию факта прекращения существования права определенного содержания.

В то же время, юридические нормы, естественно, должны быть оформлены так, чтобы с ними могли познакомиться люди, которым они адресованы. Для этого нормы права в виде статей включаются в правоустанавливающие акты государственных и муниципальных органов¹. Такие

¹ См. подр.: Бахрах Д. Н. Административное право России. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – С. 37.

акты, если они содержат правовые нормы, становятся источниками права, то есть внешними формами его выражения.

Проблема источников права традиционно находится в эпицентре внимания аналитической юриспруденции. Как отмечает М. Н. Марченко, «с тех пор, как возникло право, проблемы источников его образования, форм его организации и существования постоянно привлекало к себе повышенное внимание исследователей»¹.

Вместе с тем, представляется возможным отмечать, что понимание источников права неоднозначно среди различных исследователей, что особенно остро проявилось в советский период развития отечественной юридической науки. Естественно, с учетом известной преемственности, упорное стремление определить содержание основных (базисных) правовых категорий той или иной отрасли и в настоящее время выступает характерной чертой современной российской юридической науки. Общеизвестно, что ни дореволюционной, ни зарубежной юриспруденции не свойственны «столь пристальное внимание к определению точных формул абстрактных вещей»², «бесконечные споры о границах понятий и тому подобных вещах»³, и организация дискуссий с целью «сравнить различные точки зрения и выработать единую позицию по конкретному вопросу»⁴. И все же, прежде чем перейти к анализу содержания, формы организации и системы корреляций нормативных правовых актов, содержащих нормы права, направленные на регулирование информационных отношений на современном этапе их развития, необходимо, хотя бы и в самых общих чертах, определить, что понимается в отечественной аналитической юриспруденции под самим термином «источник права».

До Октябрьской революции в российском праве под источниками права, как правило, понимались «формы выражения положительного права, которые имеют значение обязательных средств ознакомления с действующим правом»⁵. Например, И. В. Михайловский отмечал, что источниками

¹ Марченко М. Н. Источники права. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 3.

² Натанн F. Das Staatsrecht der Postcommunismrepublic. – Munchen: BEK Verlag, 2004. – S. 55.

³ Белкин А. А. Актуальные вопросы теории и практики источников права. – М., 2006. – С. 102.

⁴ Авдеевкова М. П., Дмитриев Ю. А. Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. Часть I. – М.: Профобразование, 2002. – С. 5.

⁵ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – М., 1911. – С. 36.

права являются факторы, творящие право; при этом разногласия у отдельных ученых вызывает лишь вопрос о том, что должно считаться правотворящими факторами¹. Г. Н. Муромцев писал, что под источником права следует понимать обусловленный характером правопонимания данного общества способ признания социальных норм в качестве обязательных².

В советское время С. Ф. Кечекьян отмечал, что данное понятие «принадлежит к числу наиболее неясных в теории права. Спорным является самый смысл, в котором употребляются слова «источник права». Ведь «источник права» – это не более как образ, который скорее должен помочь пониманию, чем дать понимание того, что обозначается этим выражением»³.

Не имея здесь возможности остановиться на содержании указанных спорных аспектов теории источников права по существу, отметим, что в советский период наиболее острые дискуссии⁴ вызывало соотношение понятий «источник права» (например, к позиции о более верном употреблении именно этого термина склонялись С. С. Алексеев⁵, С. А. Голунский, М. С. Строгович⁶, Е. Ф. Кечекьян⁷, С. Л. Зивс⁸ и др.) и «форма права» (Н. Г. Александров⁹, А. Ф. Шебанов¹⁰ и др.), а равно – соотношение понятий «источник права в материальном смысле» и «источник права в формальном смысле»¹¹. В первом случае (в значении источника права в материальном смысле) к источникам права относят объективные факторы, «порождающие» право как социальное явление, т. е. то, что стало причиной образования права. В качестве таких факторов выступают материаль-

¹ См.: Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. – Томск, 1914. – С. 237.

² См.: Теория права и государства / Под ред. Г. Н. Манова. – М., 2000. – С. 149.

³ Кечекьян С. Ф. О понятии источника права. // Ученые записки МГУ. – М., 1946. – Вып. 116. – Кн. 2. – С. 3.

⁴ См. подр.: Зивс С. Л. Источники права. – М., 1982. – С. 11–32.

⁵ Алексеев С. С. Общая теория права. – Т. II. – М., 1982. – С. 211–215.

⁶ Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. – М., 1940. – С. 173–175.

⁷ Карева М. П., Кечекьян С. Ф., Федосеева А. С., Федькин Г. И. Теория государства и права. – М., 1955. – С. 73.

⁸ См. напр.: Зивс С. Л. Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 4–6; Зивс С.Л. – М., 1982.

⁹ См. напр.: Александров Н. Г. Понятие формы права. // В кн.: Основы теории государства и права. – М.: Госиздюрлит, 1963. – С. 35–40.

¹⁰ См.: Шебанов А. Ф. Форма советского права. – М., 1968.

¹¹ См. подр.: Общая теория права. Академический курс. / Под ред. М. Н. Марченко. – Т. 2. – М., 1998. – С. 132.

ные и духовные аспекты жизни общества, природа вещей, божья воля и воля законодателя и т. д.

Во втором случае, под «формальным источником права» действительно имеется в виду форма внешнего выражения содержания действующего права. При этом понятие источника права связывают и с непосредственной деятельностью уполномоченных органов государства по формированию права, приданию ему формы законов, указов, постановлений и других нормативно-юридических документов. Таким образом, можно сказать, что под внешней формой права понимаются способы установления правовых норм. В юридической литературе именно за ними утвердилось традиционное наименование «источники права»¹. При этом формальные источники права в литературе иногда обозначаются и термином «форма права».

В современной юридической науке источниками права чаще всего понимают как форму выражения правила, сообщающую ему качество правовой нормы²; «внешнюю форму объективации, выражения права»³; выражение нормативной государственной воли⁴; «резервуар», в котором пребывают юридические нормы⁵; форму установления и выражения правовых норм⁶ и т. д. По крайней мере, в настоящее время такое понимание этого понятия преобладает, поэтому указанные споры считаются преодоленными. Однако отдельные исследователи полагают, что дискуссия по данному вопросу не исчерпана, ввиду необходимости переноса проблемы в плоскость соотношения понятий «право» и «закон»⁷, то есть в сферу изыскания определения самого права. При таком подходе решение вопроса об указанном соотношении производно от решения проблем право-

¹ См.: Труды МГЮА. – М., 1997. – № 2. – С. 38.

² См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. – М., 1970. – С. 580.

³ См.: Теория государства и права. Курс лекций. / Под ред. М. Н. Марченко. – М., 1996. – С. 336–338.

⁴ См.: Общая теория права. Курс лекций. / Под ред. В. К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993. – С. 247–249.

⁵ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. – Т. 1. – М., 1982. – С. 315.

⁶ См.: Ученые зап. МГУ. – М., 1946. – Вып. 116. – Кн. 2. – С. 4; Зивс С. Л. Источники права. – М., 1982. – С. 22–23; Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. – М., 1967. – С. 15; Керимов Д. А. Философские проблемы права. – М., 1972. – С. 219.

⁷ См.: Авдееenkova М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. Часть I. – М.: Профобразование, 2002. – С. 108.

понимания¹. Как указывает М. Н. Марченко, от того, на каких методологических позициях находится исследователь, придерживается ли он позитивистских воззрений или же стоит на позициях естественного права, в полной мере зависит и его представление о формах и источниках права².

Кроме того, необходимо отметить: некоторыми современными Российскими исследователями подчеркивается, что в «отечественной юридической науке отсутствует общепринятое понятие источников права. Вместе с тем, реализация концепции правового государства в целях обеспечения устойчивого развития российского общества в целом предполагает наличие научно обоснованной концепции источников права»³.

Вместе с тем, причины недостаточной теоретической разработанности вопроса об источниках информационного права все же следует искать не столько в нечеткости самого понятия «источник права», сколько в общей неразвитости доктрины информационного права. Поэтому, ведя речь об источниках информационного права, под таковыми нами, естественно, понимаются именно формы (формальные источники) информационного права.

Вопросы, связанные с выявлением видов и системы источников информационного права, в той или иной степени исследуются в трудах таких ученых как А. Б. Агапов⁴, А. М. Барнашов⁵, И. А. Бачило⁶, В. Г. Белов⁷, А. Б. Венгеров⁸, Е. А. Войниканис¹, О. А. Гаврилов², О. А. Городов³,

¹ McLeod I. *The Legal Theory*. – London, 1999. – P. 4–10.

² Марченко М.Н. *Источники права*. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 29.

³ Гурова Т.В. *Источники российского права: Дис. ... канд. юрид. наук*. – Саратов, 1998. – С. 5.

⁴ Агапов А.Б. *Основы федерального информационного права России*. – М., 1995.

⁵ См. напр.: Барнашов А.М. *Международно-правовые аспекты информационной безопасности и «информационные войны» // Российский ежегодник международного права (2004)*. – СПб., 2005. – С. 285–290.

⁶ Бачило И. А. *Информационное право. Основы практической информатики*. – М., 2001. – С. 312–324; Бачило И. А. *Информационное право. Роль и место в системе права*. // *Государство и право*. – 2001. – № 2; Бачило И. А., Лопатин В. Н., Федотов М. А. *Информационное право: Учебник*. / Под ред. акад. РАН Б. Н. Топорнина. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 109–114, 120–131.

⁷ Белов В. Г. *Социальные парадигмы информационного общества и проблемы информационного права // Проблемы информатизации. Теоретический и научно-практический журнал*. – 1999. – № 3. – С. 20–27.

⁸ См. напр.: Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации: 1994–1996. *Нормативные акты. Практика. Комментарии*. / Под ред. А. Б. Венгерова. – М., 1997.

А. А. Зайцева⁴, В. А. Копылов⁵, А. В. Кубышкин⁶, М. А. Лапина, А. Г. Ревин, В. И. Лапин⁷, В. Н. Лопатин⁸, В. Н. Мяснянкин⁹, Ю. Г. Просвириин¹⁰, М. М. Рассолов¹¹, И. М. Рассолов¹², А. А. Рихтер¹³, М. А. Федотов¹⁴, С. А. Швердяев¹⁵ и др.

¹ См. напр.: *Войниканис Е. А., Якушев М. В.* Информация. Собственность. Интернет: Традиции и новеллы в современном праве. – М.: Волтерс Клаувер, 2004.

² *Гаврилов О. А.* Создание современной концепции информационного права. Доклад на конференции «Актуальные проблемы современного информационного права». – М., 2001.

³ *Городов О. А.* Основы информационного права России. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 58–74.

⁴ См. напр.: *Зайцева А.* Юридические доктрины в системе источников информационного права. // Законодательство и практика масс-медиа. – 2005. – Выпуск 9.

⁵ См.: *Копылов В. А.* Информационное право: вопросы теории и практики. – М.: Юристъ, 2003. – С. 177–186; *Копылов В. А.* Информационное право: Учебник. – М.: Юристъ, 2001. – С. 141–151.

⁶ См. напр.: *Кубышкин А. В.* Международно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности государства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 5–6.

⁷ См. напр.: *Лапина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И.* Информационное право: Учеб пособие. / Под ред. проф. И. Ш. Киясаханова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – С. 33–36.

⁸ *Лопатин В. Н.* Предмет и методы информационного права. Лекция. – СПб., 2000; *Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А.* Информационное право: Учебник. / Под ред. акад. РАН Б. Н. Топорнина. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 114–120; *Лопатин В. Н.* Информационное общество и правовое государство. (Эскиз концепции законодательства в сфере информационной безопасности). – М.: Издание Государственной Думы Российской Федерации. – 1997.

⁹ См. напр.: *Мяснянкин В. Н.* Источники и системность информационного права Российской Федерации // <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1103/6.html>

¹⁰ См.: *Просвириин Ю. Г.* Информационное законодательство. – Воронеж, 2000; *Просвириин Ю. Г.* Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном российском государстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002. – С. 4–16.

¹¹ См. напр.: *Рассолов М. М.* Информационное право: Учебное пособие. – М.: Юристъ, 1999. – С. 26–41.

¹² См. напр.: *Рассолов И. М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – С. 116–153.

¹³ См. напр.: *Рихтер А. А.* Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Законодательство и практика масс-медиа. – 2006. – Выпуск 10.

¹⁴ См. напр.: Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации. / Под ред. М. А. Федотова. – М., 1999.

¹⁵ *Швердяев С.* Информационные отношения и система информационного законодательства. // Законодательство и практика СМИ. – 1999. – № 1.

Однако лишь в немногих работах указанные источники дефинируются, причем достаточно односложно. Например, В. А. Копылов достаточно кратко определяет источники информационного права как внешние формы выражения информационно-правовых норм¹. Аналогично, О. А. Городов, прямо не используя в своей работе термина «источники информационного права», тем не менее, пишет о том, что «информационное законодательство выступает главенствующей формой закрепления норм информационного права и важнейшим правообразующим фактором»². Вслед за ними, М. А. Лапина, А. Г. Ревин, В. И. Лапин также пишут, что «под источниками информационного права понимаются внешние формы выражения информационно-правовых норм»³.

При этом практически все исследователи основным источником информационного права называют информационное законодательство, более того, нередко сводя круг таковых непосредственно к информационному законодательству. Например, В. Н. Копылов пишет, что основу источников информационного права составляют нормативные правовые акты информационного законодательства, которое ныне активно развивается⁴. При этом М. М. Рассолов, рассматривая вопрос об источниках информационного права, отмечает, что при анализе понятия системы информационного законодательства речь идет о совокупности норм информационного права, из которых состоит этот вид законодательства; о регулировании с помощью указанных норм права и законов различных объектов, явлений и процессов в обществе. По сути дела, понятие системы информационного права здесь непосредственно определяется через понятие системы права или через совокупность информационно-правовых норм, ее составляющих⁵.

И. Л. Бачило, рассматривая вопрос об источниках информационного права, также акцентирует внимание на «нормах права и актах, в которых

¹ Копылов В. А. Информационное право: Учебник. – М.: Юристъ, 2001. – С. 141.

² Городов О. А. Основы информационного права России. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 58.

³ См. напр.: Лапина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И. Информационное право: Учеб пособие. / Под ред. проф. И.Ш. Киялханова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – С. 33.

⁴ Копылов В. А. Информационное право: вопросы теории и практики. – М.: Юристъ, 2003. – С. 177.

⁵ Рассолов М. М. Информационное право: Учебное пособие. – М.: Юристъ, 1999. – С. 26.

эти нормы содержатся, и систематизированы в определенном порядке»¹. При этом ученая подчеркивает, что нормы информационного права выступают первичной клеткой в структуре информационного права и выступают сформулированным правилом поведения, которое предоставляет участникам информационных отношений определенного вида юридические права и предусматривает обязанности. Нормы морали, обычаи, привычки становятся нормами информационного права тогда, когда они признаны от имени общества государством – облечены в форму официального письменного документа, исходящего от компетентного лица, государственной структуры, обеспечены принудительной силой государственных институтов и включены в структуру действующего законодательства².

Характеризуя перспективы правовой эволюции источников информационного права, М. М. Рассолов отмечает, что «система информационного законодательства не является мертвым и застывшим «материалом». По мере развертывания информатизации нашего общества, государства и права будут возникать и новые информационные связи и новые законы, подзаконные акты, нормы информационного свойства и, тем самым, будет меняться и сама система информационного законодательства. Так, например, в связи с обострением проблем защиты и сохранности для государственной информации ставится вопрос о выделении самостоятельного направления – законодательства об информационной безопасности и специальной учебной дисциплины по этой тематике. Открываются специализированные ученые советы по проблематике информационной безопасности и готовятся специалисты для работы с закрытой информацией»³.

В. Н. Лопатин, исследуя вопросы перспектив развития правового регулирования информационных отношений, отмечает, что, применяя особенности учения о развитии законодательства к особенностям информационного права и их отражению в законодательстве, можно прийти к выводу, что информационное право не находит своего отражения в какой-то одной отрасли законодательства, а закреплено в нормах различных отраслей российского законодательства, что предопределяет известные трудности объединения этих норм в рамках одной отрасли – информационного законо-

¹ Бачило И. А., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: Учебник. / Под ред. акад. РАН Б. Н. Топорнина. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 120.

² Там же. – С. 121.

³ Рассолов М. М. Информационное право: Учебное пособие. – М.: Юрист, 1999. – С. 31.

дательства¹. При этом нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что аналогичная позиция фактически заявлялась и ранее в многочисленных работах А. Б. Венгерова, Ю. М. Батурина и некоторые другие ученые. Например, А. Б. Венгеров писал: «Появление сейчас таких новых отраслей законодательства, как космического, экологического, информационного (в том числе права информации), биоэтического (в том числе генетического) и некоторых других, вызывает не менее острые споры, чем это было в прошлом, вокруг проблем, порожденных социализмом. Так, идут дискуссии по поводу информационного права. И некоторые ученые утверждают, что это право как новая отрасль права имеет подотрасли компьютерного права, информационных прав граждан, права массовой информации, правовой институт свободы массовой информации и т. д.»².

Характеризуя особенности источников информационного права, все специалисты отмечают их «мозаичный» характер. Начиная с середины 1990-х годов, сложилось понимание источников информационного права в качестве плохо структурированной совокупности отдельных отрывочных норм (об информации и отдельных ее видах, СМИ, тайнах, архивах, библиотеках и т. д.), закрепленных в нормативных правовых актах всех отраслей российского права. Например, М. М. Рассолов пишет, что распределение информационно-правовых норм и законов по указанным группам (информационно-правовые нормы Конституции, законодательство о СМИ, об информационной безопасности и др.) и условное разграничение этих групп по характеру регулируемых общественных отношений не могут быть проведены таким образом, чтобы между группами норм и законов проходила жесткая линия и нельзя было их соединить, что-то из такой-то группы вычленишь и т. д. (естественно, это не касается конституционных норм). Ведь на практике бывает все иначе: часто в ходе правоприменительной деятельности приходится увязывать и объединять разные нормы, акты, проводить комплексную квалификацию действий участников информационных правоотношений и проч. Поэтому всегда можно отыскать в конкретном виде законодательства, законе статью, положение, которые могут быть условно отнесены лишь к одной группе; поскольку они касаются и

¹ Лопатин В. Н. Информационное общество и правовое государство. (Эскиз концепции законодательства в сфере информационной безопасности). – М.: Издание Государственной Думы Российской Федерации. – 1997. – С. 71.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права. – М.: Омега-Л, 2000. – С. 385.

других видов актов, других групп. В то же время, как указывает ученый, можно вычленить информационные отношения, регулируемые не одной, а двумя и более группами норм информационного права (скажем, вопросы об авторском праве отражены и в Законе Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах», и в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации», и в информационно-правовых нормах гражданско-правового характера)¹. С такой позицией, по сути, согласны и другие специалисты.

Проведенный анализ позволяет отметить, что многие исследователи вообще не оперируют категорией «источники информационного права», по сути, подменяя ее понятием «информационное законодательство». При этом, под таким законодательством, в совокупности, понимаются как собственно законы, так и подзаконные нормативные правовые акты, а нередко и рекомендательные акты ненормативного характера. Например, О. А. Городов считает, что «среди федеральных актов информационного законодательства выделяются подзаконные нормативные правовые акты»². В свою очередь, В. Н. Лопатин предлагает выделять информационное законодательство в узком (система законов) и широком смысле, относя в последнем случае к законодательству все нормативные правовые акты³.

Отметим, что помимо общей некорректности такого подхода с точки зрения современного уровня развития теории права, смешение понятий «законодательство» и «подзаконные акты» в сфере информационно-правового регулирования потенциально создает дополнительные правовые проблемы при формировании эффективного правового механизма налогообложения субъектов электронной экономической деятельности, осуществляемой в информационной среде. О необходимости унификации понятийного аппарата права и, в частности, о необходимости единообразного понимания одних и тех же терминов, используемых в различных областях отечественной аналитической юриспруденции, говорится много и давно. Рассматриваемая проблема носит системный характер, выходит за рамки собственно информационного права и коренится, помимо проче-

¹ Рассолов М. М. Информационное право: Учебное пособие. – М.: Юрист, 1999. – С. 31.

² Городов О. А. Основы информационного права России. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 66.

³ Бачило И. А., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: Учебник. / Под ред. акад. РАН Б.Н. Топорнина. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 116.

го, в неточности положений ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации. При толковании норм особенной части налогового права нередко возникает необходимость для выявления подлинной воли законодателя обращаться к нормативно-правовым актам иной, нежели Налоговый кодекс Российской Федерации, отраслевой направленности. Например, такая необходимость возникает, если для выявления смысла налогово-правовых норм, в том числе, в части выяснения вопроса о степени их применимости к субъектам информационной деятельности, необходимо выявление содержания отраслевых (специальных) терминов, значение которых определено в нормативно-правовых актах гражданского, административного, трудового права и т. д. Такая возможность, казалось бы, прямо предусмотрена в п. 1 ст. 11 НК Российской Федерации. Однако проблемой является то, что согласно его формулировке: «Институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом». В качестве частного замечания отметим, что указанное положение юридически безграмотно: институты выступают единицами строения отраслей права, а не отраслей законодательства. Однако главной проблемой становится то, что законодатель не учел, что с 1993 года в российской правовой системе имеется проблема неясности объема понятия «законодательство».

В различных отраслях, помимо собственно законов, в законодательство включаются или не включаются подзаконные нормативно-правовые акты. В большинстве отраслей права такой вопрос прямо разрешен в базовом (основополагающем, системообразующем) законе отрасли (как правило – кодексе). В информационном законодательстве таких положений нет (как в законе, считающемся некоторыми специалистами базовым – Федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», так и в других актах). Кроме того, нельзя забывать о том, что в силу слабой развитости центробежных тенденций в современном законодательстве, именуемом представителями концепции оборота информации «информационным», как верно указывает Н. Н. Ковалева, «подавляющая

часть источников информационного права – это нормативные акты других отраслей права»¹.

Отсюда возникает неразрешенная пока коллизия – правомерно ли на основании ст. 11 НК Российской Федерации обращаться при толковании актов налогового законодательства в части выяснения вопроса о степени их применимости к субъектам информационной деятельности, к определениям искомых понятий, содержащимся в подзаконных нормативных актах отраслей, не включающих такие акты в отраслевое законодательство. С формально-юридической точки зрения в рамках существующей редакции ст. 11 НК Российской Федерации получается, что такие легальные определения не могут использоваться при толковании актов налогового законодательства, так как содержащие их акты не являются актами законодательства. С другой стороны, совершенно очевидно, что при таком подходе отдельные положения Налогового кодекса Российской Федерации становятся системно неподдающимися толкованию, ибо изначально конструировались ее разработчиками с мыслью о возможности обращения к таким подзаконным актам. Поэтому внесение соответствующих дополнений в акты информационного законодательства (или при разработке новых актов, например кодифицированных), в части прямого отнесения к информационному законодательству только законов, направленных на снятие этого ограничения и разрешения указанной коллизии, назрело. Таким образом, при разработке новых актов информационного законодательства в процессе его систематизации предлагается исходить из необходимости включения в понятие «информационное законодательство» только собственно законов, а не законов и иных нормативных правовых актов, ибо обратное, с учетом положений ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации, создаст коллизии с положениями его второй части; что сделает затруднительным установление эффективного правового режима налогообложения субъектов электронной экономической деятельности.

В целом, как справедливо отмечает В. Н. Мясников, «в специальной юридической литературе, направленной на исследование вопросов информационной сферы, под источниками последнего понимаются внешние формы выражения информационно-правовых норм. В указанной литера-

¹ Ковалева Н. Н. Информационное право России: Учебное пособие. – М.: ИТК Дашков и К, 2007. – С. 52.

туре встречаются также общее определение источника права как способов формирования и формы закрепления правовых норм, которое распространено на информационное право, или без выведения понятия источника права указывается, что источники информационного права ничем не отличаются от источников любой другой отрасли права и т. д.»¹. Между тем, более полным и адекватным может быть понятие источника и информационного права в случае увязки его с общетеоретическим определением источника права и специфики информационной сферы, в которой формируются, закрепляются и реализуются информационно-правовые нормы. По мнению указанного специалиста, с учетом названных признаков, источники информационного права следует определить в качестве юридически значимых способов формирования и форм закрепления информационно-правовых норм, с помощью которых реализуются государственная воля в информационной сфере жизнедеятельности общества².

Таким образом, очевидно, что при наличии упоминания об источниках информационного права практически во всех современных учебно-методических и научных работах по этой проблематике, детального анализа указанной проблемы в аналитической юриспруденции не проводилось. В настоящее время в науке информационного права понятие «источник информационного права» практически не рассматривается и не изучено.

Имеющиеся публикации либо описательны и сводятся к перечислению федеральных законов, содержащих в том или ином виде положения, касающиеся вопросов оборота информации, либо их авторы описывают явления, вряд ли существующие в действительности, выдавая желаемое (наличие большого количества нормативно-правовых актов, которые под определенным углом могли бы быть отнесены к информационным), за действительное (формирующуюся будто бы систему информационного законодательства).

Вместе с тем, необходимо отметить, что хотя вопросы видов источников информационного права и системы нормативных правовых актов, регулирующих информационные отношения, рассматриваются в многочисленных работах, при всем многообразии возможных критериев, которые могли бы быть положены в основу выделения соответствующей системы, большинством исследователей используется только критерий юридической силы

¹ Мясникин В. Н. Источники и системность информационного права Российской Федерации // <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1103/6.html>

² Там же.

и уровня в иерархированной таким образом системе источников информационного права. Попыток классифицировать источники информационного права по иным критериям классификации, помимо уровня принятия нормативных правовых актов информационного законодательства и их действия в пространстве, в современных работах не предпринималось.

Например, И. А. Бачило выделяет следующие виды источников информационного права:

- обычаи;
- законодательные акты и нормы Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;
- подзаконные правовые акты субъектов нормотворчества;
- акты Конституционного суда Российской Федерации;
- внутригосударственные договоры;
- акты и нормы международного права, а также
- двусторонние и многосторонние договоры Российской Федерации¹.

Так же рассматривавший эту проблему одним из первых В. А. Копылов отмечал, что по уровню принятия нормативных правовых актов информационного законодательства и их действию в пространстве можно выделить федеральные акты, акты субъектов Российской Федерации и акты органов местного самоуправления². При этом федеральный уровень источников информационного права представляется информационно-правовыми нормами Конституции Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и нормативными распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и нормативными распоряжениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных министерств и ведомств. Источниками информационного права на уровне субъектов Российской Федерации являются законы и иные нормативные правовые акты высших органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Источники информационного права на уровне органов местного самоуправления представляются нормативными правовыми актами этих орга-

¹ Бачило И. А. Информационное право. Роль и место в системе права. // Государство и право. – 2001. – № 2.

² Копылов В. А. Информационное право. Учебник. – М.: Юрист, 2002. – С. 142.

нов, принимаемыми в порядке применения норм федерального уровня и уровня субъектов Российской Федерации.

Основы такого деления по уровням государственного (муниципального) управления, по мнению О. А. Городова, заложены системным толкованием положений п. «и» ст. 71 и п. «б» ст. 72 Конституции Российской Федерации, согласно которым информация и связь отнесены к ведению Российской Федерации; и в то же время защиту прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере отнесли к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации¹.

В целом, необходимо отметить, что среди ученых нет единства в определении особенностей системы нормативных правовых актов, регулирующих информационные отношения. Первая группа ученых, в числе которых можно назвать В. А. Копылова, И. Л. Бачило, М. А. Лапину, А. Г. Ревина, В. И. Лапина, О. А. Городова и др., определяют особенности системы нормативных правовых актов, регулирующих информационные отношения через раскрытие системы источников информационного права.

Согласно позиции В. А. Копылова, структура источников информационного права может быть представлена следующей совокупностью информационных правовых норм и актов информационного законодательства:

- информационно-правовые нормы международных актов;
- информационно-правовые нормы Конституции Российской Федерации;
- нормативные правовые акты отрасли информационного законодательства;
- информационно-правовые нормы в составе других отраслей законодательства².

В работах И. Л. Бачило предложена следующая «ранжировка источников внутреннего, национального информационного права, то теория и практика выделяет следующие уровни нормативной основы:

- международные акты, включаемые на основе ст. 15 Конституции Российской Федерации в систему законодательства России;

¹ Городов О. А. Основы информационного права России. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 59.

² Копылов В. А. Информационное право: вопросы теории и практики. – М.: Юристъ, 2003. – С. 177–178.

– общие для всех отраслей права законы – Конституция Российской Федерации, конституционные федеральные законы;

– специальные федеральные законы по проблемам информации, информационных ресурсов, средств массовой информации и телерадиовещания, по вопросам связи и коммуникации в информационных системах и сетях, по вопросам использования глобальных, государственных, локальных информационных сетей, о праве на информацию, об отдельных видах информации и т. п.; специальные законы по данной проблеме субъектов Российской Федерации; постановления Конституционного суда Российской Федерации по отраслевому законодательству;

– отдельные нормы по информационной проблематике в федеральных законах по разным отраслям права Российской Федерации;

– специальные акты подзаконного характера различных органов государственной власти и местного самоуправления, администраций государственных и негосударственных организаций;

– обычаи в области информационной деятельности;

– стандарты»¹.

М. А. Лапина, А. Г. Ревин, В. И. Лапин также иерархируют систему информационного права, исходя из общего деления норм права, содержащихся в «документах разной юридической силы:

– международные договоры Российской Федерации;

– Конституция Российской Федерации;

– законы федерального уровня (включая федеральные конституционные законы, кодексы);

– подзаконные акты (указы Президента Российской Федерации);

– постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты министерств и ведомств;

– нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и т. д.»².

На аналогичных позициях находится О. А. Городов, отмечая, что «в основе упорядочения структуры информационного права лежит принцип

¹ Бачило И. А. Информационное право. Роль и место в системе права. // Государство и право. – 2001. – № 2.

² См. напр.: Лапина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И. Информационное право: Учеб пособие. / Под ред. проф. И. Ш. Кляшханова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – С. 33.

иерархии, выражающийся в соподчиненности актов различного уровня»¹, выделяет пять уровней нормативно-правовых актов, регулирующих информационные отношения. При этом необходимо учитывать, что, как отмечал В. А. Копылов, наличие иерархии актов обусловлено тем, что на практике реализация правовых норм федерального закона нередко требует принятия правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, актов субъектов Федерации, иных нижестоящих по иерархии актов. Система актов дополняется актами органов местного самоуправления, как бы исполняющих предписания норм вышестоящих актов в конкретных условиях².

Первый уровень, условно называемый О. А. Городовым конституционным, отражает ведущую роль Конституции Российской Федерации. Второй уровень составляют акты информационного законодательства Российской Федерации. При этом ученый приходит к «парадоксальному» выводу о том, что «специфика данного уровня состоит в том, что федеральные законы, регулирующие отношения в информационной сфере, а равно – иные, принятые в соответствии с ними нормативные акты, подчинены Конституции Российской Федерации и не могут ей противоречить»³. Приведенная позиция О. А. Городова заслуживает, по меньшей мере, двух замечаний. Во-первых, нам почему-то представлялось, что такой «спецификой» обременены акты не только информационного законодательства. Во-вторых, указание на «иные, принятые в соответствии с ними нормативные акты, подчинены Конституции Российской Федерации» обусловлено тем, что ученый полагает возможным не ограничивать объем информационного законодательства исключительно законами, включая в него и подзаконные акты. Так, характеризуя третий уровень нормативно-правовых актов, регулирующих информационные отношения, он пишет, что «среди федеральных актов информационного законодательства выделяются подзаконные нормативные правовые акты, в числе которых ведущая роль принадлежит указам Президента Российской Федерации и по-

¹ Городов О. А. Основы информационного права России. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 60.

² См. подр.: Копылов В. А. Информационное право. – М.: Юристъ, 2002. – С. 142–143.

³ Городов О. А. Основы информационного права России. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 61.

становлениям Правительства Российской Федерации»¹. Четвертый уровень образуют акты центральных органов государственного управления Российской Федерации (ведомственные нормативно-правовые акты). Вместе с тем, с точки зрения заявленного ученым в качестве классифицирующего принципа иерархической соподчиненности представляется сомнительным отнесение только к пятому (заключительному) уровню актов, регулирующих информационные отношения международных соглашений, которые, к тому же, по мнению О. А. Городова, выступают «важным элементом системы законодательства Российской Федерации в информационной сфере»². Естественно, так же вряд ли может быть оставлено без возражений включение договоров в объем понятия «законодательство», что, помимо прочего, ведет к смешению понимания диспозитивного и императивного методов правового регулирования.

По мнению В. Н. Мясникова, «в качестве источников информационного права в нисходящей иерархической последовательности с учетом степени их распространенности и значимости методологически обоснованно и практически оправданно следует отнести:

- а) нормативно-правовые законодательные и подзаконные акты;
- б) правовые обычаи, юридические доктрины, нормативно-правовые договоры, судебные прецеденты, естественные право»³.

В свою очередь, Н. Н. Ковалева считает, что «источники информационного права можно разделить:

- на международно-правовые нормативные акты;
- Конституцию Российской Федерации;
- на нормативно-правовые акты в сфере информационного права;
- на нормативно-правовые акты других отраслей права»⁴.

Необходимо отметить, что положение о наличии в структуре системы источников информационного права нормативно-правовых актов других отраслей права прослеживается в работах практически всех ученых, рассматривающих проблемы правового регулирования отношений по обороту

¹ Там же. – С. 66.

² Там же. – С. 68–69.

³ Мясников В.Н. Источники и системность информационного права Российской Федерации // <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1103/6.html>

⁴ См. напр.: Лапина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И. Информационное право: Учеб пособие. /Под ред. проф. И.Ш. Киялханова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – С. 33.

информации¹, при этом во многих трудах это именуется отличительной особенностью информационного права как комплексной отрасли права. Например, специалистами отмечается, что «вместе с информационно-правовыми нормами Конституции, других законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, специальных информационно-правовых актов нормы об информации должны составить самостоятельное комплексное нормативно-отраслевое образование – «Информационное право»². При этом указанное обстоятельство нередко именуется горизонтальным разрезом источников информационного права: «горизонталь» структуры информационного законодательства выстраивается исходя из того, что оно включает в свой состав не только нормы, входящие в блок специальных нормативных актов по институтам информационного права, но и нормы других отраслей законодательства Российской Федерации»³.

В целом, отличительной чертой рассматриваемого подхода, среди прочего, необходимо назвать солидарность большинства представителей указанной группы ученых с позицией о вертикальном делении источников информационного права. Напомним, что отмечая наличие у системы источников информационного права «вертикальной» структуры, В. А. Копылов подчеркивал то обстоятельство, что указанная система строится, исходя из принципа верховенства закона: нормы вышестоящего по иерархии акта обладают более высокой юридической силой и, как правило, являются определяющими для соответствующих норм всех нижестоящих актов. При этом в качестве особенности информационного законодательства ученый отмечал наличие особенности, обуславливающей необходимость принятия дополнительных правовых актов упомянутой иерархии. В частности, В. А. Копылов подчеркивал, что так как в информационном законодательстве пока еще имеются не урегулированные правом отношения; и создание федеральных законов, ликвидирующих эти пробелы, тре-

¹ См. напр.: Тихомиров Ю. А. Правовой режим информационных процессов, национальное законодательство и международное сотрудничество // Сб. НТИ. – Сер. 1. – 1993. – № 7; Бачило И. А. Информационное право. Роль и место в системе права. // Государство и право. – 2001. – № 2.

² Мясников В. Н. Источники и системность информационного права Российской Федерации // <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1103/6.html>

³ Копылов В. А. Информационное право: вопросы теории и практики. – М.: Юристъ, 2003. – С. 178–179.

бует значительного времени, органы исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов нередко принимают правовые акты для урегулирования соответствующих отношений до принятия необходимых федеральных законов¹.

Вторая группа ученых, в числе которых могут быть названы М. М. Рассолов, В. Н. Лопатин и др., отмечают особенности системы нормативных правовых актов, регулирующих информационные отношения через раскрытие «системы информационного законодательства», «системы законодательства об обороте информации», «системы законодательства в информационной среде» и т. д.

Например, В. Н. Лопатин, не используя категорию «источник информационного права», в своих работах в первую очередь акцентирует внимание на системе информационного законодательства, нередко обозначая эту категорию термином «законодательства в информационной среде». По мнению ученого, законодательство в информационной сфере включает в себя:

- информационно-правовые нормы Конституции Российской Федерации;
- законодательство об интеллектуальной собственности;
- законодательство о средствах массовой информации;
- законодательство о связи и телекоммуникациях;
- законодательство о формировании информационных ресурсов, предоставлении информационных услуг;
- законодательство о реализации права на доступ к информации; законодательство о создании и применении информационных систем и средств их обеспечения;
- законодательство в сфере обеспечения информационной безопасности².

На схожих (хотя и не аналогичных) позициях находится М. М. Рассолов, когда с точки зрения важности законодательных актов и общественных отношений предлагает свое видение системы информационного законодательства:

- «информационно-правовые нормы Конституции Российской Федерации;

¹ См. подр.: Копылов В. А. Информационное право. – М.: Юристъ, 2002. С. 142–143.

² Бачило И. А., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: Учебник. / Под ред. акад. РАН Б.Н. Топорнина. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 119.

– законодательство об интеллектуальной собственности (Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах», Закон Российской Федерации «О правовой охране программ ЭВМ и баз данных» и др.);

– законодательство о средствах массовой информации (Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», Федеральный закон «О рекламе», Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»);

– законодательство о формировании информационных ресурсов, подготовке информационных продуктов, предоставлении информационных услуг (Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации», Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов», Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене» и др.);

– законодательство о реализации права на поиск, получение и передачу информации (Национальный кодекс деятельности в области информатики и телекоммуникаций);

– законодательство о создании и применении информационных технологий и средств их обеспечения (Федеральный закон «О связи», Закон Российской Федерации «О сертификации продукции и услуг»);

– законодательство об информационной безопасности (Закон Российской Федерации «О безопасности», Закон Российской Федерации «О государственной тайне», Закон Российской Федерации «О федеральных органах правительственной связи и информации»);

– основные информационно-правовые нормы в составе актов российского законодательства (соответствующие статьи ГК, КоАП, УК и др.);

– международное информационное право»¹.

Таким образом, начиная с середины 1990-х годов, в науке информационного права сложилось понимание источников информационного права как недостаточно структурированной (и неподдающейся пока структурированию) совокупности отдельных отрывочных норм (об информации и отдельных ее видах, СМИ, тайнах, архивах, библиотеках и т. д.), закрепленных в нормативных правовых актах всех отраслей российского права; однако детального исследования этой научной проблемы не проводилось.

¹ Рассолов М. М. Информационное право: Учебное пособие. – М.: Юристь, 1999. – С. 31.

Нормы права, регулирующие общественные отношения, формирующиеся по поводу оборота (поиска, получения, передачи, производства и распространения) документированной на различных носителях социально значимой информации, содержатся практически во всех нормативных правовых актах Российской Федерации. Однако в системе российского законодательства отсутствуют действующие федеральные законы, которые бы были прямо посвящены регулированию вопросов оборота информации и, одновременно, не включались, помимо информационного, более в состав ни одной отрасли российского законодательства.

Следует отметить, что основания классификации видов и особенностей иерархических структур системы нормативных правовых актов могут быть самыми различными и не исчерпываются перечисленными выше. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением В. Б. Наумова, когда он отмечает, что в последние десятилетия в мире, в связи с бурным развитием и повсеместным использованием информационных и коммуникационных технологий, претерпевают серьезные изменения структура и социальные связи в обществе, геополитическая система мира, экономика, методы и способы государственного управления; постепенно возникает новый социально-психологический облик человека, для которого информация становится одной из основных ценностей существования. Процессы проникновения названных технологий в общество, государственное управление и повседневную жизнь зависят от научно-технического прогресса, финансовых и экономических возможностей человека и государства, решений бизнеса, их производящих, а также культурных и информационных традиций, существующих в обществе¹.

Поэтому, с учетом перспектив развития предмета информационного права, связанного с правовой эволюцией информационных и коммуникационных технологий, думается, правомерно разделять нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения, формирующиеся по поводу оборота (поиска, получения, передачи, производства и распространения) документированной на различных носителях социально значимой информации, которые выступают источниками различных отраслей

¹ Наумов В. Проблемы интеллектуальной собственности в киберпространстве CD-диск, подготовленный к VII Международной конференции «Право и Интернет» (27-28 октября 2005 года, Москва) [Электронный ресурс] – М.: ФГУП НТЦ «Информрегистр», 2005. – Рег. № 0320501344.

права; и нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения, формирующиеся по поводу реализации физическими и юридическими лицами их гуманитарных и экономических прав и законных интересов в информационной среде глобальных информационно-коммуникационных (компьютерных) сетей (т. е. в киберпространстве).

Таким образом, в связи с вышеуказанным, представляется возможным предложить следующее определение источников информационного права. Под источниками (формами) информационного права должны пониматься официально определенные внешние формы, в которых содержатся нормы, регулирующие отношения, возникающие в процессе электронной деятельности в информационной среде глобальных информационно-коммуникационных (компьютерных) сетей, то есть формы внешнего содержания информационного права.

Иерархически выстроенная по юридической силе актов, составляющих источники правового регулирования информационных правоотношений, формирующихся в информационной среде, система источников такого правового регулирования должна, по нашему мнению, выглядеть следующим образом:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Общепризнанные принципы международного информационного права и нормы международных договоров Российской Федерации о регулировании информационных вопросов.
3. Решения Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам информационно-правового регулирования.
4. Специальное информационное законодательство.
5. Общее информационное законодательство.
6. Подзаконные нормативные правовые акты по информационно-правовым вопросам:
 - а) акты органов общей компетенции:
 - указы президента;
 - постановления правительства;
 - б) акты органов специальной компетенции:
 - ведомственные подзаконные нормативные правовые акты органов специальной компетенции.

В будущем представляется возможным повышение значения в качестве источника информационного права судебного прецедента.

Далее представляется необходимым кратко охарактеризовать значение перечисленных источников нормативно-правового регулирования информационных отношений. Источниками правового регулирования информационных отношений являются положения Конституции Российской Федерации, как непосредственно содержащие информационно-правовые нормы, так и положения, имеющие большое значение при установлении общих принципов информационной деятельности; формировании государственной информационной политики Российской Федерации; определяющие магистральные направления совершенствования и развития информационных правоотношений и в целом образующие конституционные основы общественных отношений, формирующихся в информационной среде. Например, к таким важным положениям Конституции Российской Федерации, прежде всего, следует отнести положения главы 2 Конституции Российской Федерации.

К числу источников информационного права отнесены общепризнанные принципы международного информационного права и нормы международных договоров Российской Федерации о регулировании информационных вопросов. Напомним, что положениями ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Следовательно, в российскую правовую систему введены две категории международно-правовых норм. Причем, согласно Конституции Российской Федерации, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. При этом под общепризнанными принципами и нормами международного права следует понимать нормы, содержащие основополагающие принципы международного информационного права и общие принципы права, признанные цивилизованными нациями. Например, такие принципы содержатся в Хартии глобального информационного общества, принятой 22 июля 2000 г.¹ на о. Окинаве (Япония) крупнейшими индустриально развитыми государствами (Великобританией, Германией, Италией, Канадой, Российской Фе-

¹ Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 51–56.

дерацией, США, Францией, и Японией). Вторую категорию составляют нормы, содержащиеся в международных договорах России.

Кроме того, к числу источников информационного права отнесены акты специального информационного законодательства. Как уже говорилось, специальное информационное законодательство включает в себя федеральные законы, прямо предусматривающие специальное регулирование общественных отношений, формирующихся в информационной среде глобальных информационно-коммуникационных (компьютерных) сетей, например: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ (призванный сменить принятые ранее, но по оценкам специалистов практически не применявшиеся акты – Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»² и Федеральный закон от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене»³, отмененные в связи с принятием указанного Закона № 149-ФЗ), а также Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи»⁴.

Например, согласно ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», этот нормативный правовой акт призван специально урегулировать отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении информационных технологий и обеспечении защиты информации (в том числе, в информационной среде глобальных информационно-коммуникационных (компьютерных) сетей).

Представляется необходимым в целом согласиться со специалистами, отмечающими неудачность подхода законодателя к определению предмета регулирования данного закона, выразившуюся в достаточно искусственном объединении трех разных вопросов. Критически характеризуя предметную направленность закона, специалисты выделяют, по меньшей мере,

¹ Если верить Пояснительной записке, то закон принят на основании Плана действий по выработке мер, необходимых для ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г.

² СЗ Российской Федерации. – 1995. – № 8. – Ст. 609.

³ СЗ Российской Федерации. – 1996. – № 28. – Ст. 3347.

⁴ СЗ Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 127.

четыре проблемы. Во-первых, «общетеоретические» вопросы информационного права в законодательстве зарубежных стран обычно урегулированы в нормативных актах более высокого уровня. В российских же условиях невнятность нормативного текста рассматриваемого закона об информации не только не согласуется с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, но и, зачастую, противоречит здравому смыслу. Во-вторых, как справедливо отмечается, сомнительной выглядит степень принципиальности нормативной фиксации правового статуса таких «объектов», как «информационные ресурсы» или «информатизация» (само это понятие является условным и, например, в законодательстве зарубежных стран не применяется). В-третьих, вопросы «защиты информации» (точнее, «защиты данных») во всех зарубежных государствах рассматриваются лишь в составе «прикладного блока» законов или в качестве разделов (глав, статей) иных законов – о телекоммуникациях, о персональных данных и т. д. В-четвертых, в законодательстве стран с развитыми информационными технологиями уже давно решен вопрос о разграничении информации на материальном носителе и информации в электронном виде, которая может и не предполагать «материальной» фиксации. Указанное разграничение оказывается тем более значимым, что при его наличии способы регулирования (в частности, условия наступления ответственности и виды санкций) оказываются «производными» от правил, продиктованных базовыми технологиями, и определяющих распространение и обмен информацией в глобальных компьютерных сетях¹.

Целью Федерального закона от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи», как следует из положений его ст. 1, является обеспечение правовых условий использования электронной цифровой подписи в электронных документах, при соблюдении которых электронная цифровая подпись в электронном документе признается равнозначной собственноручной подписи в документе на бумажном носителе. При этом действие указанного закона распространяется на отношения, возникающие при совершении гражданско-правовых сделок в информационной среде глобальных информационно-коммуникационных (компьютерных) сетей.

¹ См. подр.: Войниканис Е. А., Якушев М. В. Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве. – М.: Волтерс Клавер, 2004. – С. 110–113.

Применение электронной цифровой подписи в гражданском обороте было предусмотрено ст. 160 ГК Российской Федерации. При этом принятие специального закона об электронной цифровой подписи прямо предусмотрено положениями гражданского законодательства. Вместе с тем, следует согласиться с мнением специалистов, которые указывают, что, несмотря на формальное вступление Закона в силу в 2002 г., он до сих пор фактически не работает. «Неработоспособность» закона в последнюю очередь связана с введением неоправданно жестких ограничений (в том числе технологического порядка), которые, как считают специалисты, сделали использование ЭЦП по сути бессмысленным¹.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что, как представляется, в настоящее время этот единственный законодательный акт, прямо призванный регулировать общественные отношения, формирующиеся в информационной среде глобальных компьютерных сетей, является фактически недействующим в силу отсутствия в российском законодательстве системного законодательного акта федерального уровня, в котором были бы урегулированы основные, принципиальные вопросы функционирования информационной среды.

Естественно, несложно отметить, что в настоящее время подсистема специального информационного законодательства еще не сформирована и характеризуется наличием существенных системных пробелов правового регулирования, ибо, по сути, в действующем законодательстве лишь в самом общем виде намечены границы такого регулирования, но отсутствуют реальные механизмы его осуществления.

Неслучайно, характеризуя новый Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», специалисты отмечают, что, хотя прежний закон неоднократно критиковался за наличие пробелов, декларативность и бездейственность его норм, новый закон оказался еще лаконичней прежнего и не ввел никаких механизмов повышения его действенности².

¹ Там же. – С. 115.

² Рихтер А. Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Законодательство и практика масс-медиа. – 2006. – Выпуск 10.

Изначально предполагалось, что принятие закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» должно позволить достичь следующих целей:

1) устранение имеющихся пробелов и противоречий, в частности, приведение понятийного аппарата и механизмов регулирования в соответствии с практикой применения информационных технологий, в том числе, определение понятий «информационная система», «информационно-телекоммуникационная сеть», «электронное сообщение» и др.;

2) решение актуальных проблем, которые обозначил опыт существования Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации» (например, определение правового статуса различных категорий информации, регулирование создания и эксплуатации информационных систем, установление общих требований к использованию информационно-телекоммуникационных сетей);

3) создание необходимой правовой основы для реализации конституционных прав граждан, защиты общественных и государственных интересов в сфере использования современных информационных технологий;

4) уточнение закрепленных в действующей редакции подходов к регулированию различных категорий информации¹.

Однако, как показывает проведенный анализ, новый закон, как и прежний, носит сугубо декларативный характер. При этом специалистами с недоумением было отмечено признание утратившим силу Федерального закона от 4 июля 1996 года № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене». Как указывает А. А. Рихтер, «этот закон был столь же декларативным, как и закон «Об информации, информатизации и защите информации», но он хотя бы закреплял те или иные полезные принципы. При этом новый закон не касается сферы международного информационного обмена вовсе»².

Общее информационное законодательство представлено федеральными законами различной отраслевой направленности, содержащими отдельные нормы, посвященные регулированию отдельных аспектов отно-

¹ Макаров С. А. Новый закон хуже прежних двух. // Информационные технологии. – 2006. – № 9.

² Рихтер А. Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Законодательство и практика масс-медиа. – 2006. – Выпуск 10.

шений, формирующихся в информационной среде глобальных информационно-коммуникационных (компьютерных) сетей. Рассматриваемую группу источников правового регулирования информационных отношений составляют федеральные законы, направленные, в первую очередь, на регулирование не информационных, а иных правоотношений, но содержащие отдельные положения об особенностях «отражения» таких отношений в сети Интернет. В качестве наиболее рельефного примера здесь могут быть приведены положения избирательного законодательства. Отметим, что необходимость разработки и имплементации информационно-правовых норм в акты федерального избирательного законодательства была обоснована целями защиты публичного правопорядка в сфере избирательных правоотношений от угроз, связанных с несанкционированными и, по сути, в настоящее время неконтролируемыми государством процессами в информационной среде глобальной компьютерной сети Интернет.

Указанные нормы, по замыслу их разработчиков, были призваны учесть особенности влияния использования информационной среды глобальной компьютерной сети Интернет на избирательные технологии. Однако решение проблем правовой защиты избирательного процесса от вмешательств, осуществляемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, осложняется тем, что действующее национальное избирательное законодательство ориентировано на регулирование традиционных избирательных правоотношений. Поэтому, при использовании глобальных компьютерных сетей в качестве инструмента влияния на электоральную активность, политические пристрастия граждан, а равно – распространения недостоверной информации о кандидатах на те или иные выборные должности (в том числе, в целях «вбросив информации» в традиционные СМИ) и т. д. большинство его норм оказываются неприменимыми. Вместе с тем, представляется, что неэффективность дополнения актов избирательного законодательства информационно-правовыми нормами носит системный характер и, помимо особенностей уже имеющейся нормативно-правовой базы и фактическими проблемами функционирования избирательной системы, обусловлена неразвитостью собственно специального информационного законодательства.

Например, согласно п. «г» ст. 21 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права

на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ в функции Центральной избирательной комиссии Российской Федерации входит осуществление мер «по организации единого порядка распределения эфирного времени и печатной площади между зарегистрированными кандидатами, избирательными объединениями для проведения предвыборной агитации; между инициативной группой по проведению референдума и иными группами участников референдума для проведения агитации по вопросам референдума, установления итогов голосования, определения результатов выборов, референдумов, а также порядка опубликования (обнародования) итогов голосования и результатов выборов, референдумов, в том числе, в информационно-телекоммуникационной сети общего пользования «Интернет». В отношении всех иных средств массовой коммуникации такая возможность обеспечивается существованием разработанной системы административного законодательства, однако в части Интернета, в рамках действующего законодательства (т. е. в отсутствии действующей системы норм специального информационного законодательства) это принципиально невозможно.

Согласно ст. 45 этого же федерального закона координация процесса информирования избирателей и участников референдума возложена на избирательные комиссии Российской Федерации. При этом в п. 7 закрепляется следующее требование: «В день голосования до момента окончания голосования на территории соответствующего избирательного округа, округа референдума запрещается публикация (обнародование) данных об итогах голосования, о результатах выборов, референдума, в том числе, размещение таких данных в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая «Интернет»)». В отношении всех иных средств массовой коммуникации такая возможность обеспечивается существованием разработанной системы административного и избирательного законодательства, однако в части Интернета, в рамках действующего законодательства, обеспечить эффективную реализацию этой нормы затруднительно.

Согласно п. 3 ст. 45 указанного федерального закона «В течение пяти дней до дня голосования, а также в день голосования запрещается опубликование (обнародование) результатов опросов общественного мнения, прогнозов результатов выборов и референдумов, иных исследований, связанных с проводимыми выборами и референдумами, в том числе, их раз-

¹ Российская газета. – 2002. – 15 июня.

мещение в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая «Интернет»)). В части сети Интернет, в рамках действующего законодательства, обеспечить эффективную реализацию этой нормы невозможно.

Согласно п. 10 ст. 46 рассматриваемого закона «Политическая партия, выдвинувшая кандидатов, список кандидатов, которые зарегистрированы избирательной комиссией, не позднее чем за 10 дней до дня голосования публикует свою предвыборную программу не менее чем в одном государственном или муниципальном (соответственно уровню выборов) периодическом печатном издании, а также размещает ее в информационно-телекоммуникационной сети общего пользования «Интернет». Для такой публикации используется бесплатная печатная площадь, предоставляемая избирательным объединениям в соответствии с настоящим Федеральным законом, иным законом, либо такая публикация оплачивается из средств избирательного фонда политической партии, избирательного фонда кандидата, выдвинутого этой политической партией».

В части сети Интернет, в рамках действующего законодательства, обеспечить эффективную реализацию этой нормы можно только путем предоставления для публикации предвыборных программ веб-сайтов самих избирательных комиссий. Помимо сугубо технических проблем (указанные сайты могут быть просто парализованы, заражены вирусами, иная информация на них будет «теряться», станут объектами несанкционированного доступа с целью проникновения в компьютерные системы комиссий и т. д.), это ведет к целой системе вопросов; однако действующее законодательство не содержит ответов на вопросы о том, кто будет отвечать за достоверность размещенной на сайтах информации; кто будет отвечать в случае искажений такой информации конкурентами с использованием удаленного доступа к сайту (через т. н. «программы Трояны») и т. д.; каким образом (на основании каких документов) комиссии в случае конфликта будут доказывать факт неизменности этой информации в течение всего времени ее размещения на официальном сайте комиссии; каким образом комиссии в случае конфликта будут доказывать свою непричастность к искажению этой информации в случае провокаций со стороны самих кандидатов (их предвыборных штабов) или конкурентов?

Примеры таких ситуаций и длительных судебных тяжб в зарубежных странах известны. По сути, в настоящее время в связи с отсутствием четкой процедуры реализации указанной выше нормы избирательные комис-

сии ставятся под существенный удар, нанесение которого – лишь вопрос времени.

Согласно п. 36 ст. 68 рассматриваемого закона «При проведении выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов, а также при проведении референдума субъекта Российской Федерации, местного референдума в муниципальном районе и городском округе данные протоколов участковых комиссий об итогах голосования размещаются в информационно-телекоммуникационной сети общего пользования «Интернет» в порядке, определяемом Центральной избирательной комиссией Российской Федерации». Аналогичная норма содержится в ст. 72 этого же закона.

В рамках действующего законодательства (т. е. в отсутствии предлагаемого к разработке и принятию федерального закона) это также ведет к целой системе проблем. В частности, нет ясности по следующим вопросам: кто будет отвечать в случае искажений такой информации конкурентами с использованием удаленного доступа к сайту (через т. н. «программы Трояны») и т. д.; каким образом комиссии в случае конфликта будут доказывать свою непричастность к искажению этой информации в случае провокаций со стороны самих кандидатов (их предвыборных штабов) или конкурентов; каковы правовые последствия размещения такой информации с искажениями (как умышленными, так и случайными)?

Отметим, что положения Постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 сентября 2003 г. № 25/176-4 «О Порядке размещения данных Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» в сети Интернет»¹ (с изм.) указанных проблем, к сожалению, не решают (к тому же указанное постановление частично устарело).

В целом осложняющая реализацию положений информационного законодательства специфика заключается в том, что компьютерные сети общего пользования (и в первую очередь сеть Интернет) могут использоваться как средство распространения СМИ, и в этом случае формально ответственность за соответствие закону распространения информации лежит на главном редакторе (редакции) этого СМИ. Вместе с тем, указанные сети могут использоваться как средства коммуникации, однако, как правило, информация, размещенная в сети ее автором (сайт), адресована

¹ Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – 2003. – № 12.

неопределенному кругу лиц. В этом случае сам автор несет ответственность за то, чтобы и порядок размещения информации, и сама размещаемая информация соответствовали требованиям закона. Однако вопросы привлечения к ответственности нарушителей правил размещения информации в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая Интернет) недостаточно разработаны.

В целом, упоминания о сети Интернет содержатся в положениях практически всех актов избирательного законодательства, регламентирующих порядок использования информационной среды в избирательном процессе (для предвыборной агитации, размещения результатов выборов и т. д.). Однако действенного механизма реализации этих норм в действующем законодательстве нет. Поэтому в настоящее время указанные нормы избирательного законодательства фактически бланкетного характера не могут применяться.

Кроме того, необходимо отметить, что указанные выше проблемы, по оценкам специалистов, могут привести в рамках федеральной избирательных компаний 2007–2008 гг. к частичной фактической утрате ЦИК Российской Федерации какого либо контроля за законностью проводимой участниками избирательных компаний предвыборных агитаций. Современная динамика развития информационных технологий уже позволяет использовать глобальную компьютерную сеть в качестве площадки для неконтролируемой государством агитации маргинального, шовинистского и иных толков. Особенно она удобна для ведения агитации из-за пределов Российской Федерации.

Использование для предвыборной агитации популярных бесплатных молодежных почтовых и развлекательных порталов сети Интернет; методов прямых рассылок электронной почтой для черного «пиара», и неконтролируемой в установленном законом порядке Центральной избирательной комиссией Российской Федерации предвыборной агитации с учетом темпов роста молодежной Интернет-аудитории по степени воздействия на электорат может приблизиться к телевизионной агитации. Кроме того, нельзя исключить в 2008 г. создание определенными силами (в том числе, с использованием иностранных «инвестиций») неконтролируемого государством «предвыборного» Интернет-телевидения. Примеры таких ситуаций в зарубежных странах в недалеком прошлом известны.

Следующую группу источников информационного права призваны сформировать подзаконные нормативные правовые акты, содержащие

нормы, регулирующие информационные отношения, которые могут подразделяться на две группы: акты органов общей компетенции и акты органов специальной компетенции. К актам органов общей компетенции относятся указы Президента Российской Федерации, которые не должны противоречить Конституции Российской Федерации и информационному законодательству и имеют приоритетное значение по отношению к другим подзаконным актам. Такие акты могут приниматься по любому вопросу, входящему в компетенцию Президента (ст. 90 Конституции Российской Федерации), в том числе по вопросам регулирования информационных отношений. Отметим, что, относя указы Президента Российской Федерации к подзаконным актам, не следует забывать, что согласно ч. 2 ст. 80 Конституции Президент Российской Федерации в установленном порядке принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Эти меры Президент Российской Федерации уполномочен принимать не только на основании законов, но и в их отсутствие. Это так называемое делегированное законодательство означает обязанность Президента Российской Федерации в случаях отсутствия закона принимать нормативные правовые акты для обеспечения норм Конституции до принятия федеральных законов. Наряду с актами федеральных законодательных органов, указы Президента Российской Федерации являются актами первоначального правотворчества, так как содержат нормы права и посвящены общим вопросам. К актам органов специальной компетенции относятся ведомственные подзаконные нормативные правовые акты по информационно-правовым вопросам.

Важным дискуссионным вопросом в российской юридической науке остается вопрос, является ли источником права судебная и арбитражная практика, в частности, акты правосудия Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Между тем, вопрос об отнесении к источникам права решений Конституционного Суда Российской Федерации практически решен. Как известно, Конституционный Суд Российской Федерации занимается толкованием Конституции России, т. е. уясняет и разъясняет смысл интерпретируемых

норм¹. Результатом такого толкования является правовая позиция КС Российской Федерации – это прецедент толкования конституционной нормы, выраженный в мотивированной части Постановления КС Российской Федерации, т. е. имеет письменную форму и обладает нормативным значением.

Нормативное толкование Конституционного Суда Российской Федерации рассчитано на неоднократное применение, осуществляется в отношении широкого круга общественных отношений, к тому же является официальным и обязательным. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации распространяется не только на участников конкретного конституционного спора, при рассмотрении которого она была сформулирована, но направлена неограниченному кругу лиц. Поэтому, как справедливо указывает Б. С. Эбзеев, все решения Конституционного Суда являются источниками права и им присуща материально-правовая сила закона².

Не случайно Н. В. Витрук отмечает, что на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации законодательные органы, не дожидаясь отмены положений законов, противоречащих правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, должны самостоятельно внести соответствующие коррективы в действующие законы³.

В соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения КС Российской Федерации обязательны не только для участников конституционного спора, но и для иных субъектов права. Поэтому важнейшим здесь становится то обстоятельство, что фактически Конституционный Суд Российской Федерации в определенных пределах выполняет правотворческую функцию, осуществляя конкретизацию норм Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации создает новые нормы, в особенности процедурного характера, восполняет пробелы Конституции⁴.

¹ См. подр.: Эбзеев В. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы. // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 7.

² Там же.

³ См.: Современное состояние российского законодательства и его систематизация: «Круглый стол» журнала «Государство и право». // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 29.

⁴ Там же. – С. 27.

Как указывает А. В. Лазарев, прецеденты, создаваемые КС Российской Федерации, как и акты собственно толкования, имеют нормативно-регулирующее значение; и в этом смысле также являются высшими по своей юридической силе правовыми нормами, распространяющимися на неопределенный круг случаев и субъектов конституционно-правовых отношений¹. Таким образом, решения Конституционного Суда Российской Федерации, содержащие нормы, так или иначе регулирующие информационные отношения, являются важными источниками информационного права.

В отношении же судебной и арбитражной практики в целом необходимо отметить, что хотя вопрос о судебной практике как источнике правового регулирования налогообложения является дискуссионным, нельзя не признать, что акты правосудия – решения Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации – оказывают существенное влияние на практику применения информационного законодательства в части сформировавшихся к настоящему времени двух категорий судебных споров, вытекающих из информационных отношений: споров, связанных с нарушением прав на средства индивидуализации при регистрации и использовании доменных имен², а также споров, связанных с нарушением авторских прав в информационной среде (киберпространстве) при использовании сети Интернет³. Кроме того, необходимо учитывать развитие в последние годы практики использования субъектами российского информационного права для разрешения споров о доменных именах наднациональных (международных) инструментов правосудия, например, процедуры UDRP (Единообразной методики рассмотрения споров о доменных именах)⁴.

¹ См.: Лазарев А. В. Конституционный Суд Российской Федерации и развитие конституционного права. // Журнал российского права. – 1997. – № 11.

² Об особенностях судебных споров по поводу доменных имен см. подр.: Серго А. Г. Доменные имена. – М.: Бестселлер, 2006. – С. 173–308; Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 291–364.

³ Об особенностях судебных споров, связанных с нарушением авторских прав в информационной среде (киберпространстве) при использовании сети Интернет см. подр.: Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 365–403.

⁴ Об особенностях разрешения споров по поводу доменных имен с применением процедуры UDRP см. подр.: Минков А. М. Рассмотрение споров о доменных именах в соответствии с процедурой UDRP. – М.: Волтерс Клаувер, 2004; Серго А. Г. Доменные имена. – М.: Бестселлер, 2006. – С. 105–172.

Кроме того, представляется необходимым согласиться с мнением И. А. Бачило о том, что в связи с развитием глобальных информационных систем типа Интернет, которые основаны на паутине сетей и циркуляции больших массивов информации национальной и частной принадлежности, но интернационального пользования, немаловажное значение приобретают такие источники, как обычай и прецедент, стандарт, рекомендации в силу отсутствия правовых норм, регулирующих на межгосударственном уровне указанные отношения. Ученая справедливо отмечает, что все чаще встает вопрос о значении не только международных, но и наднациональных отношений и, следовательно, о необходимости иметь адекватные правовые механизмы правового регулирования¹.

Библиографический список

1. Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А. Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. Часть I. – М.: Профобразование, 2002.
2. Агапов А. Б. Основы федерального информационного права России. – М., 1995.
3. Александров Н. Г. Понятие формы права. // В кн.: Основы теории государства и права. – М.: Госиздюрлит, 1963.
4. Алексеев С. С. Общая теория права. – М., 1982.
5. Барнашов А. М. Международно-правовые аспекты информационной безопасности и «информационные войны» // Российский ежегодник международного права (2004). – СПб., 2005.
6. Бахрах Д. Н. Административное право России. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 2000.
7. Бачило И. Л. Информационное право. Основы практической информатики. – М., 2001.
8. Бачило И. Л. Информационное право. Роль и место в системе права. // Государство и право. – 2001. – № 2.
9. Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: Учебник. / Под ред. акад. РАН Б. Н. Топорнина. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001.
10. Белкин А. А. Актуальные вопросы теории и практики источников права. – М., 2006.
11. Белов В. Г. Социальные парадигмы информационного общества и проблемы информационного права // Проблемы информатизации. Теоретический и научно-практический журнал. – 1999. – № 3.
12. Венгеров А. Б. Теория государства и права. – М.: Омега-Л, 2000.
13. Войничанис Е. А., Якушев М. В. Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве. – М.: Волтерс Клаувер, 2004.

¹ Бачило И. Л. Информационное право. Роль и место в системе права. // Государство и право. – 2001. – № 2.

14. *Гаврилов О. А.* Создание современной концепции информационного права. Доклад на конференции «Актуальные проблемы современного информационного права». – М., 2001.
15. *Голунский С. А., Строгович М. С.* Теория государства и права. – М., 1940.
16. *Городов О. А.* Основы информационного права России. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.
17. *Гурова Т. В.* Источники российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998.
18. *Зайцева А.* Юридические доктрины в системе источников информационного права. // Законодательство и практика масс-медиа. – 2005. – Выпуск 9.
19. Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации. / Под ред. М. А. Федотова. – М., 1999.
20. *Зивс С. Л.* Источники права. – М., 1982.
21. *Зивс С. Л.* Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. – М.: Изд-во АН СССР.
22. *Карева М. П., Кечекьян С. Ф., Федосеева А. С., Федькин Г. И.* Теория государства и права. – М., 1955.
23. *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. – М., 1972.
24. *Кечекьян С. Ф.* О понятии источника права. // Ученые записки МГУ. – М., 1946. – Вып. 116. – Кн. 2.
25. *Ковалева Н. Н.* Информационное право России: Учебное пособие. – М.: ИТК Дашков и К, 2007.
26. *Копылов В. А.* Информационное право. Учебник. – М.: Юристъ, 2002.
27. *Копылов В. А.* Информационное право: вопросы теории и практики. – М.: Юристъ, 2003.
28. *Кубышкин А. В.* Международно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности государства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
29. *Лазарев А. В.* Конституционный Суд Российской Федерации и развитие конституционного права. // Журнал российского права. – 1997. – № 11.
30. *Латина М. А., Ревин А. Г., Латин В. И.* Информационное право: Учеб пособие. / Под ред. проф. И. Ш. Киясханова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004.
31. *Лопатин В. Н.* Информационное общество и правовое государство. (Эскиз концепции законодательства в сфере информационной безопасности). – М.: Издание Государственной Думы Российской Федерации. – 1997.
32. *Лопатин В. Н.* Предмет и методы информационного права. Лекция. – СПб., 2000;
33. *Макаров С. А.* Новый закон хуже прежних двух. // Информационные технологии. – 2006. – № 9.
34. *Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия.* – М., 1970.
35. *Марченко М. Н.* Источники права. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
36. *Михайловский И. В.* Очерки философии права. Т. 1. – Томск, 1914.
37. *Мицкевич А. В.* Акты высших органов Советского государства. – М., 1967.
38. *Мясник В. Н.* Источники и системность информационного права Российской Федерации // <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1103/6.html>

39. *Наумов В.* Проблемы интеллектуальной собственности в киберпространстве СД-диск, подготовленный к VII Международной конференции «Право и Интернет» (27-28 октября 2005 года, Москва) [Электронный ресурс] – М.: ФГУП НТИЦ «Информрегистр», 2005. – Рег. № 0320501344.
39. Общая теория права. Академический курс. / Под ред. М. Н. Марченко. – Т. 2. – М., 1998.
40. Общая теория права. Курс лекций. / Под ред. В. К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993.
41. *Просвириин Ю. Г.* Информационное законодательство. – Воронеж, 2000;
42. *Просвириин Ю. Г.* Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном российском государстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002.
43. *Рассолов И. М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. – М.: Издательство НОРМА, 2003.
44. *Рассолов М. М.* Информационное право: Учебное пособие. – М.: Юрист, 1999.
45. *Рихтер А. А.* Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Законодательство и практика массмедиа. – 2006. – Выпуск 10.
46. *Серго А. Г.* Доменные имена. – М.: Бестселлер, 2006.
47. Современное состояние российского законодательства и его систематизация: «Круглый стол» журнала «Государство и право». // Государство и право. – 1999. – № 2.
48. Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации: 1994–1996. Нормативные акты. Практика. Комментарии. / Под ред. А. Б. Венгерова. – М., 1997.
49. Теория государства и права. Курс лекций. / Под ред. М. Н. Марченко. – М., 1996.
50. Теория права и государства. / Под ред. Г. Н. Манова. – М., 2000.
51. *Тихомиров Ю. А.* Правовой режим информационных процессов, национальное законодательство и международное сотрудничество // Сб. НТИ. – Сер. 1. – 1993. – № 7.
52. *Швердяев С.* Информационные отношения и система информационного законодательства. // Законодательство и практика СМИ. – 1999. – № 1.
53. *Шебанов А. Ф.* Форма советского права. – М., 1968.
53. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. – М., 1911.
54. *Эбзеев В. С.* Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы. // Государство и право. – 1998. – № 5.
55. *Hamann F.* Das Staatsrecht der Postcommunismrepublic. – Munchen: BEK Verlag, 2004.
56. *McLeod I.* The Legal Theory. – London, 1999.

Проблемы положительного права

О праве на секрет производства (ноу-хау). Критический анализ положений IV части Гражданского кодекса Российской Федерации

право на секрет производства; определение торгового секрета; лицензионный договор о предоставлении права использования секрета производства

*Питер Б. Маггс (Peter B. Maggs), Германия
профессор Иллинойского Университета (professor at the College of Law of the University of Illinois at Urbana-Champaign)*

«Коммерческая тайна» охранялась Законом Союза ССР «О предприятиях в СССР» 1990-го года¹, Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» того же года², Законом «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» 1991 года³. "Секреты производства (ноу-хау)" охранялись статьей 151 ОГЗ 2001 года.

Ст. 128 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации 1994-ого года относила «информацию» к «объектам гражданских прав». Ст. 139 содержала широкое определение «служебной и коммерческой

¹ Ст. 33 Закона СССР «О предприятиях в СССР» от 4 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 25. – Ст. 460.

² Закон РСФСР от 25 декабря 1990 года № 445-I «О предприятиях и предпринимательской деятельности» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 30. – Ст. 418.

³ Ст. 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22.03.1991 № 948-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 16. – Ст. 499.

тайны». В законе «О коммерческой тайне» 2004-ого года появились более детальные правила¹. Коммерческая тайна также охраняется статьей 183 Уголовного кодекса 1996 года и статьей 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В главе 75 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации термин «коммерческая тайна» заменен термином «Секреты производства (ноу-хау)», а также изменены некоторые правила охраны таких секретов.

1.2. Секреты производства (ноу-хау) являются результатами интеллектуальной деятельности, которые регулируются и общими положениями гл. 69 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации. Отношение статьи 1227 главы 69 к главе 75 не совсем ясное, так как передача права собственности на материальный носитель секрета фактически может значить правомерное приобретение секрета новым владельцем носителя и потерю секрета бывшим владельцем носителя.

С принятием Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, Закон «О коммерческой тайне» подвергался изменениям (и в Законе были отменены отдельные статьи и пункты), но остался в силе². Таким образом, в отличие от общего подхода Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (отмены отдельных законов в области интеллектуальной собственности), сейчас существуют два параллельных источника – гл. 75 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и Закон «О коммерческой тайне». К сожалению, в главе 75 нет ссылки на этот закон. Но, как объясняется более подробно ниже, невозможно понимать статьи главы 75 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации без хорошего понимания закона «О коммерческой тайне».

1.3. Главные акты международного права, связанные с коммерческой тайной, – ст. 39 (о коммерческой тайне), статьи 41-50 (о защите интеллектуальной собственности) -а и пункты 2 и 3 статьи 10bis Парижской конвенции. Вообще гл. 75 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации не отступает от требований этих международных актов. Однако, как объясняется более подробно в связи с комментарием к статье 1465, требование очень конкретного «режима коммерческой тайны» в статье 10 закона

¹ Закон «О коммерческой тайне», 29 июля 2004 года № 98-ФЗ, с изменениями, внесенными законом от 2 февраля 2006 года № 19-ФЗ // Российская газета. – 2006. – № 25. – 08 февр.

² Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ, «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации. Ст. 34.

«О коммерческой тайне» вызывает серьезный вопрос о совместимости определения «секрета производства» с определением «закрытой информации» в статье 39 ТРИПСа.

Так как защита секретов производства, в основном, является вопросом процессуального, административного и уголовного права, для оценки выполнения требований статей 41–50 ТРИПСа нужно было бы анализировать положения Арбитражного процессуального кодекса, Гражданского процессуального кодекса, Уголовного кодекса и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Требование пункта 3 статьи 39 ТРИПСа об охране закрытых данных, представляемых госучреждениям, выполняется не главой 75 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, а статьей 0439 13 закона «О Коммерческой тайне».

1.4. Существует только одно постановление Пленума ВС о коммерческой тайне, Постановление от 16 ноября 2006 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю». Президиум ВАС принял Постановление от 24 ноября 1998 года № 3900/98, в котором нашел, что расписания телевизионных передач не охранялись как коммерческая тайна, потому что истец не выполнял требования статьи 139 Гражданского кодекса Российской Федерации о принятии мер к охране конфиденциальности.

1.5. Множество изданий о коммерческой тайне в России были опубликованы до принятия Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации. В. А. Северин, Коммерческая тайна в России, М. Зерцало, 2006, содержит исторический очерк развития дореволюционного, советского и современного законодательства, анализ закона «О коммерческой тайне». В книге имеется подробная библиография работ других российских авторов и полезные практические советы.

1.6. В странах общего права коммерческая тайна охранялась прецедентным правом уже в XIX веке. Важный прецедент в американском праве – *Peabody v. Norfolk*, 98 Mass. 452 (1868). Правила современного американского общего права о торговых секретах, представленные в *Restatement (Third) of Unfair Competition*, (Пересказ (Третий) Нелояльной конкуренции), §§ 39-45. Большинство штатов США приняли законы, основанные на *Uniform Trade Secrets Act* (Единообразный закон о торговых секретах), а также уголовные санкции для кражи секретов. На федераль-

ном уровне торговые секреты охраняются очень строгими уголовными положениями Economic Espionage Act (Закон о коммерческом шпионаже) 1996, 18 U.S.C. §§ 1831-1839.

Постатейный комментарий

Статья 1465. Секрет производства (ноу-хау)

Секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны.

1. Определение «секрета производства (ноу-хау)» в статье 1465 не очень удачно. Законодатель вернулся к терминологии статьи 151 ОГЗ, «Обладатель технической, организационной или коммерческой информации, составляющей секрет производства (ноу-хау)». В статье 151 ОГЗ смысл фразы «секреты производства (ноу-хау)» был неясным и значил или «секреты производства, а также ноу-хау» или «секреты производства, то есть ноу-хау». Также неясно было, охранялась ли ценная коммерческая информация, не связанная с производством, например список клиентов.

Определение в первом пункте статьи 139 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации¹ было простым и ясным без недостатков статьи 151 ОГЗ.

Информация составляет служебную или коммерческую тайну в случае, когда информация имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к ней нет свободного доступа на законном основании и обладатель информации принимает меры к охране ее конфиденциальности.

Ст. 3 закона «О коммерческой тайне» в оригинальной редакции дала более подробное определение:

¹ Ст. 139 отменена с 1.1.2008 Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 12 ст. 17.

Статья 3. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе.

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

1) коммерческая тайна – конфиденциальность информации, позволяющая ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду;

2) информация, составляющая коммерческую тайну, – научно-техническая, технологическая, производственная, финансово-экономическая или иная информация (в том числе составляющая секреты производства (ноу-хау), которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к которой нет свободного доступа на законном основании и в отношении которой обладателем такой информации введен режим коммерческой тайны.

В этом определении, как в статье 151 ОГЗ, отношение «ноу-хау» к «секретам производства» неясное. Однако очевидно, что значение фразы «секреты производства (ноу-хау)» значительно более узко, чем значение фразы «информация, составляющая коммерческую тайну».

Ст. 1465 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации частично вернулась к определению статьи 151 ОГЗ. Определение во втором и третьем пунктах статьи 3 закона «О коммерческой тайне» изменено, чтобы совпадать с определением статьи 1465 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации¹.

Секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном осно-

¹ Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 2 ст. 34.

вании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны.

В отличие от первоначальной редакции, определения статьи 3 закона «О коммерческой тайне», в которой понятие «Секреты производства (ноу-хау)» было более узким, чем понятие «коммерческие тайны», ст. 1465 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (и ст. 3 закона «О коммерческой тайне» после изменения) использует фразу «секреты производства (ноу-хау)» как синоним «коммерческой тайны». Такое резкое изменение может вызвать ошибки в применении статьи 1465. И с точки зрения законодательной техники нехорошо, что значение фразы «секрета производства» в статье 1465 не совпадает со значением этих слов в нормальном русском языке.

Другим недостатком формулировки ст. 1465 является фраза «введен режим коммерческой тайны». «Режим коммерческой тайны» определен не в Ч. 4 Гражданского кодекса, а в статье 10 закона «О коммерческой тайне». Нигде в главе 75 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации нет ссылки на этот закон. Поэтому юрист, который не является специалистом по интеллектуальной собственности, может и не знать, что полное определение такого режима находится в статье 10 закона.

2. Данная статья определяет только объект («секрет производства (ноу-хау)») правоотношения.

3. Данная статья определяет объект, «секрет производства (ноу-хау)», правоотношений. Ст. 1226 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации подтверждает, что права на секрет производства являются интеллектуальными правами и включают исключительное право, являющееся имущественным правом. Ст. 5 закона «О коммерческой тайне» содержит список сведений, «которые не могут составлять коммерческую тайну». Отсутствие ссылки на этот список – тоже серьезный недостаток статьи 1465.

4. Данная статья определяет только объект (секрет производства) правоотношения.

5. Определение в статье 3 закона «О коммерческой тайне» изменено, чтобы совпадать с статьей 1465. Однако, как замечено выше, в этом законе определение уточняется конкретными требованиями для режима коммерческой тайны в статье 10 закона «О коммерческой тайне», и объекты правоотношений ограничиваются статьей 5 данного закона.

6. Второй пункт статьи 39 ТРИПСa требует охраны информации, которая:

(а) является секретной в том смысле, что она в целом или в определенной конфигурации и подборе ее компонентов не является общеизвестной и легко доступной лицам в тех кругах, которые обычно имеют дело с подобной информацией;

(b) ввиду своей секретности имеет коммерческую ценность и

(с) является предметом надлежащих в данных обстоятельствах мер, направленных на сохранение ее секретности, со стороны лица, правомерно контролирующего эту информацию.

Как отмечено выше, ст. 1465 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации требует соблюдать «режим коммерческой тайны». По статье 10 закона «О коммерческой тайне» такой режим должен включать пять специфических мер охраны информации:

1) определение перечня информации, составляющей коммерческую тайну;

2) ограничение доступа к информации, составляющей коммерческую тайну, путем установления порядка обращения с этой информацией и контроля за соблюдением такого порядка;

3) учет лиц, получивших доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, и (или) лиц, которым такая информация была предоставлена или передана;

4) регулирование отношений по использованию информации, составляющей коммерческую тайну, работниками на основании трудовых договоров и контрагентами на основании гражданско-правовых договоров;

5) нанесение на материальные носители (документы), содержащие информацию, составляющую коммерческую тайну, грифа «Коммерческая тайна» с указанием обладателя этой информации (для юридических лиц – полное наименование и место нахождения, для индивидуальных предпринимателей – фамилия, имя, отчество гражданина, являющегося индивидуальным предпринимателем, и место жительства).

Однако пункт «с» статьи 39 ТРИПСa требует охрану информации при применении «надлежащих в данных обстоятельствах мер». Вполне возможно, что в конкретных обстоятельствах меры могут быть «надлежащими», даже если такие меры не включают все меры, перечисленные в статье 10 закона. Поэтому совместимость статьи 10 с ТРИПСом – сомнительная.

6. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Постановлением от 24 ноября 1998 года № 3900/98 решил, что перепечатка ответчиками еженедельных программ передач телекомпании не являлась нарушением прав истца на коммерческую тайну, потому что не были обеспечены условия конфиденциальности.

7. Определения торгового секрета по американскому праву не содержат конкретных условий, похожих на конкретные требования статьи 10 закона «О коммерческом тайне»

Restatement (Third) of Unfair Competition (Пересказ (Третий) Нелояльной конкуренции), § 39:

§ 39. Definition Of Trade Secret

A trade secret is any information that can be used in the operation of a business or other enterprise and that is sufficiently valuable and secret to afford an actual or potential economic advantage over others.

Статья 39. Определение торгового секрета

Торговый секрет – любая информация, которую можно использовать в деятельности коммерческой организации или другого предприятия и которая является достаточно ценной и секретной, чтобы дать настоящее или потенциальное преимущество перед другими.

Подобные определения находятся в the Uniform Trade Secrets Act (Единообразный закон о торговых секретах), § 4(1) и в the Economic Espionage Act (Закон о коммерческом шпионаже) of 1996, 18 U.S.C. § 1839(2). В отличие от статьи 10 закона Российской Федерации «О коммерческом тайне», американское законодательство не требует применения специфического режима секретности. Уровень нужных мер разъясняется судебными прецедентами. См., например, *Rockwell Graphic Systems, Inc. v. Dev Industries, Inc.*, 925 F.2d 174 (7th Cir. 1991).

Статья 1466. Исключительное право на секрет производства

1. Обладателю секрета производства принадлежит исключительное право использования его в соответствии со статьей 1229 настоящего Кодекса любым не противоречащим закону способом (исключительное право на секрет производства), в том числе при изготовлении изделий и реализации экономических и организационных решений. Обладатель секрета производства может распоряжаться указанным исключительным правом.

2. Лицо, ставшее добросовестно и независимо от других обладателей секрета производства обладателем сведений, составляющих содержание

охраняемого секрета производства, приобретает самостоятельное исключительное право на этот секрет производства.

1. Первый пункт статьи 1466 заменяет статью 7 закона «О коммерческой тайне»¹. Второй пункт данной статьи заменяет второй пункт статьи 4 того же закона².

2. Субъектом секрета производства может быть индивидуальный предприниматель (см. третий пункт статьи 10 закона «О коммерческой тайне») или юридическое лицо, занимающееся коммерческой деятельностью.

3. Объекты правоотношений – см. комментарий к статье 1465.

4. У субъектов – исключительное право использования (ст. 1229 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации). У субъекта обязанностей нет, однако, если субъект не будет сохранять режим коммерческой тайны (ст. 10 закона «О коммерческой тайне»), он потеряет свои права.

5. К правам владельца секрета производства также применяются статьи 1227-1231, 1233-1241 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и положения закона «О коммерческой тайне» с изменениями, принятыми в связи с применением Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

6. Данная статья выполняет требования второго пункта статьи 30 ТРИПСа.

7. Отечественная правоприменительная практика.

8. Оценка данной нормы в юридической науке.

9. Американский Restatement (Third) of Unfair Competition (Пересказ (Третий) Нелояльной конкуренции), § 43 содержит положение, похожее на второй пункт статьи 1466: «Independent discovery and analysis of public available products or information are not improper means of acquisition». (Независимые открытие и анализ публично доступных товаров или информации не являются нелояльными мерами приобретения).

Статья 1467. Действие исключительного права на секрет производства

Исключительное право на секрет производства действует до тех пор, пока сохраняется конфиденциальность сведений, составляющих его содержание. С момента утраты конфиденциальности соответствующих сведений исключительное право на секрет производства прекращается у всех правообладателей.

¹ Отменен федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 4 ст. 34.

² Отменен федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 3 ст. 34.

1. Правило ст. 1467 подразумевалось в статье 139 Гражданского кодекса Российской Федерации и во втором пункте статьи 3 закона «О коммерческом тайне».

2. Субъекты правоотношений – см. комментарий к статье 1466.

3. Объекты правоотношений – см. комментарий к статье 1465.

4. Права и обязанности субъектов – см. комментарий к статье 1466.

5. Ст. 1230 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит общие положения о сроке действия исключительных прав.

6. Данная статья совместима с подпунктом «а» пункта 2 статьи 39 ТРИПСа.

7. Отечественная правоприменительная практика.

8. Оценка данной нормы в юридической науке.

9. В США, the Uniform Trade Secrets Act (Единообразный закон о торговых секретах), § 2 позволяет продолжение судебного запрета и после того, как информация перестала быть секретной: «[T]he injunction may be continued for an additional reasonable period of time in order to eliminate commercial advantage that otherwise would be derived from the misappropriation». (Суд может продолжать запрет на дополнительный разумный срок, чтобы исключить коммерческое преимущество, которое иначе извлекалось бы из нечестного присвоения).

Статья 1468. Договор об отчуждении исключительного права на секрет производства

1. По договору об отчуждении исключительного права на секрет производства одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключительное право на секрет производства в полном объеме другой стороне – приобретателю исключительного права на этот секрет производства.

2. При отчуждении исключительного права на секрет производства лицо, распорядившееся своим правом, обязано сохранять конфиденциальность секрета производства до прекращения действия исключительного права на секрет производства.

1. Ст. 1468 более подробно регулирует вопрос, который раньше регулировался четвертым подпунктом второго пункта статьи 7 закона¹.

¹ Ст. 7 отменена федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 4 ст. 34.

2. Субъектами правоотношений являются владелец исключительного права, приобретатель исключительного права.

3. Объекты правоотношений – см. комментариев к статье 1465.

4. Приобретатель получает все права бывшего владельца. Бывший владелец обязан сохранить конфиденциальность.

5. Общие правила о распоряжении и отчуждении исключительного права находятся в статьях 1233 и 1234 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

6. Свобода распоряжения исключительным правом вполне совмести­ма с ТРИПСом.

7. Отечественная правоприменительная практика.

8. Оценка данной нормы в юридической науке.

9. В правовой системе США передача прав на торговые секреты регу­лируется общими прецедентными принципами договорного права, кото­рые излагаются в Restatement (Second) of Contracts (Пересказ (второй) договорного права. См. Мозолин В. П., Фарнсворт Е. А., Договорное право в США и СССР. М. 1988.

Статья 1469. Лицензионный договор о предоставлении права использо­вания секрета производства

1. По лицензионному договору одна сторона – обладатель исключитель­ного права на секрет производства (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования соответст­вующего секрета производства в установленных договором пределах.

2. Лицензионный договор может быть заключен как с указанием, так и без указания срока его действия. В случае, когда срок, на который заклю­чен лицензионный договор, не указан в этом договоре, любая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону не позднее чем за шесть месяцев, если договором не предусмотрен более длительный срок.

3. При предоставлении права использования секрета производства лицо, распорядившееся своим правом, обязано сохранять конфиденциаль­ность секрета производства в течение всего срока действия лицензионного договора.

Лица, получившие соответствующие права по лицензионному дого­вору, обязаны сохранять конфиденциальность секрета производства до прекращения действия исключительного права на секрет производства.

1. Вопрос предоставления права на использование информации, составляющей коммерческую тайну, регулировался статьей 7 закона «О коммерческой тайне»¹.

2. Субъектами правоотношений являются владелец исключительного права на секрет производства (лицензиар) и лицензиат.

3. Объектами правоотношений являются права использования секрета производства.

4. Лицензиат имеет право использовать секрет производства. И лицензиар, и лицензиат обязаны сохранять конфиденциальность секрета.

5. Передача прав использования секрета производства также регулируется статьями 1233, 1235-1238 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

6. Свобода распоряжения исключительного права вполне совместима с ТРИПСом.

7. Отечественная правоприменительная практика;

8. Оценка данной нормы в юридической науке;

9. Зарубежный опыт – см. комментарий к статье 1468.

Статья 1470. Служебный секрет производства

1. Исключительное право на секрет производства, созданный работником в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя (служебный секрет производства), принадлежит работодателю.

2. Гражданин, которому в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя стал известен секрет производства, обязан сохранять конфиденциальность полученных сведений до прекращения действия исключительного права на секрет производства.

Новизна нормы в сравнении с действовавшим до 2008 года законодательством:

Главная новизна в том, что служебный секрет производства принадлежит работодателю. В связи с этим пункт 2 статьи требует сохранения конфиденциальности работником и бывшим работником до прекращения действия исключительного права; отменен пункт 3 статьи 11², по которому работник должен был:

¹ Отменен федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 4 ст. 34.

² Отменен федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 5 ст. 34.

- не разглашать информацию, составляющую коммерческую тайну, обладателями которой являются работодатель и его контрагенты, после прекращения трудового договора в течение срока, предусмотренного соглашением между работником и работодателем, заключенным в период срока действия трудового договора, или в течение трех лет после прекращения трудового договора, если указанное соглашение не заключалось;

Несколько другие пункты статьи 11 тоже отменены, эффективно 01.01.2008.¹

3. Субъектами правоотношений являются работодатель, работник, бывший работник.

4. Объекты правоотношений – см. комментариев к статье 146б.

5. Работодатель имеет право на конфиденциальность и во время действия трудового договора, и после прекращения трудового договора при условии, что работодатель выполняет требования статьи 11 закона «О коммерческой тайне»: об ознакомлении работника с перечнем информации, составляющей коммерческую тайну. Работник отвечает за конфиденциальность и во время действия трудового договора, и после прекращения трудового договора.

6. Существует возможное противоречие между ст. 1472 и четвертым абзацем первого пункта ст. 10 закона «О коммерческой тайне», который требует как одно из условий охраны секрета:

- регулирование отношений по использованию информации, составляющей коммерческую тайну, работниками на основании трудовых договоров и контрагентами на основании гражданско-правовых договоров.

Однако ст. 1472 предусматривает охрану без конкретного условия в трудовом договоре.

Если работодатель не сообщает работнику о намерении сохранить в тайне служебное произведение (ст. 1295), служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец (ст. 1370) или служебное селекционное достижение (ст. 1430), работник может сам использовать интеллектуальные права.

6. В ТРИПСе нет правил, касающихся служебных секретов производства.

¹ Отменен федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 5 ст. 34.

7. Пленум Верховного Суда Российской Федерации Постановлением от 16 ноября 2006 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю», заметил:

Учитывая, что полная материальная ответственность руководителя организации за ущерб, причиненный организации, наступает в силу закона (ст. 277 ТК Российской Федерации), работодатель вправе требовать возмещения ущерба в полном размере, независимо от того, содержится ли в трудовом договоре с этим лицом условие о полной материальной ответственности. При этом вопрос о размере возмещения ущерба (прямой действительный ущерб, убытки) решается на основании того федерального закона, в соответствии с которым руководитель несет материальную ответственность (например, на основании ст. 277 Трудового кодекса Российской Федерации либо пункта 2 ст. 25 Федерального закона от 14 ноября 2002 года № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» или части 7 ст. 11 Федерального закона от 29 июля 2004 года № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»).

Хотя часть 7 статьи 11 закона «О коммерческой тайне» отменена, принцип преимущества законодательства о коммерческой тайне над положениями ТК Российской Федерации остается в силе.

8. Оценка данной нормы в юридической науке.

9. В американском праве существует широкое понятие «duty of confidence» (обязанность конфиденциальности), Restatement (Third) of Unfair Competition (Пересказ (Третий) Нелояльной конкуренции), § 41. По судебным прецедентам, работник и бывший работник имеет такую обязанность по отношению к работодателю.

Статья 1471. Секрет производства, полученный при выполнении работ по договору

В случае, когда секрет производства получен при выполнении договора подряда, договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ либо по государственному или муниципальному контракту для государственных или муниципальных нужд, исключительное право на такой секрет производства принадлежит подрядчику (исполнителю), если соответствующим договором (государственным или муниципальным контрактом) не предусмотрено иное.

В случае, когда секрет производства получен при выполнении работ по договору, заключаемому главным распорядителем или распорядителем

бюджетных средств с федеральными государственными учреждениями, исключительное право на такой секрет производства принадлежит подрядчику (исполнителю), если договором не установлено, что это право принадлежит Российской Федерации.

1. Изменен режим коммерческой тайны при выполнении государственного или муниципального контракта для государственных или муниципальных нужд в сравнении с бывшей ст. 9¹ закона «О коммерческой тайне».

2. Субъектами правоотношений являются подрядчик и заказчик.

3. Объекты правоотношений – см. комментарий к ст. 1465 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

4. Подрядчик имеет исключительно право на секрет производства, а заказчик не имеет такого права, если договором между ними не установлено иначе.

5. Сопряжения данной нормы с другими нормами 4-й части Гражданского кодекса, другими частями Гражданского кодекса, другими источниками российского права:

В ТРИПСе нет положений, касающихся данной нормы.

6. Отечественная правоприменительная практика.

7. Оценка данной нормы в юридической науке.

9. В США существуют специальные правила для государственных покупок – Federal Acquisition Regulations ("FAR"). Федеральные правила о государственных покупках.

Статья 1472. Ответственность за нарушение исключительного права на секрет производства

1. Нарушитель исключительного права на секрет производства, в том числе лицо, которое неправомерно получило сведения, составляющие секрет производства, и разгласило или использовало эти сведения, а также лицо, обязанное сохранять конфиденциальность секрета производства в соответствии с пунктом 2 статьи 1468, пунктом 3 статьи 1469 или пунктом 2 статьи 1470 настоящего Кодекса, обязано возместить убытки, причиненные нарушением исключительного права на секрет производства, если иная ответственность не предусмотрена законом или договором с этим лицом.

¹ Ст. 9 отменена федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 4 ст. 34.

2. Лицо, которое использовало секрет производства и не знало и не должно было знать о том, что его использование незаконно, в том числе в связи с тем, что оно получило доступ к секрету производства случайно или по ошибке, не несет ответственность в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи.

1. В первом пункте нет новизны. По первому пункту ст. 1472 и по первому пункту ст. 14 закона «О коммерческой тайне» нарушитель отвечает по общим принципам ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации. По пятому пункту ст. 14 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации обладатель информации имеет право требовать через суд принятия мер по охране конфиденциальности.

Во втором пункте тоже нет новизны. Пункт совпадает с пунктом 4 ст. 14 закона «О коммерческой тайне».

2. В первом пункте субъектами правоотношений являются обладатель секрета и нарушитель.

Во втором пункте субъектами правоотношений являются обладатель секрета и лицо, использовавшее секрет непредумышленно.

3. Объектом правоотношений является секрет производства (ноу-хау), определение которому дано в ст. 1465 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 3 закона «О коммерческой тайне» с исключениями в ст. 5 закона.

4. В первом пункте нарушитель несет ответственность перед владельцем за убытки.

Во втором пункте у лица, использовавшего секрет непредумышленно, нет обязанностей перед владельцем секрета.

5. По первому пункту статьи 1472 и по первому пункту статьи 14 закона «О коммерческой тайне» нарушитель отвечает по общим принципам статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации. По пятому пункту статьи 14 Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации обладатель информации имеет право требовать через суд принятия мер по охране конфиденциальности от лица, которое получило доступ к информации непредумышленно.

6. По статьям 41-52 ТРИПСа обладатель информации имеет право на эффективную судебную защиту своих прав. Процессуальные вопросы, связанные с защитой этих прав, решаются статьями 1250-1252 Ч. 4 ГК Российской Федерации, арбитражным процессуальным кодексом и гражданским процессуальным кодексом.

Понятие компьютерных преступлений по российскому и зарубежному праву

компьютерные преступления, преступления в сфере компьютерной информации, компьютерная информация, данные, компьютер

А. В. Сулопаров

ассистент кафедры конституционного,

административного и муниципального права

Юридического института Сибирского федерального университета

Термин «компьютерные преступления» пришел в науку с начала 60-х годов прошлого века, когда появились первые ЭВМ. В настоящее время в связи с бурным развитием информационных, в том числе компьютерных, технологий повышается значение точного определения понятия компьютерных преступлений. К сожалению, приходится констатировать, что не наблюдается единства мнений ученых по этому вопросу. Сказанное касается как терминологических споров, встречаются предложения именовать компьютерные преступления преступлениями в сфере информационных технологий¹, преступлениями в сфере компьютерной информации², так и споров по поводу объема понятия компьютерных преступлений.

Более того, как справедливо отмечается учеными, «довольно часто в уголовном праве встречается отождествление информационных престу-

¹ Добровольский Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 18.

² Как, напр., они обозначены в названии главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации.

плений с компьютерными, что мы считаем недопустимым, поскольку они имеют различное значение»¹.

Ситуация осложняется также тем, что компьютерные преступления зачастую имеют транснациональный характер, что связано со спецификой работы компьютерных систем, позволяющей легко передавать информацию на большие расстояния. Интернациональный характер компьютерных преступлений требует унификации уголовно-правовых мер борьбы с ними, что было отмечено на проведенной в 1999 г. в Санкт-Петербурге международной научно-практической конференции, посвященной проблемам компьютерной преступности². В то же время, российскими учеными отмечается отсутствие достаточного количества исследований зарубежного опыта борьбы с компьютерной преступностью, хотя за рубежом этот вопрос уже много лет является одним из острейших, создает обществу и государству немало трудных проблем и всесторонне исследуется³.

Более того, учеными в числе системных принципов криминализации называется принцип международно-правовой допустимости и необходимости. Как отмечает А. Д. Антонов, данный принцип носит двоякий характер. С одной стороны (в части криминализации), Россия обязана приводить уголовное законодательство в соответствие с принятыми международными обязательствами в борьбе с преступностью. С другой стороны, любое планируемое изменение уголовного закона должно предварительно оцениваться с точки зрения его соответствия указанным обязательствам (как при криминализации, так и при декриминализации)⁴.

Значительным шагом на пути борьбы с компьютерной преступностью стала подготовка Европейской конвенции о киберпреступности (далее – Конвенция)⁵. Многие европейские страны присоединились к данной Кон-

¹ Турьшиев А. А. Информация как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2007. – С. 136.

² Сальников В. П., Ростов К. Т., Бондуровский В. В. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы (Международная научно-практическая конференция) // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101 – 106.

³ Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 5 – 6.

⁴ Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 125 – 126.

⁵ См.: Convention on Cybercrime [Electronic resource]. – Доступно из URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/185.htm> [Дата обращения: 12.08.2009].

венции и привели в соответствие с ней положения национального законодательства. Учитывая высокий теоретический уровень подготовки Конвенции, представляется целесообразным при подготовке российских правовых актов, посвященных борьбе с компьютерной преступностью, а также при доктринальном анализе указанных проблем руководствоваться, в том числе, ее положениями и разработками европейских ученых в данной области. Такой подход поможет создать действенные уголовно-правовые механизмы борьбы с компьютерной преступностью как на национальном, так и на международном уровне. Эта позиция разделяется рядом российских ученых¹, а также нашла подтверждение на государственном уровне: в п. 7 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации отдельно выделена задача координации деятельности правоохранительных органов стран, входящих в мировое сообщество, по предотвращению компьютерных преступлений².

Еще в 1986 г. проф. Зибер, один из ведущих европейских исследователей компьютерной преступности, заметил, что со временем становится достаточно очевидным то, что компьютерные преступления являются не только новым видом преступлений, но и включают в себя множество новых явлений, включая новые виды преступлений и традиционные преступления, совершенные с использованием компьютерных систем³. Несколько позже, в 1992 году, он сказал, что на вопрос, как нужно бороться с вышеупомянутыми разнородными преступлениями, невозможно ответить без анализа фундаментальных положений, касающихся парадигмы информационного общества, в котором неовещественные объекты (особенно информация) играют все более значимую роль и бросают новые вы-

¹ См., напр.: Бушмин С. И. Унификация уголовного законодательства Российской Федерации в свете Европейской конвенции о борьбе с преступностью в сфере высоких технологий // Проблемы предупреждения преступности в сфере высоких технологий: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Н. Тарбагаев. – Красноярск, 2004. – С. 5; Старостина Е. В., Фролов Д. Б. Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма. – М., 2005. – С. 11.

² См.: Выступление Председателя Комитета Государственной Думы по безопасности В. А. Васильева на Международной практической конференции по борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом, 19–20 апреля 2006 г., Москва [Электронный ресурс]. – Доступно из URL: http://www.crime.vl.ru/docs/stats/stat_213.htm [Дата обращения: 24.04.2007].

³ См.: Organized crime in Europe: the threat of cybercrime. Council of Europe Publishing, 2005. – P. 86.

зовы традиционным правовым системам, которые развивались, в основном, на базе овеച്ചественных объектов¹.

В том же 1986 году Совет Европы предложил свое определение компьютерного преступления, которое уже тогда отличалось гибкостью: это любое противоправное, неэтичное или неуправомоченное поведение в отношении автоматизированной обработки и передачи данных². Признаками компьютерных преступлений согласно данному определению являются: противоправность; неэтичность; неуправомоченность; совершение преступления в отношении автоматизированной обработки и передачи данных.

Представляется, что такой признак как неэтичность не отражает сущность компьютерных преступлений; неуправомоченность может быть приравнена к противоправности, что также является общим признаком для всех преступлений. Таким образом, единственным сущностным признаком компьютерных преступлений, по мнению европейского законодателя, являлось совершение преступления в отношении автоматизированной обработки и передачи данных.

В 1993 году Д-р М. Мереншлагер (ФРГ) озвучил определение компьютерного преступления, подготовленное Рабочей группой уголовной полиции совместно с Федерацией и Землями: «Компьютерное преступление относится ко всем тем случаям, когда электронная передача данных является средством совершения и/или объектом преступления и предоставляет основание для подозрения, что преступление было совершено»³. Как видим, данное определение повторяет такой выделенный выше признак компьютерных преступлений, как совершение преступления в отношении автоматизированной обработки и передачи данных. Кроме этого, немецкие специалисты добавили положение о том, что помимо объекта преступле-

¹ Там же.

² Computer Crimes and Other Crimes against Information Technology in the Netherlands. National Report by Prof. Dr. Henrik W.K. Kaspersen // International Review of Penal Law. Computer Crime and Other Crimes against Information Technology. Preparatory colloquium. Section 1. Wurzburg (Germany). October 5–8, 1992. – Toulouse, 1993. – P. 471.

³ Computer Crimes and Other Crimes against Information Technology in Germany. National Report by Dr. Manfred Moehrensclager // International Review of Penal Law. Computer Crime and Other Crimes against Information Technology. Preparatory colloquium. Section 1. Wurzburg (Germany). October 5–8, 1992. – Toulouse, 1993. – P. 320.

ния электронная передача данных может являться также средством совершения преступления.

Согласно данному определению «различные формы компьютерных преступлений могут быть разделены на три группы: 1. Где имеется потеря исключительного контроля и конфиденциальности (неправомерный доступ, получение информации). 2. Где нарушается неприкосновенность (в частности, посредством модификации информации). 3. Где происходит потеря работоспособности (несанкционированное ухудшение функциональности)»¹.

По мнению испанского ученого Х. де О. Замора, сердцевина компьютерных преступлений представлена преступлениями, посягающими на конфиденциальность, целостность и доступность компьютерных данных и систем, а также теми преступлениями, где компьютер и средства телекоммуникации используются как средства посягательства на определенные правовые интересы, которые уже в основном защищены уголовным правом от атак с использованием традиционных средств².

Тем не менее, представляется, что только первая группа преступлений из числа упомянутых испанским специалистом является собственно компьютерными преступлениями. Вторая группа относится к преступлениям, совершаемым с использованием компьютерных средств.

Для сравнения также можно обратиться к японскому официальному определению компьютерных преступлений как преступлений, включая акты, совершенные по неосторожности, и несчастные случаи, которые нарушают функционирование компьютерной системы или используют ее незаконно³. Таким образом, признаком компьютерных преступлений по японскому праву является нарушение функционирования компьютерной системы или ее незаконное использование.

В Японии компьютерные преступления часто делят на следующие 4 группы: манипуляции с данными, кража компьютерных данных, несанкционированное использование компьютера и компьютерный саботаж. Как видим, в отличие от немецкого, данное определение и классификация яв-

¹ Там же.

² International Encyclopaedia of Laws / General Editor prof. Dr. R. Blanpain. – Vol. 3. Cyber Law. – Kluwer Law International, 2004. – P. 243.

³ International Encyclopaedia of Laws / General Editor prof. Dr. R. Blanpain. – Vol. 3. Cyber Law. – Kluwer Law International, 2004. – P. 433.

ляется менее строгой, поскольку включает в себя термин «кража», присущий традиционным преступлениям, однако в своих основных чертах японское понятие компьютерных преступлений совпадает с немецким.

В голландском уголовном праве, как отмечает проф. Х. Касперсен¹, ученые придерживаются мнения, что, скорее всего, невозможно дать удовлетворительное определение компьютерного преступления, которое, будучи сформулировано в общих словах, потеряет самоочевидную ценность или, наоборот, будет слишком узким, если его сформулировать с помощью специальных терминов. Голландский консультативный комитет по компьютерным преступлениям, который занимался поправками к УК и УПК в 1987 г., не дал своего определения компьютерного преступления, однако представил типологию преступлений в данной области, из которой следует, что под компьютерными преступлениями он подразумевает любое поведение с уголовно наказуемым умыслом, которое:

- причиняет вред определенным интересам, связанным с автоматической обработкой данных. Эти интересы были обозначены как доступность данных, их целостность и конфиденциальность доступа к средствам (оборудованию) и данным².

Под доступностью данных понимается их нормальное состояние внутри компьютерной системы, позволяющее этой системе безошибочно и беспрепятственно производить различные операции с данными. Примерами нарушения доступности служат саботаж, разрушение, вывод из строя, перемещение. Под целостностью данных понимается обеспечение их неприкосновенности, которая может нарушаться вследствие ввода неверных данных, изменения, дополнения. Под конфиденциальностью доступа к средствам (оборудованию) и данным понимается обеспечение доступа к информации и компьютеру только надлежаще управомоченных лиц; в этом случае имеются в виду такие компьютерные преступления, как: несанкционированный доступ и несанкционированное использование³. Следует отметить, что российские ученые при рассмотрении вопросов

¹ International Encyclopaedia of Laws / General Editor prof. Dr. R. Blanpain. Vol. 3. Cyber Law. Kluwer Law International, 2004. – P. 471.

² International Encyclopaedia of Laws / General Editor prof. Dr. R. Blanpain. Vol. 3. Cyber Law. Kluwer Law International, 2004. P. 472.

³ Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 23.

общей информационной безопасности оперируют указанными понятиями и говорят, что информационная безопасность включает три основных компонента: конфиденциальность (защита конфиденциальной информации от несанкционированного раскрытия или перехвата), целостность (обеспечение точности и полноты информации и компьютерных программ), доступность (обеспечение доступности информации и жизненно важных сервисов для пользователей, когда это требуется)¹. А. А. Жмыхов среди угроз, которым может быть подвергнута компьютерная информация, также выделяет потерю контроля и конфиденциальности, нарушение целостности и потерю доступности². Нетрудно заметить, что классификации российских ученых аналогичны зарубежным.

Следует отметить, что криминалисты Нидерландов до сих пор придерживается рекомендаций комитета, сформулировавшего понятие компьютерных преступлений, и компьютерные преступления, закрепленные в действующем УК Голландии, преследуют цель защиты трех вышеупомянутых интересов.

В то же время, в голландской доктрине и практике используются и иные определения компьютерных преступлений. Например, отдел полицейской информации в Гааге, который регистрирует все компьютерные преступления, о которых ему докладывает местная полиция с 1981, под компьютерными преступлениями понимает поведение, которое (потенциально) наносит вред и совершается с использованием электронных устройств хранения, обработки или передачи данных. Также отдел разделяет рассматриваемые преступления на два вида: 1. Где компьютер выступает объектом преступления. 2. Где компьютер является средством совершения преступления. Таким образом, в качестве главного признака компьютерных преступлений голландские практики выделяют совершение преступления с использованием электронных устройств хранения, обработки или передачи данных.

Как видим, указанное определение включает в себя как собственно компьютерные преступления, так и иные преступления, совершающиеся с использованием компьютерных средств.

¹ Методика информационной безопасности. – М., 2004. – С. 51.

² Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 23.

В Нидерландах до сих пор не существует общепринятого универсального определения компьютерного преступления. Причина, как уже упоминалось выше, заключается в том, что очень трудно сформулировать определение, которое относится ко всем рассматриваемым сферам, и в то же время является достаточно специальным. Тем не менее, концепция компьютерного преступления в Нидерландах была принята и дополнена типологией и положениями феноменологии. При этом описание различных типов преступления в различных источниках часто не является идентичным.

Таким образом, можно сделать вывод, что под компьютерными преступлениями в рассмотренных зарубежных правовых системах понимается достаточно широкий круг деяний, связанных с электронной передачей данных, и что до сих пор не существует общего универсального определения, которое охватывало бы все категории компьютерных преступлений. Существующие определения являются во многом утилитарными, сформулированными для конкретных исследовательских целей. Для более детального анализа компьютерных преступлений необходимо обращаться к рассмотрению их отдельных видов.

Если обратиться к отечественному опыту в регулировании данного вопроса, то можно отметить, что в уголовном законодательстве Российской Федерации не содержится термина «компьютерные преступления» несмотря на то, что он широко используется как в теории, так и на практике. Отмечается сложность в формулировке данного понятия, связанная как с невозможностью выделения единого объекта преступного посягательства, так и с множественностью предметов преступных посягательств с точки зрения их уголовно-правовой охраны¹.

Большинство ученых сходятся на том, что данное понятие включает в себя две группы преступлений. Во-первых, это традиционные преступления, совершаемые с использованием компьютера. Их именуют по-разному, например, преступления, связанные с компьютером² или компьютерные преступления в широком смысле³. Как отмечает А. Г. Шипков, недопустимо

¹ Старостина Е. В., Фролов Д. Б. Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма. – М., 2005. – С. 11.

² Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 18.

³ Добровольский Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 18.

включать в компьютерные преступления только общественно опасные деяния, предметом которых является компьютерная информация, поскольку характерной особенностью многих компьютерных преступлений является то, что их предметом выступает компьютерная информация с целью приготовления к другим правонарушениям¹. Во-вторых, к числу компьютерных преступлений относятся преступления в сфере компьютерной информации² или компьютерные преступления в узком смысле слова³. Вторая группа преступлений представлена в действующем УК Российской Федерации в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».

В теории российского уголовного права можно встретить следующие определения компьютерных преступлений. Например, в одном из учебников по уголовному праву под преступлениями в сфере компьютерной информации понимаются запрещенные уголовным законом виновные посягательства на безопасность в сфере использования компьютерной информации, причинившие существенный вред или создавшие угрозу причинения вреда личности, обществу или государству (жизни, здоровью и правам человека, неприкосновенности частной сферы, имущественным правам и интересам, общественному порядку, конституционному строю, безопасности и обороноспособности государства)⁴. Как видим, данное определение является настолько широким, что не позволяет выделить каких-либо отдельных признаков, характеризующих только компьютерные преступления, за исключением указания на видовой объект: безопасность в сфере использования компьютерной информации. Однако и данный термин для уяснения его содержания нуждается в дополнительных разъяснениях.

В. С. Карпов называет компьютерным преступлением запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние, посягающее на нормальный порядок развития отношений в сфере компьютерной информации и безопасное функционирование ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, причиняющее при этом вред личным правам и интересам, неприкосновенности частной сферы, имущественным правам и интересам, общественной

¹ Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А. И. Долговой. – М., 2001. – С. 674 (автор главы – Шипков А. Г.).

² Добровольский Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 18.

³ Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 18.

⁴ Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть. – М.: Юрист, 2001.

и государственной безопасности, конституционному строю, совершенное виновно любым из предусмотренных в Уголовном законе способов¹. Данное определение является более конкретным и содержательным, поскольку содержит указание на два видовых объекта уголовно-правовой охраны: нормальный порядок развития отношений в сфере компьютерной информации и безопасное функционирование ЭВМ, что может пониматься как обеспечение работоспособности компьютерной системы и как обеспечение сохранности данных и исключительного к ним доступа.

Недостатком указанного определения является ссылка на «любой» из способов совершения преступлений, предусмотренных в УК, поскольку неясно, является ли таким способом, в частности, использование технических средств при нарушении тайны сообщений (ч. 2 ст. 138 УК Российской Федерации). Возможно, автор имел в виду способы, предусмотренные гл. 28 УК Российской Федерации, однако из определения этого не следует; кроме того, например, в голландском уголовном законодательстве преступление, аналогичное указанному в ч. 2 ст. 138 УК Российской Федерации «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», рассматривается как разновидность компьютерного преступления.

С. В. Бородин под преступлениями в сфере компьютерной информации понимает общественно опасные деяния, которые «конкретно направлены против той части установленного порядка общественных отношений, который регулирует изготовление, использование, распространение и защиту компьютерной информации»². Данное определение отличается лаконичностью и содержит один достаточно важный признак:

- нарушение отношений по изготовлению, использованию, распространению и защите компьютерной информации. Этот признак может быть сопоставлен с признаком компьютерных преступлений по голландскому праву и определен как обеспечение интересов, связанных с автоматической обработкой данных.

¹ Карпов В. С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2002.

² См.: Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Отв. ред. доктор юрид. наук, профессор А. В. Наумов. – М., 1996. – С. 662 (Автор главы – д. ю. н. С. В. Бородин).

В. В. Воробьев также выделяет аналогичный видовой объект компьютерных преступлений: совокупность общественных отношений по правомерному и безопасному использованию компьютерной информации¹.

Т. Г. Смирнова считает, что преступлениями в сфере компьютерной информации являются запрещенные уголовным законом общественно опасные деяния, которые, будучи направленными на нарушение неприкосновенности охраняемой законом компьютерной информации и ее материальных носителей, причиняют либо создают угрозу причинения вреда жизни и здоровью личности, правам и свободам человека и гражданина, государственной и общественной безопасности². Указанное определение содержит следующие признаки:

- направленность на нарушение неприкосновенности охраняемой законом компьютерной информации и ее материальных носителей;
- причинение (угроза причинения) вреда жизни и здоровью личности, правам и свободам человека и гражданина, государственной и общественной безопасности.

Несмотря на то, что первый признак компьютерных преступлений может быть условно соотнесен с признаком из определения С. В. Бородина, указанное определение страдает следующими недостатками: во-первых, оно указывает только на защиту неприкосновенности компьютерной информации и работоспособности компьютерного оборудования, оставляя в стороне такой важный аспект, как сохранность информации; а во-вторых, указание на общий объект компьютерных преступлений не дает никакой дополнительной информации о сущности компьютерных преступлений, т. е. второй признак является лишним.

Д. В. Добровольский называет компьютерные преступления преступлениями в сфере информационных технологий и дает им следующее определение: это предусмотренные уголовным законом виновные общественно опасные деяния, направленные на нарушение неприкосновенности охраняемой законом электронной информации и ее материальных носителей, совершаемые в процессе создания, использования и распространения электронной информации, а также направленные на нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, причиняющие вред законным интересам собственников или владельцев, жизни и здоровью личности и свободам

¹ Воробьев В. В. Преступления в сфере компьютерной информации (Юридическая характеристика составов и квалификация): Дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000. – С. 44.

² См.: Смирнова Т. Г. Уголовно-правовая борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 14.

человека и гражданина, национальной безопасности. Предметом данной категории преступлений является компьютерная информация¹. Данное определение содержит следующие признаки компьютерных преступлений:

- направленность на нарушение неприкосновенности охраняемой законом электронной информации и ее материальных носителей, а также на нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети;

- совершение в процессе создания, использования и распространения электронной информации;

- причинение вреда законным интересам собственников или владельцев, жизни и здоровью личности и свободам человека и гражданина, национальной безопасности. Как отмечалось выше, указание на общий объект компьютерных преступлений не приближает нас к уяснению их сущности. Возможно, это было бы оправданным при сохранении только таких объектов, как, например, свобода человека и гражданина, национальная безопасность, однако указание на жизнь и здоровье личности как объект уголовно-правовой охраны представляется необоснованным, поскольку совершение компьютерных преступлений его напрямую не затрагивает;

- наличие предмета в виде компьютерной информации.

Таким образом, из числа признаков компьютерных преступлений, выделяемых Д. В. Добровольским, внимания заслуживают только 1, 2 и 4. Однако в первом признаке ученый указывает лишь на неприкосновенность информации и компьютерных систем и на нарушение работы компьютеров, выпуская из виду сохранность данных. Что касается данных как предмета компьютерных преступлений, то они, конечно, являются таковыми, однако необходимо иметь в виду, что предмет многих информационных преступлений может быть представлен в виде компьютерных данных. Пожалуй, единственным признаком, действительно определяющим сущность компьютерных преступлений, является второй признак, который корреспондирует признаку обеспечения интересов, связанных с автоматической обработкой данных по голландскому уголовному праву.

Итак, если суммировать все признаки компьютерных преступлений, выделяемые российскими и зарубежными учеными¹, то мы получим следующий перечень:

¹ Добровольский Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 19.

- эти преступления совершаются в отношении автоматизированной обработки и передачи данных;
- электронная передача данных в этих преступлениях может являться средством совершения преступления;
- компьютерные преступления представлены преступлениями, посягающими на конфиденциальность, целостность и доступность компьютерных данных и систем;
- видовым объектом компьютерных преступлений является общественные отношения, обеспечивающие нормальный режим хранения, обработки и передачи данных в компьютерах (компьютерных системах);
- компьютерные преступления направлены на нарушение функционирования компьютерной системы или ее незаконное использование;
- компьютерные преступления причиняют вред определенным интересам, связанным с автоматической обработкой данных: доступность данных, их целостность и конфиденциальность доступа к средствам (оборудованию) и данным²;
- эти преступления совершаются с использованием электронных устройств хранения, обработки или передачи данных;
- компьютерные преступления посягают на безопасность в сфере использования компьютерной информации;
- они посягают на нормальный порядок развития отношений в сфере компьютерной информации и безопасное функционирование ЭВМ, что может пониматься как обеспечение работоспособности компьютерной системы и как обеспечение сохранности данных и исключительного к ним доступа;
- они нарушают отношения по изготовлению, использованию, распространению и защите компьютерной информации. Этот признак может

¹ Автором были рассмотрены также не отраженные в настоящей работе определения компьютерных преступлений ученых Испании, Германии и других стран. См., напр.: Computer Crimes and Other Crimes against Information Technology in Germany. National Report by Dr. Manfred Moehrenschrager // International Review of Penal Law. Computer Crime and Other Crimes against Information Technology. Preparatory colloquium. Section 1. Wurzburg (Germany). October 5–8, 1992. – Toulouse, 1993. – P. 320; International Encyclopaedia of Laws / General Editor prof. Dr. R. Blanpain. Vol. 3. – Cyber Law. Kluwer Law International, 2004. – P. 243, 433.

² Computer Crimes and Other Crimes against Information Technology in the Netherlands. National Report by Prof. Dr. Henrik W.K. Kaspersen // International Review of Penal Law. Computer Crime and Other Crimes against Information Technology. Preparatory colloquium. Section 1. Wurzburg (Germany). October 5–8, 1992. – Toulouse, 1993. – P. 472.

быть сопоставлен с признаком компьютерных преступлений по голландскому праву и определен как обеспечение интересов, связанных с автоматической обработкой данных;

- они направлены на нарушение неприкосновенности охраняемой законом электронной информации и ее материальных носителей, а также на нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети;

- они совершаются в процессе создания, использования и распространения электронной информации;

- объектом преступлений является совокупность общественных отношений по правомерному и безопасному использованию компьютерной информации;

- предметом этих преступлений является компьютерная информация.

Наиболее существенными признаками компьютерных преступлений, наличие которых позволяет отнести то или иное преступление к компьютерному, являются, на наш взгляд, следующие:

- наличие видового объекта в виде общественных отношений, обеспечивающих нормальный режим хранения, обработки и передачи данных в компьютерах (компьютерных системах);

- наличие компьютерной информации (данных) как предмета указанных преступлений.

Выделенные признаки компьютерных преступлений позволяют отграничить их от иных информационных преступлений. Как отмечает А. А. Турьшев, информационные преступления охватывают большую область, чем компьютерные, так как последние характеризуются лишь главой 28 УК, а информационные присутствуют во всех главах Особенной части УК. Кроме того, объектом информационных преступлений выступают социальная система и ее компоненты, тогда как компьютерные преступления могут характеризовать лишь способ посягательства на уже «охраняемую законом информацию», а могут обладать собственным объектом, т. е. посягать на информационную систему общества¹.

На основе указанных признаков компьютерных преступлений возможно сформулировать их определение. Компьютерные преступления – это общественно опасные противоправные деяния, посягающие на нор-

¹ Турьшев А. А. Информация как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2007. – С. 136.

мальный режим хранения, обработки и передачи данных в компьютерах (компьютерных системах).

Определение относится к компьютерным преступлениям в узком смысле слова и не затрагивает иные преступления, совершаемые с использованием компьютера. Данное определение не содержит указания на объект компьютерных преступлений, традиционно выделяемый в определениях российских ученых в виде причинения (угроза причинения) вреда жизни и здоровью личности, правам и свободам человека и гражданина, государственной и общественной безопасности, однако является достаточно лаконичным и конкретным, максимально возможно приближенным к отдельным видам компьютерных преступлений, выделяемых в уголовном законе и на практике.

Библиографический список:

1. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
2. Бушмин С. И. Унификация уголовного законодательства Российской Федерации в свете Европейской конвенции о борьбе с преступностью в сфере высоких технологий // Проблемы предупреждения преступности в сфере высоких технологий: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Н. Тарбагаев. – Красноярск РУМЦ ЮО, 2004.
3. Воробьев В. В. Преступления в сфере компьютерной информации (Юридическая характеристика составов и квалификация): Дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000.
4. Выступление Председателя Комитета Государственной Думы по безопасности В. А. Васильева на Международной практической конференции по борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом, 19–20 апреля 2006 г., Москва [Электронный ресурс]. – Доступно из URL: http://www.crime.vl.ru/docs/stats/stat_213.htm [Дата обращения: 12.08.2009].
5. Добровольский Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
6. Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
7. Карпов В. С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2002.
8. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Отв. ред. д.ю. н., проф. А. В. Наумов. – М., 1996.
9. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А. И. Долговой. – М.: НОРМА, 2001.
10. Методика информационной безопасности / Колл. авт. – М.: Экзамен, 2004.

11. Сальников В. П., Ростов К. Т., Бондуровский В. В. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы (Международная научно-практическая конференция) // Государство и право. – 2000. – № 9. – С.101–106.
12. Смирнова Т. Г. Уголовно-правовая борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук – М., 1998.
13. Старостина Е. В., Фролов Д. Б. Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма. – М.: Эксмо, 2005.
14. Турьшиев А. А. Информация как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2007.
15. Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть. – М.: Юрист. 2001.
16. Convention on Cybercrime [Electronic resource]. – Доступно из URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/185.htm> [Дата обращения: 12.08.2009].
17. International Encyclopaedia of Laws / General Editor prof. Dr. R. Blanpain. Vol. 3. Cyber Law. – Kluwer Law International, 2004.
18. International Review of Penal Law. Computer Crime and Other Crimes against Information Technology. Preparatory colloquium. Section 1. Wurzburg (Germany). October 5–8, 1992. – Toulouse, 1993.
19. Organized crime in Europe: the threat of cybercrime. – Council of Europe Publishing, 2005.

Территориальное устройство России по проекту Юридического совещания

буржуазная республика; Учредительное собрание; реформирование правовой системы; Временное правительство; государственное устройство; территориальное устройство; проект Юридического совещания

В. М. Платонов

кандидат юридических наук, Председатель Московской городской Думы

В результате Февральской буржуазно-демократической революции произошли существенные изменения в государственном строе России. На смену царской монархии пришла буржуазная республика, которая фактически установилась с первых дней после свержения самодержавия. Официально республика в России была провозглашена только 1 сентября 1917 г буржуазным Временным правительством, но окончательно решить этот вопрос надлежало Учредительному собранию.

Высшим органом государственного управления в стране стало Временное правительство. Все аспекты его деятельности, как отмечает С. Левчук, были связаны с «удержанием» власти до Учредительного собрания, с попытками предания ей легитимности. Эти обстоятельства позволяют уяснить цель и смысл конституционных проектов, их политико-правовую преемственность с Основными законами Российской империи 1906 г.¹

Временное правительство не успело провести Учредительного собрания. Было лишь создано Особое совещание, подготовившее избирательный закон, и назначен срок выборов на ноябрь.

¹ Левчук С. Конституционные проекты Временного правительства России в межреволюционный период 1917 года // Право и жизнь. – 1996. – № 10. – С. 143.

14 сентября 1917 г. было созвано Демократическое совещание. На нем присутствовали, главным образом, представители земских, буржуазных и мелкобуржуазных организаций. Представители партии большевиков Советов и фабзавкомов были в явном меньшинстве. Совещание преследовало две основные цели: 1) отсрочить созыв очередного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов; 2) отсрочить созыв Учредительного собрания до окончания войны.

Совещание оказало существенную помощь буржуазному правительству, высказавшись за создание третьего коалиционного Временного правительства. Оно избрало постоянно действующий орган – Временный Совет Республики или Предпарламент – для осуществления контроля за деятельностью Временного правительства. В данном случае буржуазия и Временное правительство рассчитывали на веру масс в то, что если появился Предпарламент, то скоро будет и Парламент.

В условиях нарастания революционного подъема ЦК партии большевиков считал ошибочным участие в Предпарламенте. На первом же заседании 7 октября 1917 г. большевистская фракция покинула этот орган.

В области реформирования правовой системы в обоснование отказа Временного правительства от существенных шагов по его изменению идеологи буржуазии выдвинули идею непрерывности правопорядка, согласно которой в государстве должно сохраняться действие старых законов вплоть до созыва Учредительного собрания. Оставались в силе основные источники права, которые действовали при царизме. Наиболее одиозные монархические законы отменялись, вступали в действие новые правовые нормы.

Временное правительство создало специальный орган – Юридическое совещание, на которое возлагалась выработка проектов наиболее важных законодательных актов, в том числе и к предстоящему, но все время откладываемому Всероссийскому Учредительному собранию. Постановлением от 26 июля 1917 года на Юридическое совещание были возложены «подготовительные и организационные работы, связанные с открытием Учредительного собрания»¹.

Но каков был тогда государственный строй? Монархический? В таком случае сам Керенский и Зарудный, подписавшие этот акт – не совсем без

¹ Собрание узаконений – 1917. – № 71. – С. 404.

вины были в «отречении» монарха. И только в «Известиях» от 3 сент. 1917 г. (а отнюдь не в Собрании узак.) мы читаем в виду мятежа Корнилова, что Временное правительство, «считая нужным положить предел неопределенности государственного строя... объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское Государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую Республику». И только в октябре 1917 года (Собран. узак., ст. 1846) – была объявлена распущенною Государственная Дума Николаевского самодержавного режима. Так пишется первая и последняя Российская «буржуазная» конституция официально¹.

Разработкой и рассмотрением предложений по проекту конституции Республики занималась созданная при Юридическом совещании Особая комиссия². Она действовала с 11 октября по 24 октября 1917 года и не завершила своей работы³. Председателем Особой комиссии первоначально являлся Н. И. Лазаревский, в последствии В. М. Гессен.

Главной задачей работы комиссии являлось «исключительно освещение вопросов, которые предстоит разрешить Учредительному собранию»⁴. Разработка раздела, посвященного принципам федерализма, автономии и самоуправления была поручена Н. И. Лазаревскому, вопросами разграничения компетенции законодательных органов в центре и на местах занимался И. А. Ивановский.

Комиссия подготовила проект, которому не суждено было стать законом. По проекту Россия объявлялась буржуазной республикой во главе с президентом, избираемым непосредственно Учредительным собранием сроком на один год. Предполагался также двухпалатный парламент. Права президента в проекте очень напоминали компетенцию царя, предусмотренную Основными законами Российской империи 1906 г., были необычайно широкими. Компетенция верхней и нижней палат схожа с Государ-

¹ Стучка П. Учение о Государстве и Конституции РСФСР. Третье пересмотренное издание (извлечение) – М., 1923. – С. 5.

² Собрание узаконений. – 1917. – № 201. – С. 1744.

³ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1983. – С. 327.

⁴ Протокол Особой комиссии при Юридическом совещании №1 от 11 октября 1917 г. // Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы / Составитель Т. Е. Новицкая. М.: Недра, 1991. – С. 33.

ственным советом и Государственной думой. Комиссия Юридического совещания за основу взяла царское законодательство, но несколько изменила его.

Среди разработанных Особой комиссией проектов выделялись: проект «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании»¹, «Тезисы по вопросу о верхней палате»², «Статьи Основных законов по вопросу об автономии (федерации)»³.

Вопросы государственно-территориального устройства «Предварительный проект статей Основных законов по вопросу об автономии (федерации)» решал весьма традиционно: ст. 1 провозглашала государство Российское «единым и неделимым».

Н. И. Лазаревский последовательно проводил идею партии кадетов о единой России. Он считал даже автономию одной из ступеней «умаления» централизации государственной власти. «Слово это в науке, – писал он в 1913 г., – не имеет твердо установленного значения. По этимологии, определяющей его обычное употребление, это слово обозначает наличность своей законодательной власти. Поскольку всякое государство естественно законодательствует, указание на его автономию излишне, и это слово обыкновенно применяют к негосударственным единицам (провинциям), которые, несмотря на то, что они не государства, тем не менее, обладают законодательной властью, т. е. имеют право издания постановлений с силой закона. Сила закона состоит в том, что закон может быть отменен или изменен только новым законом, и таким образом при коллизии закона с незаконодательным актом применяется закон, а из двух несогласных между собою законов применяется позднейший. В государствах с единою законодательной властью никакое постановление местных властей не может отменить закона; в государствах же, где отдельным провинциям предоставляется по тем или другим вопросам автономия, по этим вопросам позднейшие постановления местной власти отменяют для данной провинции несогласные с ним ранее изданные законы центральной власти. При

¹ Проект закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании, а также проект формы издания законов при Учредительном собрании // Учредительное собрание. Россия. – 1918. – С. 44.

² Там же. – С. 51–53.

³ Предварительный проект статей Основных законов по вопросу об автономии (федерации) // Там же. – С. 44.

этом существенно отметить, что термин автономия применяется обыкновенно к таким образованиям, которые получают свое право издания законов от центральной законодательной власти: она при этом определяет и организацию автономной провинции, и круг тех предметов, по которым она может законодательствовать, с тем, что эта организация и этот круг предметов могут быть изменены только центральной, а не местной законодательной властью»¹.

Категоричным было и решение, предложенное по национальному вопросу – единственной нацией, в отношении которой было признано право на некоторую самостоятельность «на основаниях и в пределах, установленных законом о взаимных отношениях России и Финляндии, принятым Учредительным собранием» (ст. 2 указанного проекта) были признаны финны. Данное решение было в достаточной степени спорным и служило лишь катализатором национальных центробежных тенденций.

Страна требовала признания права нации на самоопределение или хотя бы широкой автономии (национально-территориальной, национально-культурной), а взамен получила лишь предлагаемое ст. 3 рассматриваемого законопроекта право областной автономии – наиболее четко в проекте (ст. 4) указывалось, что пределы «ведомства» и устройство областных органов власти будут полностью определяться законами, издаваемыми центральной законодательной властью.

Внешне неизменная форма государственного устройства – унитаризм – подверглась серьезной деформации, а созданный Особой комиссией проект, полностью игнорируя это обстоятельство, противоречил своему исходному названию – «об автономии и федерализме», продолжил унитаристские принципы Основных законов Российской империи 1906 г.

Таким образом, фактическое сопоставление указанного проекта с реальными процессами в эволюции формы государственного устройства России, начиная с середины июня 1917 г., позволяет констатировать, что проект не отвечал фактическим условиям распада государства накануне октябрьских событий.

В сентябре 1918 г. на Уфимском совещании был подписан Акт об образовании Всероссийской Верховной Власти, учреждавший Всероссийское Временное правительство². В области государственно-

¹ Лазаревский Н. И. Русское государственное право. – Т. 1. – СПб, 1913. – С. 217, 218.

² Акт об образовании Всероссийской Верховной власти 26 (8) – 10 (23) сентября 1918 г. // Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 12. – С. 189–193.

территориального устройства данным документом провозглашалось признание за отдельными областями России прав широкой автономии, «обусловленной как географическим и экономическим, так и этническим признаками, предполагая окончательное установление государственной организации на федеративных началах полномочным Учредительным Собранием».

В приказе Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А. В. Колчака от 28 июля 1919 г. подтверждалось: «Мы ведем борьбу за русское национальное дело восстановления Родины, как свободного, единого и независимого государства. Мы ведем борьбу за право самого народа путем свободных выборов и голосования в Учредительном Национальном Собрании определить свою судьбу в устройстве государственной власти...»¹.

Единой конституционной программы в вооруженных силах Юга России не существовало. Конституционно-правовая политика Правительства Юга России была сформулирована в августе 1920 г. следующим образом: объединение различных частей России «в одну широкую федерацию, основанную на свободном соглашении»².

В январе 1920 г. В Париже был опубликован проект Основ Конституции Российского государства³, главные идеи которого заключались в следующем: форму государственного устройства должно определить Учредительное собрание; глава государства избирается общим собранием двух палат простым большинством голосов; все акты, издаваемые главой государства, скрепляются подписью канцлера; глава государства назначает и увольняет высших чиновников, созывает палаты и областные съезды.

Другие государственно-политические программы различных партий и объединений предлагали различные формы государственного устройства России: от унитарной монархии до конфедерации демократических республик.

Таким образом, в результате Февральской революции Россия сделала новый шаг на пути превращения в буржуазное государство, хотя многочисленные пережитки феодализма еще сохранялись и были устранены

¹ Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. – М., 1999. – С. 440.

² Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. – М., 1992. – Ч. 2. – С. 26.

³ Основы Конституции Российского Государства // Архив русской революции. – Берлин, 1922. – С. 263–287.

лишь Октябрьской революцией. Коренным образом изменилась форма правления. Россия стала сначала монархией без монарха, а затем была провозглашена республикой. Форма государственного единства не претерпела сколько-нибудь заметных изменений. В России сохранялся бюрократический унитаризм. Временное правительство стремилось сохранить единую и неделимую Россию, хотя в стране развивалось движение за независимость, федерацию, автономию многочисленных народов империи.

Подготовленный Особой комиссией при Юридическом совещании проект Конституции Российской республики практически не менял сложившегося к 1917 году государственно-территориального устройства. Однако лишь Октябрьская революция и гражданская война в полной мере заставила все слои общества, а, особенно, находящиеся у власти, осознать необходимость закрепления за отдельными территориями России прав широкой автономии, обусловленной как географическим и экономическим, так и этническим признаками, предполагая окончательное установление государственной организации на федеративных началах полномочным Учредительным Собранием¹.

Библиографический список:

1. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. – М., 1992. – Ч. 2. – С. 26.
2. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1983.
3. *Лазаревский Н. И.* Русское государственное право. – Т. 1. – СПб, 1913.
4. *Левчук С.* Конституционные проекты Временного правительства России в межреволюционный период 1917 года // *Право и жизнь*. – 1996. – № 10. – С. 143.
5. Основы Конституции Российского Государства // *Архив русской революции*. – Берлин, 1922.
6. *Стучка П.* Учение о Государстве и Конституции РСФСР. Третье пересмотренное издание (извлечение) – М., 1923.
7. *Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней*. – М., 1999.

¹ См.: Акт об образовании Всероссийской Верховной власти 26 (8) – 10 (23) сентября 1918 г. // *Архив русской революции*. – М., 1991. – Т. 12. – С. 189–193.

Правовая мысль прошлого

Провозгласив своей целью содействие дальнейшему развитию отечественной правовой мысли, наш журнал считает крайне важным обращение на своих страницах к работам отечественных правоведов прошлого – дореволюционного и советского периода. В особенности, когда эти работы могут быть по-прежнему интересны, однако в полном объеме не переиздавались, а потому и ознакомление с ними для современного читателя несколько затруднено.

Из этих соображений в нашем журнале и отведен специальный отдел, который редакция смеет надеяться со временем видеть традиционной рубрикой.

Напомним, что в первых двух книгах (номерах) нашего журнала за текущий год, был помещен текст доклада доктора юридических наук, профессора, академика АН СССР А. Я. Вышинского (1883–1954) на печально знаменитом Первом Всесоюзном совещании научных работников права (г. Москва, 16–19 июля 1938 г.) и стенограмма прений по нему.

В качестве очередного материала исторической рубрики редакция избрала цикл статей «Очерки тюремной психологии» выдающегося русского советского юриста, крупнейшего специалиста в области уголовного и исправительно-трудового права, истории уголовной политики, тюремного дела Михаила Николаевича Гернета. Несмотря на специфический объект исследования, работы профессора М. Н. Гернета всегда отличал яркий, образный слог, что особенно проявилось в представленном сегодня современному читателю после долгого перерыва, переиздании серии его статей по тюремной психологии. Очерки последовательно печатались в 1923–1924 годах в каждом номере московского издания «Право и жизнь: Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства». Затем они были изданы в 1925 г. отдельной книгой под названием «В тюрьме. Очерки тюремной психологии». Считается, что «этот труд ученого – оригинальное научное исследование, каких не много в мировой литературе¹».

¹ См.: Захаров Д. П. Михаил Николаевич Гернет, 1874–1953 // Правоведение. – 1978. – № 5. – С. 105–106.

В настоящем переиздании (за изъятием очевидных опечаток) полностью сохранены авторская орфография и пунктуация, а также стилистическое оформление работы.

Официальная справка

Гернет Михаил Николаевич (12 июля 1874 г., Ардатов, Симбирская губерния, ныне Мордовия, – 16 января 1953 г., Москва), русский советский юрист, крупнейший специалист в области уголовного и исправительно-трудового права, уголовной статистики, доктор юридических наук (1936), профессор. В связи с 30-летием научно-педагогической деятельности первому среди советских юристов присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР (1928).

В связи с 70-летием со дня рождения награжден орденом Трудового Красного Знамени (1944). Государственная премия СССР за первые два тома капитального труда «История царской тюрьмы» в пяти томах (1947). Более 350 научных трудов в области криминологии, уголовного права, уголовной статистики, пенитенциарного права.

Родился в г. Ардатове бывшей Симбирской губернии в семье профессионального революционера и народной учительницы. В 1893 г. окончил Симбирскую гимназию и продолжил учебу на юридическом факультете Императорского Московского университета. В 1897 г. окончил Университет, за общие академические успехи и свою дипломную работу – «О влиянии юного возраста на уголовную ответственность», удостоен золотой медали.

Работая помощником присяжного поверенного, публикует первую научную работу – «Вопросы адвокатской этики» (1898). Вместе с А. И. Яковлевым (впоследствии крупным советским историком), организует нелегальный кружок по изучению трудов К. Маркса. В 1899 г. назначен заведовать криминальным музеем при юридическом факультете МГУ, преобразовывает его в Музей уголовного права, одновременно читает курс лекций («Учение о факторах преступности»). Приват-доцент Московского университета с 1902 по 1911 гг.

С лета 1902 г. по осень 1904 г. в длительной заграничной командировке для сбора материалов и работы над магистерской диссертацией. Посещает лекции и работает в крупнейших университетских библиотеках Бер-

лина, Гейдельберга, Парижа, Рима, ряда городов Швейцарии и Бельгии, посещает криминологические музеи, тюрьмы, читает лекции по уголовному праву для эмигрантов в Высшей школе социальных наук (Париж) и Новом университете (Брюссель).

В 14 июня 1906 г. защищает магистерскую диссертацию («Социальные факторы преступности»), публикует серию статей против смертной казни, которые получили широкий резонанс. В 1911 г., в знак протеста против жесткого подавления студенческих волнений, в числе 130 профессоров и приват-доцентов, покидает Университет. Избирается профессором уголовного права Петербургского психоневрологического института (дважды в неделю приезжает из Москвы для чтения лекций). В 1913 г. за монографию «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества», удостоивается премии Академии Наук.

Организует в 1918 г. народный университет в Лосиноостровской (под Москвой) и читает там лекции по уголовному праву. Одним из первых ученых-юристов дореволюционной школы после Октябрьской революции пошел работать в советские учреждения.

В 1919–1931 гг. работает профессором кафедры уголовного права и возглавляет работу в Музее криминологии 1-го МГУ, заведует отделом моральной статистики Центрального статистического управления РСФСР-СССР и консультантом Отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних Народного комиссариата просвещения СССР. С 1925 г. – сотрудник Государственного института по изучению проблем преступности и преступника (ГИИП).

Профессор А. А. Герцензон, вспоминая о своем учителе в предисловии к первому тому знаменитого пятитомника, писал, что «уже в начале 20-х годов зрение М. Н. Гернета сильно ослабло... В конце 20-х годов М. Н. Гернет жаловался, что почти не различает силуэта своего собеседника, а в начале 30-х годов М. Н. Гернет окончательно ослеп»¹, но продолжал свою выдающуюся научную, преподавательскую и общественную деятельность.

В 1936 г. в порядке исключения, Академия наук СССР присудила ученую степень доктора государственных и правовых наук без защиты диссертации. В 1931–1942 гг. преподавал в Московском юридическом институте, в 1942–1948 гг. вновь в МГУ.

¹ Герцензон А. А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953). – В кн.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – М., 1960. – С. 18.

Очерки тюремной психологии

Журналистика и журналы в тюрьме

тюрьма; реформаторий; тюремная психология; периодическая печать; журнал; преступление; арестант; право следить за общественной жизнью

М. Н. Гернет

доктор юридических наук, профессор, академик, заслуженный деятель науки РСФСР

Назначение подследственной и срочной тюрьмы – изъять обвиняемого и осужденного из общества, в первом случае – на время производства предварительного следствия, а во втором – на срок, определенный судом осужденному в наказание. Подследственный арест имеет своей целью помешать обвиняемому уклониться от суда, и, посредством лишения его свободы, устранить те препятствия к обнаружению истины, которые он мог бы создавать, находясь на свободе. Лишение же свободы в виде карательно-исправительной меры, применяемой в силу судебного приговора, не должно заходить за пределы требования уголовной политики.

Современные тюрьмы, за исключением американских реформаторий и русских тюрем после Февральской революции, а также германских тюрем в 1919 г., строжайше запрещают допуск к заключенным периодической печати, в виде газет и журналов. Безусловность такого запрета не оправдывается ни нелями предварительного заключения, ни задачами современной уголовной политики. Казалось бы, что запрещение чтения газет и журналов тому одиночному арестанту, следствие о преступлении которого закончено, не может быть ничем обосновано: если обвиняемый содержится под стражей только для того, чтобы он не уклонился от суда, то периодическая печать, допущенная в его камеру, отнюдь не облегчает ему побег.

Но отвечает ли недопущение периодической печати к срочным арестантам требованиям современной уголовной политики?

Лишение арестанта права следить за общественной жизнью чувствуется заключенными далеко не одинаково. Здесь все зависит от особенностей умственного развития и от индивидуальной психологии каждого. Человек, привыкший начинать каждый день своей жизни с чтения газетного листка, испытывает очень большие лишения, когда он остается без газеты. Спокойно отнесется к этим тюремным запретам человек, никогда не имевший или лишь редко державший в своих руках органы периодической печати. *Страдание от такого лишения тем сильнее, чем более развиты у человека общественные инстинкты, чем менее он равнодушен к жизни родной страны.* В более культурных странах чтение, повседневных газет стало привычкой самых широких слоев населения, а в том числе и тех, которые дают наибольшее число преступников.

Но особенно тяжким оказался запрет допуска газет в места заключения для политических арестантов. Описывая свои тюремные впечатления, Турати вспоминает, какой «болезненной, лихорадочной» становилась в тюрьме потребность узнать новости о внешнем мире. Он вспоминает, как был счастлив, когда нашел в отхожем месте выпачканный номер какой-то газеты и спрятал его под одежду, надеясь избежать обыска. Заточенные пожизненно или на долгие сроки узники Шлиссельбургской крепости также не могли следить за периодической печатью, а когда им стали доставлять для переплета журналы истекших лет, то они набрасывались прежде всего на ближайшие к ним по времени номера и после, сходясь вместе, делились «новостями»; только что прочитанное получало в их глазах характер только что случившегося. Запрещение новых журналов обрушивалось на них всею тяжестью и создавало такие лишения, величину которых трудно себе, по словам Новорусского, представить¹. Чтобы узнать политические новости, намек на которые прорывался из слов тюремной администрации, они прибегали к разным мелким уловкам. Один из жандармов принес однажды узникам номер старой газеты, и они с жадностью на него набросились². Когда в 1890 г. тюремный священник принес Шлиссельбургцам духовный журнал «Паломник», все заключенные читали его, как мало ни отвечал он их мировоззрению: до такой степени сильно было желание видеть бумагу, недавно вышедшую из типографии в тщетной надежде найти там какие-нибудь отголоски общественной жизни. Но даже самый вид года «1890», до того более нигде невиданного в печати, был приятен взору заточенных. В ответах на анкету Ауэра попадают жалобы общеуголовных преступников на недопущение газеты, как на тяжкое лише-

¹ Новорусский М. В Шлиссельбургской крепости. Былое. 1906. – № 10. – С. 267.

² Гершуня. Из недавнего прошлого. – М.: Земля и Воля, 1917.

ние¹. По общему правилу, постоянно подтверждаемому наблюдением над тюремной психологией, ни одна сильная потребность не может остаться в тюрьме без всякого удовлетворения. Как скоро правила тюрьмы не позволяют ее удовлетворять или стремятся уничтожить ее, сами заключенные изыскивают способы удовлетворить не только требования своей природы, но и привычки, ставшие для них, согласно поговорке, «второй натурой».

Вот почему мы встречаемся с попытками издания в тюрьме нелегальных журналов не только политическими, но и обще-уголовными арестантами. Ломброзо в своей книге «*Les palimpsests des prisons*» приводит образец одной тюремной газеты, издававшейся в парижской тюрьме «Большая ракет»². Своим внешним видом и содержанием тюремная газетка стремилась дать иллюзию настоящей газеты. Наверху с одной стороны отмечается год издания и номер: «первый год № 2». (Нужно догадываться, что дальнейшее существование газеты было пресечено). С другой стороны, на той же странице, в углу номера, обозначено время выхода номера (воскресенье, 4 мая 1886). Под названием газеты «*Tam-Tam Ballon*» отмечено, что она является «официальным журналом расслабления». Далее мелким шрифтом указывается: В первой колонке – цена номера 20 сантимов – и размер учредительного пая – 5 сантимов. Последнее обстоятельство как будто указывает, что издание газеты было делом целой группы лиц. Во второй колонке был обозначен адрес редакции (конечно, это был адрес тюрьмы – улица Рокет, 168). Здесь же редакция отмечала свое запрещение ссужать номер для чтения. Очевидно, она нуждалась в денежных средствах и не имела в виду бесплатно развлекать тюрьму своею юмористической газеткой. Она же извещала (в третьей колонке), что сообщения с воли будут приняты с благодарностью. Что касается содержания газеты, то мы здесь находим и фельетон, и отдел «Эхо и толки» и объявления³.

¹ Ауэр О. С. – С. 60.

² Lombroso C. *Kerker-Palimpseste*. 1899. – P. 108–109.

³ В фельетоне № 2 «*Tam-Tam ballon*» напечатано продолжение романа о встрече автора после нескольких лет разлуки с дамой, с которой он «спрягал во всех наклонениях глагола любить». В рубрике «Эхо и толки» передается ироническое сообщение о грязных ушах арестанта, навоз из которых идет на разведение шампиньонов; редакция предупреждает о возможности отравления такими грибами. На второй странице журнала шуточное объявление о предстоящем издании редакцией романа «Любовные похождения Марса», *plain de verve* и двусмысленное объявление о музее «*Felkin*», доступ только мужчинам. Атрикционы Большая панорама, содержащая, между прочим, картины: 1) полнолуние, 2) «*les gorges de Rhin (rein)*» 3) *le detroit de la volupté*. Под названием басни «*Fable-express*» помещено 6 строк. «Здоровенный тамбур-мажор, утоляя свой голод, закусывал маленькой сардинкой и, ей богу, насытился. Мораль: часто имеешь нужду в меньшем, чем ты сам».

Нам не приходилось видеть нелегальных журналов русских уголовных арестантов. Не приходилось читать их описания и в имеющейся литературе. Это заставляет предполагать, что они – довольно редкое явление. Иначе – журналы политических арестантов. Нам известно их несколько. Также приходилось не один раз слышать о попытках их издания в различных местах заключения.

В моих руках был такой «литературно-художественный журнал», под названием «Бутырки», издававшийся в Московской Пересыльной Тюрьме в 1906 г. и вышедший в количестве всего двух номеров. Обложка журнала была исполнена в красках очень художественно. Размер журнала был в обыкновенную ученическую тетрадь. Вся обложка была цвета серого арестантского сукна. Название журнала «Бутырки» было написано крупными буквами и шло поперек стравицы сверху вниз, из правого угла в левый угол. Рисунок на обложке под надписью – названием журнала – представлял очень стильный вид Пересыльной тюрьмы зимой: из-за высокой стены с башней на углу виднеется часть тюремного здания; часовой с ружьем ходит у стены; темные тучи нависли над тюрьмой, на заднем плане видны силуэты городских домов. Рисунок вверху надписи представляет часть тюремного окна, из-за решетки которого видны церковные купола и крыши домов... Рисунки в тексте также отражали тюремные настроения: таков рисунок, помещенный перед очерком «Ночь» и изображавший ночь на море с судами на якоре и виднеющимися вдали на берегу бесчисленными огоньками зданий огромного портового города.

Что касается содержания этого журнала, то оно не только ясно показывает стремление заключенных создать себе иллюзию доступа к ним в тюрьму журнала, но также показывает, как томительно скучна тюремная жизнь. В этом отношении особенный интерес представляет собой статья «С тоски», которою начинался № 2-ой журнала. Потребность в периодическом издании должна была особенно остро ощущаться узниками Шлиссельбургской крепости. Здесь всякая связь с внешним миром была совершенно прервана. Никакое известие с воли не проникало в камеры заключенных. Даже переписка с самыми близкими родственниками была запрещена в течение многих лет. Между тем заключенные сюда принадлежали, по складу их ума и характера и по своей деятельности до ареста, к числу тех, кто особенно зорко следил за политической и общественной жизнью родной страны и всего мира и отдавал себя полностью политической борьбе

и общественной работе. Нет ничего удивительного, что узники, как только у них являлась возможность общения друг с другом, старались удовлетворять свой спрос на периодическое журнальное слово.

Первый журнал шлиссельбургских узников носил название «Винегрет». Как показывает самое название журнала, содержание его было пестрое: воспоминания, стихотворения, статьи по математике, статистике, об экономическом развитии России и Польши, вместе с вклеенными акварельными рисунками и карикатурами, составляли содержание первого номера, выпущенного в свет в виде небольшою переплетного томика¹. Как полагается, журнал имел своих редакторов, но они же сами были и авторами статей первого номера.

Появление журнала произвело живейшее впечатление на заключенных. Один из них вспоминает, что ко времени изготовления второго номера все население тюрьмы превратилось в писателей. Сейчас же появился новый конкурирующий журнал «Рассвет». Партийные разногласия были одной из причин появления второго журнала².

Так игра в журналистику доводилась до своего логического конца: в стенах Шлиссельбургской бастилии образовалось два враждующих литературных лагеря и, по словам автора тюремных воспоминаний, началась ожесточенная полемика (например, по вопросу остепени промышленного развития России и Польши).

Содержание номеров становилось богаче: появились статьи научного содержания, рассказы из тюремной жизни, быта рабочих, Фантастические повествования. Одна из статей Морозова была программой появившейся впоследствии в легальной печати его книги «Апокалипсис». Появившаяся в одном из шлиссельбургских журналов статья Новорусского «Из размышлений в Шлиссельбурге» была позднее напечатана, в «Минувших годах». Это показывает, что статьи из тюремных журналов имели в некоторых случаях и общественный интерес.

¹ Потребность безобидно посмеяться хотя бы друг над другом не умерла и в этом мертвом доме. Так, один из рисунков изображал товарища-узника, отличавшегося своей толщиной и громадным аппетитом: он был представлен за столом, уставленном всякими яствами, с раскрытым ртом, готовым все поглотить. Были тут и чисто тюремные сюжеты, например, появление в тюремной камере зрителя с жандармами. Под рисунками были иронические подписи.

² В № 1 «Рассвета» были, между прочим, помещены: художественный рассказ Иванова «Переправа», рассказ из крестьянской жизни; одна из публицистических статей сравнивала промышленное развитие России и Польши.

Но полемика тюремных журналов-собратьев принимала все более резкий характер. Это уже вносило вместо удовлетворения в среду заключенных раздражение. Сотрудники стали отказываться от участия в журналах; охладели к ним и читатели, и оба издания прекратились.

Попытку примирить враждующие литературные, лагеря сделал новый тюремный журнал под названием «Паутинка». На обложке вышедшего номера был изображен маленький паучок, заботливо ткавший паутинку, в которую запутались и мухи, и пчелы, и осы. Редакторами были Лукашевич, Морозов и Фигнер. Журнал призывал не допускать резких выражений и личных нападок. Его содержание нам неизвестно¹.

Выходил журнал и в далекой сибирской тюрьме. Автор воспоминаний о Сазонове, бросившем бомбу в министра, говорит о таком журнале под названием «Наше»².

При разборе архива Московской Таганской тюрьмы, Алексинский нашел номер рукописного тюремного журнала под названием «Тюрьма». На обложке этого издания изображена в натуральную величину рука по кисть, прикрывающая растопыренными пальцами здание тюрьмы. На тыловой стороне ладони имеется надпись: «В цензурном комитете. Старый цензор: Чтоб зло пресечь, надо собрать все журналы да сжечь». Новый цензор: «Мы рвем-с».

Такова, вероятно, и была судьба предшествующих номеров журнала. Но как она ни была печальна, она не сломала упорства издателей: найденный в архиве тюрьмы номер значится шестым. Содержание его составляют три статьи беллетристического характера, полемические статьи социалистов-революционеров и отдел библиографии с рецензией на изд. Гранат «Истории России». Из трех беллетристических произведений два на темы из тюремной жизни.

Кажется, мы не ошибемся, если скажем, что в тех тюрьмах, где было значительное число политических заключенных, там почти всегда зарождалась и тюремная журналистика. Виташевский, описывая свое пребывание на Каре, вспоминает о двух рукописных периодических изданиях каторжан. «Кара» толстый журнал с публицистическими и научными статьями и «Карийский листок объявлений» юмористического содержания.

¹ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. – 2-ой том. – 1922. – С. 162.

² Фролов Гр. И. Земля и Воля. – 1917. – 31 мая. – № 21.

Кроме того женщины издавали свой журнал. «Карийский листок объявлений» читался вслух в коридорах тюрьмы. Он успехом не пользовался. Автор воспоминаний не знает точных причин этого: потому ли, что тюремная жизнь была бледна или заключенным было не до смеха, или не было талантливых юмористов... Как полагается, каждый журнал имел своего редактора¹. В Севастопольской тюрьме, после восстания Шмидта, издавался при помощи гектографа обличительный и юмористический журнальчик «Бомба», а после ликвидации администрацией этого издания стали выходить «Осколки бомбы», и тюрьма была полна литераторов, карикатуристов и печатников².

Это, отмечаемое автором воспоминаний, превращение заключенных в журналистов – довольно распространенное в тюрьме явление: как скоро внутри тюрьмы стал появляться свой периодический орган, немалая часть его читателей становится его сотрудниками. Когда в 1915 году в Московской тюрьме (Таганской) явилась, по словам одного из авторов воспоминаний, «блестящая мысль» издавать свой рукописный журнал «За решеткой», то в нем стали писать «все без исключения» и, несмотря на преследование администрации, он продолжал выходить, заполняясь статьями полемического содержания, стихами и сатирой.

Нам известно, что издавался и другой журнал политическими заключенными Московской тюрьмы «Каменщики». В моей коллекции имеется, впрочем, лишь письмо тюремного поэта к редакции с приложением в стихотворной Форме весьма прозаических «Правил внутреннего распорядка по содержанию в тюрьме политических заключенных». Редакция журнала сопровождает эти «правила» в стихах шуточным примечанием, что, преклоняясь перед поэтическим талантом автора и помещая правила в журнале, она, однако, оставляет за собой право не подчиняться им³.

Запрещение всякого доступа в тюрьму газет и журналов вполне отвечало всей системе наказания лишением свобод. Оно было лишь одним

¹ Виташевский. На Каре, Голос Минувшего. – 1914. – № 8. – С. 117–119.

² Вороницын. Из мрака каторги. – Харьков, 1922. – С. 15.

³ Редакция дает два столбца текста: в одном переписаны тюремные правила в прозе, а в другом они изложены в стихах. Мы приводим здесь лишь первую статью правил:

Начальник места заключения обязан наблюдать за точным исполнением сих правил и отвечать за все от них отступление.	Начальник места заключения Обязан строго наблюдать За точным правил исполнением, За отступление ж отвечать.
--	--

из звеньев в общей цепи условий жизни заключенных. Когда идеалом тюрьмы становится почти замуравливание арестанта за стенами мест заточения, не пропускающими через свою толщу никаких звуков из свободной жизни, то, конечно, никакому периодическому изданию не может быть там места: ежедневная газета, еженедельный или ежемесячный журнал наполнили бы тишину одиночной камеры шумом свободной жизни. Этот шум свободы, с непрекращающейся борьбой политических партий, с постоянно меняющимися интересами дня грозил бы опасностью нарушить молчание в общих местах заключения. «Сидеть в тюрьме и иметь там газету», говорил тюремный священник Раухштейн, «это – противоречие»¹.

Однако печатное периодическое слово оказалось в силе пробить даже и толщу тюремной стены. Прежде всего оно проникло туда в Форме, не возбуждавшей у тюремной администрации особых возражений и сомнений – в виде ежемесячника со статьями духовно-нравственного характера. Начиная с 1866 г., в швейцарской Невшательской тюрьме стало выходить периодическое ежемесячное издание под названием «Le roman de sapin», а позднее «Feuilles d’Hygiene» с коротенькими и ясными по форме статьями биографического характера о великих людях, по естественности, по вопросам морали, о вреде пьянства и пр.² Журнал иллюстрировался красивыми картинками.

Как можно видеть, первая брешь, пробитая в тюремной стене периодическим изданием, была совсем маленькая: журнал выходил лишь один раз в месяц, и главное его содержание состояло из тех же самых поучений, с которыми обращался к заключенным тюремный священник в своих проповедях.

Но как ни мала была пробитая щель, все же через нее открывался вид на жизнь вне тюрьмы. Пусть это была пока жизнь не столько самого человека и общества, сколько окружающей его природы, но все же это была не тюремная жизнь. Пусть это были иллюстрации, но они были из-за стен острога и давали возможность отдохнуть на них уставшим от серого однообразия глазам арестанта.

В этой же швейцарской тюрьме был сделан второй и более решительный шаг. Он был сделан, благодаря инициативе «Giullaume», выступив-

¹ Rauchstein. Die Zeitungen im Gefängnis. Blätter für die Gefängnisstudie 10 Band % Hefc.

² Revue penitentiaire 4895. – P. 192–193.

шего позднее на Международном Пенитенциарном Римском конгрессе 1885 г., с докладом о газете в тюрьме. Заключенным было разрешено самим издавать свой литографированный журнал. В нем печатались лучшие школьные работы заключенных, оригинальные статьи, стихотворения¹. Подписчиками и сотрудниками журнала «*Feuille penitentiaire suisse*» были заключенные швейцарских тюрем и члены обществ патроната.

Начиная с 1889 г., в другой швейцарской тюрьме – Лозаннской – тюремный священник Ботц (Bautz), начал издавать для заключенных газету под названием «Маленькая газета и свод новостей, выходящая каждые 15 дней». «*Petite gazette et resume des nouvelles, paraissant tous les quinze jours*». В газетке было 6 больших страниц in 4–0; Ботц справлялся с изданием один. Его целью было дать заключенным «нравственное, религиозное и патриотическое чтение», и мечтоу – дать также хронику из жизни всей Швейцарии, отдельных кантонов, иностранных государств и сообщения о важнейших событиях дня, исключая преступлений. При недостатке материала редактор печатал свои письма к сыну.

Вообще Швейцария в отношении доступа в тюрьму периодических органов шла впереди других стран. Еще в 1874 г. на съезде тюремных швейцарских деятелей было решено издавать для арестантов специальный ежемесячник, при сотрудничестве частью и самих заключенных, под названием «Тюремные листки» (*Gefängnissblätter*) с эпиграфом «Трудолюбие поглощает время, время вознаграждает трудолюбие». Целью этого издания было дать заключенным нравственное чтение².

Приблизительно около этого же времени Французский священник Гамбург выступил в печати с горячей статьей о необходимости издания для заключенных газеты с политическим отделом. Автор обосновал свое предложение указанием, что оторванность заключенных от политической жизни страны приводит к ослаблению интереса к ней. Не надо забывать, говорит он, что выходящий из мест заключения должен принимать участие в политической жизни. Предложение Гамбурга вызвало целый ряд возражений, сущность которых сводилась к утверждению, что наказание лишением свободы перестало бы быть наказанием, если бы газета была допущена в тюрьму³.

¹ Rauchstein o. cit.

² Rauchstein o. c.

³ *Revue penitentiaire* 1883. – P. 624–625.

На международном пенитенциарном конгрессе в Риме в 1885 г. было представлено уже два доклада. Один из докладов проектировал международный тюремный журнал при сотрудничестве выдающихся людей всего мира: «Воскресенье».

В программу пенитенциарного конгресса 1895 г. вопрос об издании журнала в местах заключения был вновь включен, и на этот раз, перед пенитенциарным конгрессом 1895–96 гг. в Бордо, французские тюремные деятели имели возможность ознакомиться с программой периодического издания для заключенных, проектированного Синуаром (Sinoir). По его предложениям журнал, объемом в 16–20 страниц текста, должен был выходить два раза в месяц и заключать в себе шесть отделов: 1) составленная с особою осмотрительностью хроника важнейших событий; 2) странички из лучших произведений литературы (автор – указывал в виде образца на известный Французский журнал «Annales» с его отделом «Забывшие странички»); 3) хороший роман, путешествия, военные воспоминания; 4) ручной труд (и здесь автор указывал образец, достойный подражания – швейцарскую тюремную газету «Feuilles penitentiaires suisses»); 5) научный обзор в развитие и дополнение предыдущего; 6) общественный отдел со статьями по вопросам права, благотворительности, взаимопомощи и пр. Синуар не исключал из журнала возможности помещения в нем шарад и ребусов¹.

На конгрессе в Бордо Лямбер (Lambert) представил образчик тюремного журнала под названием «воскресная газета» (Journal du dimanche). Здесь было 10 статей. Передовая статья носила характер вступительной или редакционной с указанием на новые начинания. Вторая статья носила название «Родина». Далее следовала статья, посвященная вопросу эмиграции, и следующая за нею – специальное описание Мадагаскара. В виде письма в редакцию освобожденный из мест заключения описывал важное значение мер помощи выходящим из тюрем. Одна из статей журнала была посвящена описанию путешествия, а другая должна была начать собою серию статей под общим заглавием «Великие люди»; она давала биографию Стефенсона. Журнал заканчивался отдельчиком с загадками².

¹ Revue penitent 1895. – P. 202–203.

² Revue penitentiaire 1896. – P. 268–269.

Попытки издания специального тюремного журнала были сделаны и в России. Первый раз такая попытка была сделана в 1905 г. Был выпущен лишь 1 номер под названием «Тюремная газета» от первого сентября 1905 г. Было предположено выпускать ее еженедельно в количестве не менее 12000 экземпляров и бесплатно выдавать для чтения всем заключенным. Кроме того каждый заключенный имел право выписывать газету для себя. Условия подписки были установлены очень льготные и подписная цена весьма низкая. Содержание номера составилось из статей осведомительного характера со сведениями о патронате и о разных распоряжениях правительства. Под заманчивым заголовком «Новости политической и общественной жизни» напечатано всего несколько строк о начатии мирных переговоров между Россией и Японией, о нападении японцев на о. Сахалин, о предстоящем тюремном конгрессе, о высочайшем пожаловании браслета Далай-Ламе. В отделе «тюремная жизнь», как и в отделе «новости политической и общественной жизни», сказывается робость редакции дать что-либо интересное для арестанта, сообщается о посещении тюрьмы в Ревеле архиепископом АгаФангелом, о случае отравления арестанта древесным спиртом, и о подвиге помощи каторжанам на о. Сахалине одной молодой девушки «Из дворянской зажиточной семьи». Даже и в статьи научного отдела редакция сумела внести свой специальный привкус. Так, напр., в статье о причудливых явлениях молнии сообщается, как молния поразила приговоренного к казни на эшафоте, прежде чем палач успел расправиться с ним, как молния поразила вора, укравшего портмоне, как она, ударив в церковь, сожгла причастие, которого «были недостойны молящиеся»... Журнал такого содержания не мог иметь успеха у заключенных, но и он показался слишком большим новшеством и далее первого пробного номера, при этом не получившего распространения, дело не пошло.

Вторая попытка относится ко времени последней войны. Еще в русско-японскую войну привлечение арестантов к труду на нужды армии с одной стороны и интерес к вестям с театра военных действий с другой – привели к разрешению знакомить арестантов с содержанием правительственных телеграмм о ходе войны. Вступившее после войны вновь в силу запрещение давать арестантам журналы и газеты отразилось на них, по словам администрации Херсонского Испр. Арест. Отд., крайне неблагоприятно, отнимая у них нравственный покой и вызывая совершение таких проступков, которые не могли бы иметь места при некоторой хотя бы осведомленности заключенных о важнейших событиях текущей жизни¹.

¹ Тюрем. Вест. – 1906. – С. 407–408.

С первого октября 1916 г. было решено выпускать в виде приложения к «Тюремному вестнику» журнал «Зерно», где, помимо сведений о войне, должны помещаться религиозно-нравственные очерки и рассказы при сотрудничестве самих заключенных.

Некоторое удовлетворение потребности арестантов в свежем номере периодического издания дают особые приложения к таким официальным изданиям тюремных управлений, как «Rivista di Discipline Carcerarie e Corretive» в Италии и «Тюремный Вестник» в России.

Названный итальянский журнал, выходящий теперь два раза в месяц, отводит в каждом своем номере особую часть для чтения осужденным. Просматривая содержание журнала за 1917 г., мы видим, что наибольшая часть материала относилась к последней войне: военные обзоры, телеграммы с различных Фронтов, правительственные сообщения, заметки об успехах военной авиации и о подводных лодках заполняют больше всего страниц в номере. Встречающийся в некоторых номерах отдел «Тюремная Хроника» заключает в себе коротенькие в несколько строк сообщения о событиях официального характера, в виде посещения тюрьмы кем-либо и т. д. В некоторых номерах печатаются стихотворения и небольшие рассказы. О последних отнюдь нельзя сказать, что они написаны специально для тюрьмы с целью «морального» воздействия на заключенных. Им вполне можно дать место во всяком другом журнале и, действительно, попадают рассказы, перепечатанные из других периодических изданий. Однако, материал для этого легкого чтения дается в очень небольшом размере.

Как и во многих других отношениях, американская тюрьма нового типа (реформатории) пошла в вопросах «тюремной журналистики» своим особым путем. Это был путь свободы. Влечению арестантов к поэтическому творчеству и вообще к писательству реформатория не только не ставит никаких препятствий, но даже облегчает им возможность свободного развития их в тюрьме. Удовлетворяя потребность арестанта в знании политических и общественных новостей из жизни родной страны и всего мира, реформатория перешла от чтения арестантам газет вслух за завтраком к изданию в местах заключения собственных периодических органов. Немецкий исследователь Херр, подробно изучивший постановку дела в реформаториях, дает много интересных сведений об этих журналах. Впрочем, оригинальная постановка этого дела в Америке привлекала к себе не один раз внимание европейской периодической печати, ограничивав-

шейся, однако, лишь сообщениями осведомительного характера о смелых шагах американских тюремоведов и не решавшейся призывать к подражанию им.

По сообщению немецкого, ОФФИциального журнала «Blätter für die Gefängnissskunde¹ уже в 1896 г. в Америке насчитывалось 30 журналов, издававшихся заключенными Соединенных Штатов. Херр склонен объяснять распространение тюремных журналов огромную ролью периодической печати в Америке, «несравненно большею», чем роль печати даже в Германии. Но, помимо роли печати в жизни американца, Херр указывает и на практические задания журналов: арестант не должен быть отлученным от общественной жизни: он должен иметь здоровое и нравственное чтение².

Полного сходства тюремных журналов реформаторий не наблюдается. Различно их содержание, неодинаковы условия издания, состав редакций, объем, сроки выхода. Ранее других стал выходить журнал в Эльмирской реформатории. Он выходит с 1883 г. под заглавием «Обозрение» (The Summary) еженедельно по субботам, в объеме восьми страниц. В Конкордской реформатории выходит еженедельная газета «Наше Время» (Our Paper) в 16 стр. в Гунтигтоне – «Хроника Заведения» (Reformatory Record); в Понтиаке – «Пионер» (Pioneer) в 8 стр.; в Жефферсонвилле – «Обозреватель» в 4 стр.; в Мансфельде ежемесячно «Обозрение реформатории» в 8 стр.; в Индиане – «Рефлектор» и т. д.

Внешний вид журналов мало уступает внешности хороших заграничных журналов: иллюстрации, шрифт, печать, бумага не оставляют желать лучшего.

Журналы печатаются и в значительной части и пишутся внутри самих тюрем. Вместо фамилий авторов – номера, под которыми заключенные значатся в реформатории (Эльмира). Редакторами состоят в одних тюрьмах сами заключенные, в других – лица из тюремной администрации, пользующиеся в своей работе помощью заключенных³.

Читателями журналов состоят не только заключенные, но также их родные и вышедшие на свободу. Содержание номера составляется

¹ 30 Band. P. 296–297.

² Ibid. – P. 293.

³ В эльмирской реформатории главная работа по редакции возложена на одного из заключенных под контролем начальства заведения; в Коакордской – редактором состоит священник, а при нем секретарь из числа заключенных.

очень разнообразно, но характер изданий по разным тюрьмам неодинаков. Вопросы политики, права, текущей общественности, науки находят здесь по общему правилу свое отражение и соответствующее освещение. Но в то время, как в одних журналах религиозным вопросам отводится больше всего места, в других они совершенно отсутствуют.

Отдел тюремной хроники дает подробные сведения о жизни внутри реформаторий с ее интенсивным трудом, занятиями в школе, лекциями, научными и литературно-музыкальными вечерами, гимнастическими упражнениями, спортом, наградами и наказаниями заключенных и пр.

Чтобы составить себе возможно полное представление о всем разнообразии содержания журналов, мы передадим оглавление одного из номеров «The Summary» сообщаемое Херром. Статьи и заметки небольшого размера размещены по IX отделам.

I. Уголовное право: 1. Тюремная реформа в штате Минезотта. 2. Душевные болезни и ответственность преступников. 3. Заметки по реформе тюрьмы.

II. Новости реформатории. 1. Новая военная организация. 2. Изменения в библиотеке. 3. «Черная овца» в заведении. 4. Заседание начальства заведения. 5. Программа дня в заведении. 6. Коротенькие местные известия.

III. Доклады и дебаты за неделю. 1. Цена веры, ст. пастора Вехера. 2. Христианство и моральная философия, ст. проф. Монкса. 3. Свободное и обязательное школьное обучение, ст. проф. Претта.

IV. Главнейшие статьи. 1. Физические упражнения и мораль. 2. Сущность новых взглядов на тюрьму. 3. Причины безприютности детей. 4. Капиталист, рабочий и закон. 5. Заметки.

V. Новости за неделю (с 22 по 28 июля).

VI. Смесь. 1. Обмен приветствиями. 2. Популярность Вагнера в Лондоне. 3. Стихотворение. 4. Тирания. Новеллы.

VII. Социология. 1. Итоги уголовной статистики. 2. Граф Толстой о мясной пище. 3. Антропология преступника. 4. Промахи рабочих. 5. Гипнотические внушения. 6. Доктор РейнсФорд. О кабаках.

VIII. Технический отдел.

IX. Вопросы дня. 1. Закрытие всемирной выставки в воскресенье. 2. Рабочие беспорядки в Гомерстаге. 3. Политическое положение.

Иногда выпускаются специальные номера, посвященные выдающимся событиям, напр., годовщине рождения Вашингтона, объявлению независимости Америки. Эти номера по своей роскоши не уступают лучшим американским журналам.

Рассматривая содержание статей и заметок американских тюремных журналов, мы видим, что руководители журналов стремятся приблизить их к типу обыкновенных журналов. Они лишь избегают сенсационных известий о преступлениях, криминальных романов. Они хотят дать читателю полезное, но далекое от скучных нравоучений чтение. Журнал отнюдь не скрывает своей задачи – быть также и средством развлечения: американцы не боятся никакого здорового развлечения. В отделе новостей за неделю от арестанта не скроют ни важнейших политических событий, ни даже таких известий, как сведения о результатах скачек. Так проходит перед заключенным жизнь родной страны. И если грандиозный пожар Чикаго с 637 сгоревшими и убитыми заставляет говорить о себе всю страну, то арестант может читать у себя описание этого несчастья. Не обойдет молчанием журнал и путешествия, предпринятого в Германию бывшим кандидатом в президенты Штатов – Бриеном. Когда назревала опасность войны между Россией и Японией, заключенные в различных реформаториях могли читать у себя статьи, посвященные этому вопросу. Если внимание американского общества было направлено на злободневный вопрос о праве въезда китайцев в Америку, то и заключенные интересовались этим же, свободно обсуждая выгоды и невыгоды предположенного запрещения. Просматривая номера журналов за разные годы, можно видеть широкий размах редакций: тут все, что нужно в данное время знать человеку культурной страны: и проект постройки Флота, и знаменитое дело невинно осужденного Дрейфуса, и конфликты с соседними штатами – все несет в камеру заключенного этот, еще пахнувший типографской краской, журнал, созданный в тюрьме и для тюрьмы, но продиктованный свободной жизнью¹.

¹ Одна из статей в «Тюремном вестнике» – «Тюремные газеты в Америке» (1904 г. № 6, 745 стр.) сообщает подробности организации издания одной из наиболее распространенных тюремных газет – «Звезда надежды» (Star of hope). Она выходит два раза в неделю. За четыре месяца в работе по ее изданию приняло участие 3.700 мужчин и женщин, заключенных в различных тюрьмах. В каждой тюрьме имеется свой местный редактор, к которому поступают статьи и заметки арестантов данной тюрьмы. Что касается содержания статей, то заметно стремление арестантов показать себя с лучшей стороны, что они изменились к лучшему. Заметно было влияние участия в газете на способность излагать свои мысли.

За последние три года было сделано несколько попыток издания тюремных журналов и в русских тюремных местах заключения. Таковы были: «Тюрьма» – журнал заключенных, выходявший в 1921 г. в Московской Таганской тюрьме, «Исправдом» в Баку (1921 г.), «Мысль за решеткою» – в Иркутске (1921 г.), «Пробуждение стен» в Царицыне (1922 г.) и др. Как и в журналах американских реформаторий, содержание этих изданий составляется почти исключительно из статей самих заключенных, но и сотрудники администрации мест лишения свободы также дают свои статьи. Все журналы, бывшие в наших руках, печатные, за исключением «Мысли за решеткою». Это издание в художественных обложках размножалось на пишущей машине. Образцом для русских тюремных журналов послужил упомянутый выше журнал Москов. Таган, тюрьмы «Тюрьма» под редакцией А. М. Ароновича, инициатора этого издания. Журнал ставил своею задачею служить интересам заключенных, развивая среди них культурно-просветительную работу. Содержание отдельных номеров заполнялось главным образом статьями на темы по реформе тюремного заключения и о культурно-просветительной работе в местах лишения свободы. Печатались также корреспонденции из других тюрем, стихотворения заключенных, заметки практического характера, имелся отдел библиографии и хроники. Журнал, однако, так широко подходил к вопросам тюремной жизни, что приобретал характер органа борьбы за тюремную реформу. Слащавые статьи нравственно поучительного характера правильно были совершенно чужды ему. Но и беллетристика почти не встречалась и для массы заключенных некоторые его отделы носили слишком теоретический характер. К сожалению, с уходом своего инициатора, журнал на пятом номере прекратил свое существование.

Чтобы несколько подробнее познакомить читателя с новыми начинаниями в интересующей нас области, приводим содержание, например, одного из номеров «Мысли за решеткою» (№ 3 Февраль 1921 г.) Передовая статья написана на тему о богатстве России сырьем и рабочими руками и о необходимости приобретения машин для обработки этого сырья. («Все побеждающий труд»). Популярные статьи об электрификации знакомят читателя со значением ее для России. Одна из этих статей – «сон электрификатора, или через 50 лет» написана довольно удачно в форме фантастического рассказа. Имеются два стихотворения: «Голуби» из этапных воспоминаний и «Грядущему поколению». В отделе «сатира и юмор» шуточный рассказ о старом горе, жалоба в стихах на сырой хлеб и на неряшливое обращение с книжкою, разные шуточные заметки о тюремной жизни. Следующий номер журнала был весь посвящен Парижской Коммуне. Вообще политические статьи нередко берут верх над другими.

Резко выделяется из тюремных журналов своим рекламным характером «Пробуждение стен» Царицынского исправительного Трудового Дома». Издательство обещало дать «лучшие произведения заключенных: романы, повести и стихи». Далее журнал рекламировал: «Масса интересных отделов. Много иллюстраций». На 4-ой странице журнала издательство обещало дать читателю несколько приложений, число которых могло бы поспорить с числом приложений покойной «Нивы». Подписчикам обещано было дать: 1) литературно-художественный альманах «Эхо» с лучшими произведениями заключенных (богато иллюстрированный), 2) шикарно иллюстрированную книгу «Васька Косой», повесть в трех частях с рисунками из жизни шпаны, 3) интересную книгу «Справочник заключенных» с самыми разнообразными справками и сведениями, крайне необходимыми всем заключенным», 4) художественную картину из жизни заключенных «На волю», 5) сатирико-юмористический альманах «Красная тачка» (шаржи, юмор, типы скачешников и проч. шпаны, как покупает плеть»). Подписная цена со всеми приложениями и доставкой 7 мил. рублей. На обложке журнала объявления о 12 мастерских Исправительного трудового дома («исполнение скорое, изящное. Цены вне конкуренции»). Публикуется о приеме заказов на вскрытие несгораемых шкапов и о подделке ключей к ним и проч. Очевидно, имелось в виду использовать «специальные» познания в этой области некоторых из заключенных. Оглавления указанных нами приложений наводят на мысль, не слишком ли далеко пошла редакция в своем стремлении распространять свой журнал, не останавливаясь перед изданием книжки из жизни шпаны о «Ваське Косом», и вместо того, чтобы поднять арестанта-читателя до себя, спускалась до него там, где этого не следовало? Между тем намерения у редакторов самые добрые. Им кажется, что тюремные стены пробудились. Больше не коверкают они души, не сжимают в тиски, не дают и не калечат сбившихся с колеи и с жизненного пути людей».

Этого еще далеко нет, но это должно быть непременно.

Мысль в тюрьме

Если психология заключенного в некоторых случаях напоминает элементарные по своей простоте переживания ребенка, то в одном случае тюремные сидельцы удивительно близко походят на стариков. Мы имеем в виду жизнь в тюрьме воспоминаниями иногда очень далекого прошлого.

Для того вида внимания, которое известно в психологии под именем чувственного, тюрьма, особенно одиночная, не дает почти никакого материала: глазу не к чему присмотреться, уху не к чему прислушаться. За счет чувственного внимания развивается интеллектуальное с мыслью, отвлеченными представлениями в центре сознания. Но так как чаще всего и для него не представляет никакой новой пищи, и не все способны к умственному труду, то в результате и получается характерное для тюрьмы явление, очень удачно названное Новорусским «жвачкою мозга» – развитие душевной деятельности воспоминаний. Подобно тому, говорит он, как голодающий живет на счет веществ и запасов, отложенных ранее в тканях его тела, так и голодающий мозг, т. е. не получающий восприятия извне, точно жвачку, пережевывает все то, что когда-то было воспринято им. И, боже мой, чего-чего он только не припоминает! Ничтожные встречи и разговоры, пейзажи, в которых нет ничего занимательного, сцены и столкновения, на которые никогда не обращал внимания, – все это настойчиво вылезает из каких-то тайников и выплывает на поверхность сознания¹.

Общее заключение, даже со сравнительною свободою общения арестантов между собою, не исключает потребности в воспоминаниях. В этом легко убедиться, перечитав страницы книг Мельшина, Достоевского и др. или прислушиваясь к рассказам арестантов в их общих камерах. Достоевский², для которого все впечатления каторжной тюрьмы должны были

¹ Новорусский М. В. Былое. – 1909. – № 6. – 27 апреля.

² Достоевский. Записки из Мертвого дома. – С. 215.

быть так, новы и непривычны, отмечал в своих «Записках», что припомнились такие подробности, которых в другое время не припомнил бы и не прочувствовал бы так, как в остроге.

Несомненно, развитие воспоминаний в тюрьме не связано с какими-либо исключительными индивидуальными чертами характера: мы встречаем указания на эту сторону жизни заключенных и в нашей анкете и в мемуарах Гершуни, Фигнер, Морозова, Новорусского, Мельшина, Александрова, Поливанова, Буцинского, Михайлова, Фаресова и др.

Вспоминаются мелочи не только более поздней и сознательной жизни на свободе, но и самое детство. Приговоренный к смертной казни, замененной впоследствии бессрочной каторгой, Михайлов в своем прощальном письме к тетке вспоминает с поразительной живостью сказки, которые она ему рассказывала, когда он был пяти-семилетним ребенком. В его воображении встают даже чувства, вызванные ими. Он вспоминает, как часто они оставались одни в ее комнате среди только что спустившегося на землю сумрака вечера. Она брала его на руки, и он весь обращался в слух, а она нежным, задушевым голосом рассказывала ему о том, как лиса похищала доверчивого петушка у его брата – козлика, как козлик спасал его, как деточка бежала от бабы-яги¹...

Психология знает подобные случаи репродукции воспоминаний из событий очень давнего времени, которые не могли бы быть восстановлены лицом в его обычном состоянии, но при маниакальных возбуждениях, во время лихорадочного бреда, перед грозящей смертельной опасностью и в некоторых других случаях воскресают эти картины прошлого².

Однако, испытанное в данном примере «смертником» Михайловым перед ожидавшеюся казнью наблюдается вообще в психологии тюремного заключения. Интересно сравнить приведенные строчки из письма Михайлова с письмом Н. А. Морозова из Шлиссельбургской крепости³. Автор, уже успевший поседеть, вспоминает, как целовала его мать, укладывая спать на ночь, где стояла в детской его кровать, где находились его игрушки, как он любил смотреть через цветные стекла рамы, как он рыл дома ямы и прыгал через них, как разбил себе лоб, прыгая с лестницы, как делал себе

¹ Былое. – 1918. – № 10–11. Это письмо не было переслано по назначению и найдено в архиве после революции.

² Рябо. *Болезни памяти*. Перев. Черемшанского. – 1881. – С. 102.

³ Вестник Европы. – 1909. – № 5. – С. 121, 126, 127; № 1. – С. 201, 204; № 2. – С. 637, 638.

оружие из обручей кринолина матери, как в первый раз исповедовался и где стоял в церкви и многие другие мелочи из своей детской жизни четырехлетнего возраста. Он доходит до такого момента, когда сам перестает верить и спрашивает себя, не воображает ли он, думая, что помнит, когда начал ходить.

Тюремные воспоминания даже и далекого прошлого отличаются такою живостью, яркостью, которая поражает своею силою самих авторов воспоминаний. Морозов называет их «необыкновенно яркими», Михайлов – «поразительно живыми». Поливанов признается, что он «часто удивлялся в тюрьме живости и точности воспоминаний»¹.

Попытку объяснить эту работу мозга, занятого воспоминаниями, сделали сами бывшие узники – Гершуни, Поливанов, Войтинский. Все они сошлись в указании на силу контрастов, как на причину интересующей нас черты тюремной психологии.

Именно в силу контрастов, по мнению первого, когда в камере тускло, уныло, безнадежно мертво, когда за стенами буря и снег, встают в памяти картины весеннего вечера, берега реки, слышится ласкающий шепот едва распустившегося леса².

В обстановке тюремной камеры, где царит такая пустота – хаос, где все так противоестественно, какая-то властная сила говорит творческое могучее слово: «да будет свет», «да будет небо, солнце и звезды», «да будет жизнь». И в камере появляется свет, небо, всходит солнце, рождается жизнь. «Воскресает в воспоминаниях прошлое «яркое, реальное полное жизни» и снова переживается то, что, казалось, уже умерло, забыто, и ни-

¹ Поливанов. Алексеевский равелин. – С. 79. Морозов. Вестник Европы. – 1909. – № 5. – С. 120.

² Гершуни. Из моих воспоминаний. – С. 141. Совершенно таково же объяснение Войтинского («Вне жизни»). Описывая чувства свои и товарищей, испытанные ими при виде грозы из окон тюрьмы или при виде принесенной в камеру зеленой травки, он отмечает: «Во всех этих впечатлениях проявляется действие общеизвестного закона контрастов. Днем мы не видим в безоблачном небе ни одной звезды. Но стоит взглянуть на то же небо из глубокого темного колодца, и звезды становятся доступными нашему взгляду.

Так и в обыденной серой жизни, оставленной нами за стенами тюрьмы, мы открываем прекрасные, яркие звезды, – лишь только приходится нам взглянуть на эту жизнь сквозь черные квадраты железной решетки. И это нередко зажигает в сердце узника такую жажду жить, такое страстное желание хоть раз еще окупиться в вольную жизнь, что мучительность тюрьмы становится для него невыносимой. – С. 201–202.

когда не воскреснет»¹. По мнению Гершуни, даже, чем больше касается безнадежно потерянным и бывшим это прошлое, тем упорнее и настойчивее возвращается к нему мысль.

Чем объяснить эту яркость воспоминаний в тюрьме? Нам думается, что и здесь надо искать объяснение в условиях тюремной жизни. Ничем не развлекаемое и ничем не отвлекаемое «интеллектуальное внимание» сосредоточивается на определенной мысли и заключенные имеют возможность без всякой внешней помехи обсудить ее со всех сторон, развить ее исчерпывающе до ее логического конца. Если эта мысль направляется на воспоминание далекого или близкого прошлого, она, не спеша, методически, берет из «сокровенных тайников души» все, что там сохранилось и что при других обстоятельствах не представляло бы ровно никакой ценности. Но в тюрьме эти ценности переоцениваются. Вот почему узник, припоминая черты дорогого ему лица, вспоминает и такие мелочи общения с ним и, внешней обстановки встреч с ним, на припоминание которых в условиях свободной жизни у него не было бы ни времени, ни охоты. Эти же мелочи придают картине воспоминаний точность, живость и яркость события вчерашнего дня, а немного лет тому назад имевшего в действительности место. Так, напр., Морозов в своем первом письме к родным из Шлиссельбургской крепости отмечает, что он не только ясно представляет каждого из них, как будто расстался с ними не много лет назад, а лишь вчера, но даже припоминает почти каждое слово, сказанное кем-нибудь из них в последние дни общей жизни, перед разлукою².

Очевидно, силою контрастов объясняется и тот, по большей части, приятный характер воспоминаний в тюрьме, который дает одному из заключенных основание говорить, что «все прежнее покрывается розовою дымкою, шипы пропадают, о них забывают, остаются и помнятся только одни розы»³. Впрочем, человеку, вообще, свойственно вспоминать охотнее приятное, чем расстраивать себя тяжелыми думами. В тюрьме же это свойство должно проявиться сильнее, хотя бы в интересах самосохранения, борьбы с убивающими тягостями заточения.

¹ Поливанов. Ук. соч. – С. 79.

² Вестн. Европы. – 1909. – № 1–2. Письма Морозова дают обильный материал припоминания мельчайших подробностей его детской жизни. Он помнит не только расположение различных деревьев и кустов в саду, но вспоминает и бронзовых жучков на пушистых кустах сирени.

³ Гершуни. Назв. соч. – С. 142.

Как бы ни был обилён запас воспоминаний, он при тюремном однообразии быстро расходуется и истощается. В общем заключении все переказано, в одиночном все припомнено.

Но духовная жизнь редко сдаётся без борьбы. В борьбе за свое существование она ищет хотя какой-нибудь пищи. И как при голодной нужде для поддержания нашего физического существования мы изобретаем суррогаты и принуждены довольствоваться ими, так в сфере духовной жизни – погибающий заключённый хватается за всякую соломинку и вместо восприятий из внешнего мира, скрытого от него, обращается к таким суррогатам духовной пищи, как воспоминания, наблюдения над самим собою, фантазия – к последним средствам утолить духовный голод.

Самонаблюдение доступно не всякому. Для него необходимо некоторое умственное развитие. Но поскольку можно судить на основании дневников и мемуаров Лейсса, Новорусотого, Александрова, оно очень распространено среди заключённых одиночных тюрем. В камере, где нет ничего для наблюдения заключённого, он остаётся единственным объектом такого наблюдения. Начинается, по удачному выражению Александрова, «слежка» за самим собою, потому, что «некуда смотреть – только в себя»¹. Эта «слежка» идет со стороны заключённого не за внешними его действиями: они слишком несложны, элементарно просты и однообразны и потому наблюдения над ними не дали бы заключённому никакого интереса. Нет, «слежка» идет за внутренним миром заключённого, за его переживаниями. Наблюдению и анализу подвергаются его настроения и думы. Каждое изменение в настроении, мельчайшие перемены в направлении мысли, ничто не ускользает от бдительности зоркого «сыщика» за самим собою: своевременно, без всякого запоздания, он доносит о своих наблюдениях, как бы ни были малозначительны результаты сыска за самим собою.

В наиболее обширном из тюремных дневников (Александрова) можно найти немало примеров, подтверждающих эту особенность психологии узников: автор всегда настороже. За чтением Диккенса он подмечает у себя «особую» смешливость и сейчас же ищет объяснение ей в том, что его нервы становятся здоровее. Совершая обычную прогулку на тюремном двореке, он замечает, что сегодня гуляет «как-то особенно бодро». Вер-

¹ Александров. Три года в одиночной тюрьме. – С. 51 и 57.

нувшись же с прогулки, замечает, что нет прежнего очарования. Вспоминая прошлое, смотрит на это как на гимнастику мозга и решает, что выгоднее при этих воспоминаниях не скользить по поверхности прошлого, а «сосредоточивать внимание на определенных пунктах». Прочитав стихотворение П. Я. «Юность» и потрясенный им чуть не до истерики, он записывает в дневнике: «сам смотрел на себя со стороны и дивился, с чего это». Удивляясь же, опять пускается на поиски объяснения такого настроения и находит его в общем утомлении; отмечая уменьшение продолжительности дня наступающей осени, он подмечает также по этому случаю свою раздражительность.

В некоторых случаях самонаблюдение идет еще далее. Так, Лейсс подчеркивает, что он не только видел каждое движение нарождавшейся мысли, не только наблюдал, как она развивалась из хаоса и неопределенности, но еще видел это видение, т. е. становился для себя двойным объектом. По мнению Лейсса, лишь немногие заключенные осознают этот процесс самонаблюдения, давая себе отчет в этой своей деятельности. Но и он, и проф. Радбрух сходятся в совершенно отрицательной оценке такого «подсматривания» за собою: человеческое «я» раздваивается на «я» действующее и «я» наблюдающее. И как ученому предмет его изучения кажется особенно интересным, так и заключенному, занятому самонаблюдением, его личность представляется все более центром, вокруг которого идет вся тюремная жизнь. Отсюда становится возможным развитие эгоизма, дающее Радбруху основание сравнивать одиночно-заключенного со старым холостяком. По мнению же Лейсса, наблюдение человека с неизменными задатками за самим собою и «ограничение его самим собою» приводят лишь к еще большему извращению. Такое самонаблюдение – исключительная особенность одиночного заключения: его не знают другие виды одиночества. Оно совершенно незнакомо, как справедливо указывает Лейсс, например, охотнику, который больше года один охотится в полярных странах: сотни внешних явлений дают ему обильную духовную пищу, не оставляя времени для самонаблюдений. Совершенно иной подход к пустоте, к отсутствию впечатлений у пустытника: он ищет этой пустоты, рад ей, между тем как заточенный в одиночную камеру боится этого вынужденного изолирования, ищет впечатлений, страдает от их отсутствия. Создатели системы одиночных тюрем возлагали большие надежды на развитие самонаблюдения, рассчитывая, что оно приведет к самопознанию,

раскаянию и очищению от греха. Их основная ошибка заключалась именно в отождествлении психологии добровольных отшельников и принудительно заключенных в одиночные камеры арестантов. Нужно было пройти целой сотне лет, чтобы ошибочность этой системы была признана, и та самая Бельгия, которая первой из европейских государств ввела ее у себя первая же подает пример отказа от нее¹.

Полною противоположностью этой работе мозга, которая создается процессом самонаблюдения, является развитие в стенах тюрьмы мечтательности. Самонаблюдение кропотливо. Оно медлительно и тяжелою стопою следует за тягучею жизнью узника, с которою оно как будто скованно крепкою цепью. Оно копается в анализе тюремных переживаний, не переступая порога камеры или границу дворика для прогулок. Наоборот, мечты узника – свободны. Они совершают свой беспредельный полет, уносят узника далеко за стены его острога и не знают никакой границы.

Развитие фантазии в тюрьме неизбежно уже потому, что там утрачивается мерка для восприятия степени реальности, для разграничения действительности от воспоминаний и фантазии (Радбрух).

Самонаблюдение – достояние немногих, а мечтательность – общий удел заключенных вне всякой зависимости от их развития. Достоевский говорит, что все арестанты мечтатели, хотя и скрывают это.

Специально тюрьмою навеянное содержание мечты – фантастические планы побегов. Кажется, от такой мечты не избавлен ни один заключенный. Даже узники Шлиссельбургской крепости, отрезанные от всего мира, осужденные – «вечники», запертые в тюрьме за несколькими стенами на острове, и те мечтали о побегах, которых никогда не знала история твердыни оплота самодержавия. Новорусский фантазировал, как спасители подплывут к острову в подводной лодке, одетые в водолазные костюмы, как они проруют туннель под стены крепости и выведут оттуда всех заключенных. Также и Гершуни признается, что его постоянно одолевали самые фантастические мысли о побеге. По словам Достоевского из сотни арестантов один бежит, а 99 мечтают о побеге. Мечта о побеге особенно развивается весной, когда властно зовет к себе, говоря языком заключенных, «генерал Кукушкин». «Тяжелы кандалы в ту пору: в тепле, среди яркого солнца, когда слышишь и ощущаешь всю душою, всем существом своим

¹ Пионтковский А. А. Тюремная реформа в Бельгии // Право и Жизнь. – 1923. – № 2.

воскресающую вокруг себя с необъятной силою природу, еще тяжелее становится запертая тюрьма, конвой и чудная воля»¹. Также Мельнин оказывался не в силах отрешиться «от общей арестантской склонности мечтать о побеге»². Сами заключенные Шелаевского рудника говорили о себе: у арестантов на плечах три головы и в каждой из них сидят три думки: воля-вольная, тайга-матушка и Байкал-батюшка.

Сколько поколений политических борцов, мечтавших, что двери их тюрем будут разбиты восставшим народом, умерли внутри этих стен, не дождавшись желанного дня, или вышли оттуда лишь в год, месяц и день, точно определенный в приговоре. Впрочем, некоторые удавшиеся побеги были совершены в такой сказочной обстановке, что стиралась грань между вымыслом и действительностью³.

К сожалению, мы не знаем ближайшим образом содержания мечтаний узников. По словам Гершуни, их предметом бывает преимущественно то время, которое наступит после отбытия срока наказания⁴. Фроленко, лишенный всякого общения и всяких книг, припоминал прочитанное из Спенсера, Соловьева и все, что «помнилось, давало богатый материал и для мысли и для фантазии. Много дней провел в разных заоблачных мечтаниях». Александров, которому прокуратура задерживала передачу писем от родных, тешил себя мечтою о жестокой мести, «на какую только способен человек».

Надо думать, что мечты о побеге, о свободе, о мести вообще играют не малую роль в области тюремной фантазии. Но как ни скудны наши сведения о содержании мечтаний, несомненно, развитие мечтательности стоит в связи со скудостью получаемых впечатлений и исчерпанием запаса воспоминаний.

С течением времени эта жизнь в мире грез настолько захватывает узника, что наиболее чуткие из них не дожидаются наступления такого момента, когда можно сказать, что «уже обо всем на свете перемечтал»

¹ Достоевский. Записки из мерт. дома. – С. 227.

² Мельнин. Из мира отверженных. – Ч. II. – С. 289. См. у него описание переживаний арестантов при побеге товарищей.

³ Примером такого побега из времен недавнего прошлого служит побег Гершуни: он был посажен товарищами в бочку из-под капусты, накрыт пузырем, поверх которого была положена капуста и таким образом спущен в погреб, где был заготовлен подкоп. Удачным для большей части бежавших был побег 13 женщин из Женской Московской тюрьмы. // Каторга и ссылка. – Сборник 2-й. – 1921.

⁴ Гершуни. Ук. соч. – С. 130.

(Александров. С. 85), что «фантазия иссякла»¹. Наступает момент, когда и фантазия в тюрьме становится однообразной, «начиная повторять одни и те же образы». (Фроленко. С. 8).

Наиболее чуткие начинают бояться свободных полетов на крыльях фантазии за стены тюрьмы: мечта в тюрьме тот же гашиш, морфий, опиум. Унося в заоблачные сферы, она так отрывает узника от мира действительности, что он начинает бояться за свой рассудок. Вот почему он вступает в борьбу с нею. Борьба эта не легкая: мечта в тюрьме кажется ему непоборимой», но он напрягает все усилия, чтобы спуститься с облаков в мир действительности и отойти от «границ бездны», к которой приводит его болезненное развитие мечтательности.

Впрочем, борьба узника с мечтательностью ведется им не без колебаний. Даже те, которые объявляют ей «беспощадную» войну «испытанными на деле средствами», сознаются, что их охватывало желание отдаться мечте и таким образом убить тюремное время. Кажется, полной победы здесь не бывает, и заключенный с удовольствием отмечает, если фантастические мечты становятся более редкими гостями его камеры².

Бороться с мечтательностью тем труднее, чем более она развита. Особенно трудна эта борьба, когда мечтательность достигла степени болезненного развития. Мечта тогда способна давать большие радости, даже наслаждение, разрушая стены тюрьмы и достигая той степени, когда становится как будто все возможным. Так, напр., один из авторов тюремных воспоминаний рассказывает, что, мечтая о свидании с любимой девушкой, он, по желанию, мог вызвать образ этой девушки, усаживал ее рядом с собою на койке, слышал шелест ее платья, ее речь³.

Таким образом, в жизни предающегося мечтам арестанта может наступить момент, когда его жизнь превращается в одно сплошное фантазирование.

¹ Фроленко. Милость. – С. 8.

² Гершуни. Указ. соч. – С. 162.

Новорусский в своих воспоминаниях о пребывании в Шлиссельбургской крепости отмечал чрезвычайную опасность с точки душевного равновесия поощрения и развития «пустого фантазирования», потому что дело легко могло дойти до галлюцинаций, ясновидения, болезненного бреда и, наконец, явного сумасшествия, когда человек уже теряет власть над непокорными и слишком живыми умственными образами. В Шлиссельбурге. Былое. – 1906. – № 12. – С. 219.

³ Фаресов. В одиночном заключении. 107 стр.

При отсутствии внешних впечатлений – заключенный может оказаться совершенно «беззащитным против своих мыслей и то бросаться от одной из них к другой, то приковываться к какой-нибудь одной из них не по своей воле» (Радбрух). Можно было бы привести немало примеров, подтверждающих правильность этого, но ограничимся ссылакою на дневник Александра. Находясь во власти одной мысли, «почему нет ему писем», он описывает свои старания прогнать от себя эту мысль, потому что слишком она его мучает. Но все оказывается напрасным. Мысль «сверлит» его мозг, ему кажется, что там, в мозгу, «кипит бешеная работа сверла». Просыпаясь, он уже боится: «неужели опять будет сверлить?» Стараются собрать все силы и «держаться на чеку»: не допускать к себе мысли о неполучаемых письмах и гнать от себя черные предположения болезненной фантазии. Для этого он бьет себя побольше кулаком, чтобы отвлечь себя физической болью. Или «искусственно» сосредоточивает мысль так, как это возможно лишь в тюрьме: вот стол его одиночной камеры. Из чего он сделан? Из дерева. Что такое дерево? В каком лесу был последний раз? С кем был? Оказывается: с тем, от кого он ждет писем. Тогда спешит сосредоточить мысль, вместо стола, на облаке, которое он видит из окошка своей камеры. Откуда, куда несется это облако? Не в ту ли сторону, откуда приходят письма? Так нет возможности отогнать от себя в скудной обстановке тюрьмы неприятную мысль¹. Это мечущееся состояние заключенного так же близко к безумию, как противоположное ему состояние, когда заключенный погружается в приятную для тюремщиков апатию: сидит неподвижно за столом, лежит на койке, «не стучит», отказывается от прогулок, ничего не просит, никого не беспокоит и, по собственному признанию одного из таких заключенных, даже «ни о чем не думает, ни о чем не вспоминает»².

Описанный нами мечущийся заключенный, выгоняющий из своей головы мысли собственными кулаками, и этот тихий, ни о чем не думающий живой покойник – достойные продукты тюремного заключения, и тот и другой стоят на грани безумия. И тюрьма вписывает в учебники и исследования по психиатрии новые страницы – «о тюремных психозах».

¹ Александров. Три года в одиночной тюрьме. – 1917. – С. 50.

² Фаресов. Назв. соч. – С. 113.

Психология тюремного чтения

История книги в тюрьме есть повторение ее истории на свободе, хотя печатное слово и проникает впервые за толщу тюремных стен лишь с конца 18 века, т. е. через 350 лет после изобретения книгопечатания. Как первую печатную книгу была библия, так евангелие и библия проложили путь прежде всего другим книгам так называемого «религиозно-нравственного содержания». Первое время тюремная администрация не допускала наряду с ними никаких других конкурентов.

Но очень скоро, в первую же четверть 19-го века, когда образованию и простой грамотности начали придавать громадное и, вместе с тем, преувеличенное значение, как средству воспитания морального характера, получает доступ в места заключения и всякая другая книга, кроме, впрочем, журналов. Тюремные деятели, теоретики и практики, в добавление ко всем «тюремным вопросам» (о «тюремной» архитектуре, о «тюремной» гигиене, о «тюремной» дисциплине, о «тюремном» труде и пр., и пр.) выдвигают еще новый вопрос о «тюремных» библиотеках. Местные и международные съезды тюремных деятелей вносят в разрешение и этого вопроса характерные черты своей «тюремной» политики – установить в своих тюрьмах самый противоестественный режим и сделать дома заключения для исправления арестантов похожими на монастыри. Собранный почти на рубеже 19 и 20 веков международный тюремный конгресс (1895 г.) все еще подчеркивал своим положением: «преподавание в тюремной школе должно быть проникнуто духом религии, как необходимым средством для нравственного воздействия». Точно также, цепляясь за исчезающий авторитет церкви, этот же съезд призывал строить тюремные библиотеки на указанных началах, ставя их «главнейшею целью обучение арестантов и наставление их в нравственности». Так как к этому времени религиозные книги уже почти совсем потеряли прежнее внимание к ним читателей, то, поневоле, конгрес-

су приходилось говорить о допуске в тюрьмы, кроме религиозных и нравственных книг, также «интересных» описаний, путешествий, «нравственных романов», иллюстрированных романов и пр.

О сравнительном положении духовной и светской книги в русских тюрьмах даже в начале 20 века можно судить по смете на 1906 год, когда на содержание церковных приютов при тюрьмах ассигновывалось 67 790 руб. и церковей – 26 991 руб., а на содержание учителей при тюрьмах – 7260 р. и библиотек всего – 4779 руб.¹

Расширение состава тюремных библиотек продолжало оставаться у нас спорным «вопросом» даже к в 1910 году, когда совещание русских тюремных деятелей, под председательством быв. петербургского губернатора Зиновьева, обсуждало, «насколько и в каких пределах представляется желательным доступ в тюрьмы книг по философии, истории и вообще научного содержания, а также по беллетристике и на иностранных языках»².

Библиотечное дело в тюрьмах у нас всегда было в самом печальном состоянии. Так, например, на 688 мест заключения приходилось в 1904 году всего 432 библиотеки.

Число книг в них было ничтожно, и подбор их совершенно случайный: пожертвованные разрозненные журналы, иногда ненужный никому книжный хлам.

За границу тюремные библиотеки находились в значительно лучшем положении. Так, например, в швейцарских тюрьмах: в Цюрихе на 220 арестантов приходилось 5000 томов, в Неуенбурге на 80 арестантов – 3000 томов, в Базеле на 120 арестантов – 2600 томов, в Лозанне на 100 арестантов – 2000 томов, в Люцерне на 80 арестантов – 2000 томов, в С.-Галли на 230 арестантов – 1900 томов, в Трансвальде на 25 арестантов – 1000 томов и т. д.

Из русских тюрем в наилучшем положении оказывались библиотеки в тех местах заключения, которые были предназначены для политических подследственных и осужденных. Это происходило, конечно, не вследствие забот правительства об умственных запросах заключенных, а потому, что сами политические заключенные приходили здесь на помощь друг другу, создавая на собственные средства и собственной энергией книжные собрания. Из воспоминаний бывших политических каторжан и ссыльных видно, что эти тюремные библиотеки удовлетворяли их читателей. Так, заключенные

¹ Фрометт. Тюремная культура. Русская школа 1928 г. № 5–6.

² Там же.

Карийской каторжной тюрьмы называли свою библиотеку «замечательною»¹; Чудновский называет библиотеку Петропавловской крепости в 70-е годы «прекрасною»²; в центральной Новобелгородской и Мценской тюрьмах политические считали свои библиотеки недурными. После дела 1 марта 1881 г. началось гонение на библиотеки политических заключенных. Однако, узники, много терпевшие и много сносившие, ответили на эти гонения упорной борьбой, принявшей особенно яркий характер в Шлиссельбургской крепости, Потребовался ряд жертв, и нужно было пройти ряду лет, чтобы политические заключенные достигли успеха и могли (в частности и в Шлиссельбургской крепости) составить себе свои тюремные библиотеки, удовлетворявшие многих из них своим подбором книг.

Вопрос о количественном и качественном составе тюремных библиотек интересует нас не сам по себе, не как часто весьма сомнительное для нас средство «нравственного перевоспитания» преступников, а исключительно с психологической точки зрения. Нас интересует отношение к книге читателя-арестанта. Нас занимают переживания читателя, связанные с процессом чтения в местах заключения, где все воспринимается иначе, чем на свободе.

Отношение к книге и на свободе определяется уровнем развития индивида, присущими ему интересами, теми или другими его способностями. Влечение к книге может определяться и на воле не одинаково в различные моменты повседневной жизни и стоять в прямой связи с переживаниями и настроениями. Но это нисколько не мешает определить характерные психологические черты того или другого круга читателей. В очень бедной на эту тему русской литературе были, однако, сделаны попытки изучения психологии читателя. Такова, например, интересная работа Ан-ского «Народ и книга». Опыт характеристики народного читателя. Автор, обрисовывая социально-психологический тип читателя из народа, из рядов которого, как мы знаем, выходит наибольшее число заключенных в тюрьмах, проводит резкую грань между читателем-крестьянином, с одной стороны, и рабочим-шахтером, с другой. Отношение того и другого к одним и тем же произведениям было резко различно. Так, например, крестьяне относились к проповеди Льва Толстого о непротавлении злу насилием сдержанно, а рабочие прямо отрицательно, и один из них, в противовес такой

¹ Геккер. Полит, каторга на Каре. Былое. – 1906. – IX. – С. 78.

² Чудновский. Из дальних лет. Минувш. годы. – 1908.

проповеди, вел свою пропаганду: «колом в бок – и конец». Точно так же шахтеры не осуждали воровства, и моралистические рассказы на тему: «не воровать», воспринимали иногда, прямо негодуя: «стерва, есть-то он мастер, а воровать – трус». Вообще, они не любили поучений: «меду много». Тем не менее, были, конечно, и общие психологические черты у этих читателей и народа, и Ан-ский мог делать из изучения этих черт и общие выводы о ненужности народу «сентиментально-елейных поучений грошовой морали», о требовании им «серьезного ответа на грозные вопросы: как жить, как справиться с теми, невероятно тяжелыми, условиями, которые охватывают железным кольцом его жизнь, душат его мысль...»

В более широких размерах опыт изучения психологии читателя из народа был сделан Библиотечным Отделом ПУРа, организовавшим анкету опроса красноармейцев по схеме, предложенной Н. А. Рыбниковым. В конце 1920 и в начале 1921 г. поступило 11 900 опросных листов, обработка которых еще не закончена. В печати имеются результаты более широкой обработки пробной анкеты до 400 красноармейцев московского гарнизона: Таков доклад Н. А. Рыбникова Первому Всероссийскому съезду библиотечных работников Красной армии и флота¹. Этот доклад под названием: «Изучение психологии читателя», впрочем, не затрагивает вопроса о самом процессе чтения, а говорит о «читательских интересах» красноармейцев в связи с их возрастом, с предшествующей профессией, образованием и пр. Не приводя подробно выводов докладчика, мы отметим лишь некоторые из них, небезразличные для сравнения их с нашими выводами о тюремном читателе. Так, например, разбивая возраст красноармейцев на четыре группы: 1) 16–20 лет, 2) 21–24 г., 3) 25–28 л. и 4) 29–40 л., мы находим, что ответы любящих читать «о любви» (романы распределялись по возрастам так: 1 группа – 22%, 2 – 17%, 3 – 13% и 4 – 6,6%, т. е. интерес к чтению романов падает с возрастом. То же самое приходится сказать о книгах, описывающих приключения, хотя и не с такою резкостью: 1 группа – 22%, 2 и 3 групп. – по 18% и 4 – 12%. Совершенно обратное отношение замечается в отношении к книгам по сельскому хозяйству: 1 гр. – 18%, 2 – 35%, 3 – 47% и 4 – 52%. При выяснении интереса к книге в связи с профессией Н. А. Рыбников брал группы: 1) хлебопашцев, 2) рабочих, 3) ремесленников и 4) интеллигентов. Романы больше всего интересовали ремесленников – 30%, затем рабочих – 7%, а хлебопашцев наравне с интеллигентами – по 6%.

¹ См. Труды I-го Всерос. Съезда Библиот. работн. Красной армии и флота. – М., 1922, также Хлебцевич Е. И. Изучение читательских интересов. – М., 1923.

В психологии чтения различаются четыре момента: 1) восприятие данных слов, 2) понимание содержания, связанного с этими словами, 3) оценка прочитанного и 4) влияние впечатления, произведенного чтением на волю читателя¹. Содержание читаемых книг воспринимается неодинаково, а в зависимости от содержания психики, общего направления внимания, характера интересов читателя. Громадное значение для оценки прочитанного имеет объем внимания, не являющийся неизменной величиной. Таким образом, изучение психологии чтения становится не только в высшей степени интересною, но и трудною задачею. Для ее разрешения потребуется немало времени и сил. Неудивительно, что такой выдающийся и всем известный работник в этой области, как Н. А. Рубакин, создал особый международный библиопсихологический институт². Наш настоящий очерк представляет очень скромную попытку посмотреть, как читают в тюрьме. Если есть различные социальные типы читателей, то не может остаться на психологию читателя без своего влияния тюрьма, в которую он принудительно заточен, запертый крепко-накрепко в свою камеру.

Социальные и индивидуальные особенности читателей будут сказываться и в тюремном заключении. Вероятно, мы не ошибемся, утверждая, что страдания, испытываемые в тюрьме от лишения книги, далеко не одинаковы у интеллигента и у человека, не привыкшего к умственным занятиям и малограмотного: подтверждений этому искать не приходится. Нам не известно ни одного протеста общеуголовных преступников, в массе малограмотных или даже неграмотных, на почве неудовлетворения их запросов на книгу. Но нам известны яркие, по их силе, волнения политических заключенных, когда, в добавление ко всем тягостям тюрьмы, им приходилось испытывать настоящие страдания от лишения их книги или лишь опасаться возможности такого лишения. Эти волнения показывают, что в некоторых случаях, в условиях тюремной жизни отнятие книги равносильно угрозе жизни. В 1889 г. министр внутренних дел Дурново, посетивший узников Шлиссельбургской крепости, сделал распоряжение об изъятии из тюремной библиотеки ряда книг. Заключенным это распоряжение казалось возвратом к прежнему времени, когда в борьбе за улучшение условий жизни в заточении погибли их товарищи. Наступило тревожное и незна-

¹ Нечаев А. П. Психологические основы библиотечного дела. – М., 1922.

² Печать и революция. – № 3. – 1921.

дежное положение. По признанию Новорусского, почти каждый думал: «лучше смерть, чем это». Так решена была голодовка. Она продолжалась девять дней. Стародворский вскрыл себе гвоздем артерию на руке с целью самоубийства и, прежде чем был усмотрен стражею, потерял несколько стаканов крови¹. Также и библиотека в Карийской каторжной тюрьме была предметом «нескончаемых тревог и опасений»: как бы чего-нибудь не изъяли, поэтому при наездах начальства принимались всевозможные меры скрыть и замаскировать от него библиотеку. Не решались поднимать вопроса о предоставлении новых шкафов для библиотеки, хотя полки и ломались под избытком накопленных сокровищ².

Эти тревоги и беспокойства за судьбу тюремной библиотеки, эта борьба за книгу с готовностью скорее умереть, нежели остаться без той или другой книги, ярко свидетельствуют о таком отношении к чтению в тюрьмах, какого нет на свободе.

И это вполне понятно. При полном запрещении общения с внешним миром или при значительном ограничении такого общения, книга до некоторой степени поддерживает связь заключенного со свободною жизнью. При отсутствии внешних впечатлений, монотонности и однообразии прозябания за четырьмя стенами, книга дает пищу уму, родит впечатления. Вот почему строго последовательные в проведении одиночной системы заточения тюремщики, в лице квакеров и начальства политических казематов, не допускали в тюрьму художественной литературы. Новорусский, вспоминая, как долго и настойчиво изгонялась из крепости беллетристика, видит в этом дело опытной руки тюремщика: «Нам нечем было заглушить гнетущее чувство боли, раз оно возникало. Нам не над чем было забыться и отвлечься от созерцания и ощущений тюрьмы»³.

Как много читают в тюрьмах. Новорусский утверждает, что заключенные Шлиссельбурга за 20 лет своего заточения просидели за книгой столько времени, сколько редкие из их современников, и прочли, наверное, больше книг, чем «где бы то ни было на свободе», и при этом книг, не всегда стоящих того, чтобы на них тратить силы и внимание⁴.

Мы располагаем некоторым статистическим материалом из деятельности библиотек при тюрьмах. Правда, для наших целей было бы важнее

¹ Новорусский. В Шлиссельбурге. Былое. – 1906. – № 10. – С. 265–266.

² Геккер. Полит. каторга на Каре. Былое. – 1906. – IX. – С. 78.

³ Новорусский. Там же.

⁴ Осоргин. Картины из тюремн. жизни. Рус. Богат. – № 12. – 1907. – С. 37.

сравнить его с размерами чтения соответствующих групп читателей на свободе, но такое сравнение невозможно. Однако, приводимые нами ниже числа сами по себе довольно показательны и говорят о распространении чтения в тюрьме.

В сборнике № 3 «Каторга и ссылка», издания общества бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев, напечатана интересная для нас статья П. Фабричного: «Грамота и книга на каторге». Автор статьи, очевидно, близко стоял к тюремной библиотеке в продолжение долгого времени. Поэтому, его отзыв о степени распространения чтения в тюрьме приобретает для нас особую цену. Он прямо считает, что «число читателей в тюрьме поразительно высоко», и что «число грамотных и число читателей почти совпадают». Автор приводит помесечные сведения за три года (1914–1916 гг.), о числе читателей и количестве заключенных и определяет средний процент читателей и грамотных в 71%. В библиотеке было около 3000 томов беллетристики, свыше 3000 т. научного содержания и около 1000 книг различных журналов. При производстве выдачи и обратного приема книг два раза в неделю, половина подписчиков меняла книги каждый день открытия библиотеки. Цитируемый нами автор объясняет распространение чтения в местах заключения тюремной психологией и полагает, что, хотя и в меньшей степени, чем у политических, но и у уголовных такое распространение чтения связано с тюремной скукою. Может быть, именно для того, чтобы бороться с этою скукою, заключенный, перечитав доступные ему книги тюремной библиотеки, предпочитает второй и третий раз перечитывать уже прочтенного им автора, нежели томиться от этой скуки. Факт такого многократного перечитывания книг после того, как довольно обширная по своему составу книг тюремная библиотека вся была перечитана в короткий срок, отмечает один из авторов, наблюдавших за тюремною жизнью. Результатом такого усиленного обращения книг среди тюремных читателей и бывает та, по словам Осоргина, «ужасная» внешность книг тюремной библиотеки, когда приходится думать не о том, чтобы не испачкать книгу, а о том, как бы не испачкать хлеб; ложку, нож о книжку».

В тюрьме читают не только больше, но, вместе с тем, и *иначе*, чем на свободе.

Характеризуя отношение политических заключенных на Каре в книге, Геккер говорит о жадности и нетерпении, с которыми набрасывались на библиотеку новички, прибывшие из других тюрем. В одном из наших

первых очерков мы уже говорили о составляемых арестантами так называемых «тюремных календарях». Нередко составлялись календари и тюремного чтения: круг чтения распределялся на все время заточения с таким расчетом, чтобы пройти намеченный курс и приобрести за это время желаемые знания.

При таких условиях чтение, не переставая быть средством развлечения, становится, вместе с тем, обязательной работой. Работа эта – приятная, и процесс чтения растягивается. Спешить здесь не приходится и, может быть, не будет преувеличением сказать, что в тюрьме, больше, чем где-нибудь, книга избавлена от обидного для нее только просматривания, беглого перелистывания, поверхностного и скачущего через несколько страниц ее чтения. Нет, здесь продумано и прочувствовано «так много, как много можно продумать и прочувствовать, только будучи наедине с книгами, вне всяких «отрезвляющих» и отвлекающих житейских впечатлений»¹.

Тюрьма создает для книги такую обстановку, что влияние прочитанного увеличивается во много раз больше, чем на воле. Часто книга захватывает читателя всецело, с такую невероятную силою, какой не имела, не имеет и никогда не будет иметь то же самое произведение автора на свободе.

Вот почему лучшие гимны, пропетые книге, пропеты ей тюремными заключенными. Новорусский называет чтение в крепости и библиотеку «главным жизненным нервом, поддерживающим в заключенных душу живую и спасающих их от окончательного душевного разложения». Вспоминая свое настроение, с которым она читала (книжку Янжул) в тюрьме, В. Н. Фигнер признает, что в такое восторженное состояние можно придти только в засушивающей атмосфере заточения².

Особенно характерным примером силы душевного потрясения, вызванного чтением в тюрьме, является свидетельство Александрова о впечатлении, произведенном на него прочтением в его одиночной камере стихотворения П. Я. «Юность». К первым строфам стихотворения он отнесся холодно, но, по мере дальнейшего чтения, волнение возрастало и чуть не разразилось истерикой. Автору воспоминаний пришлось через 17 лет перечитать вновь это стихотворение на свободе. Перечитывая его, он не понимал, почему был так потрясен им при чтении его в тюрьме, и признается, что не поверил бы силе полученного впечатления, если бы этот факт не был им своевременно записан³.

¹ Новорусский, там же.

² Вера Фигнер. Запечатленный труд. – II том. – 1922. – С. 76.

³ Александров. Три года в одиночной тюрьме. – С. 113.

Еще давно Достоевский отмечал, что трудно дать отчет «о том странном и волнующем впечатлении», которое произвела в нем первая прочитанная в остроге книга после того, как он несколько лет провел без чтения. Пред ним встала ярко и светло его прежняя жизнь. Он старался угадать по прочитанному, много ли он отстал от этой жизни, какие вопросы занимают теперь общество? Конечно, в этом случае сила тюремного чтения увеличивалась долгим перерывом без книг. Здесь должно было происходить то, что замечал в психологии читателя Ан-ский, говорящий об особой силе впечатления от чтения научившимся грамоте первой книги или от чтения вслух неграмотным первой книги. Если первая книга в месте заключения производит колоссальное впечатление, то оно неестественно велико и впоследствии от чтения других книг.

Примеры, которые мы приводили до сих пор, относились к интеллигентному читателю в тюрьме. В наших предшествующих очерках нам часто приходилось отмечать могущественное влияние тюрьмы как на интеллигентного, так и на неинтеллигентного обитателя мест заключения. Различны не столько переживания того или другого, сколько внешние формы проявления этих переживаний. В психологии тюремного чтения должны сильнее сказываться особенности принадлежности читателей к той или другой группе по его интеллектуальному развитию. Но и здесь приходится отметить некоторые черты сходства переживаний, и, прежде всего, ту радость и счастье, которое несет с собою книга и для неграмотных.

Чтобы уяснить себе поистине громадные размеры радости неинтеллигентных заключенных от чтения книги, надо пересмотреть страницы воспоминаний тюремных учительниц и, вообще, тех, кому пришлось наблюдать картины чтения вслух в общих камерах тюрьмы. Тут нет разногласия: в один голос все говорят о потрясающем впечатлении, какого не дает чтение на свободе. Хотел бы я знать, видела ли история народного просвещения, вообще, и история так называемых народных чтений, в частности, картины бешеного восторга, охватившего слушателей Мельшина при чтении им первой книги «Братьев-разбойников» Пушкина: каторжане от восторга пустились в пляску, и тццу стало стыдно и за Пушкина, и за себя... Таких эффектов чтения не видела свобода. Совершенно иная картина описывается тюремной учительницею (она начала свои чтения с отрывка из рассказа Сенкевича: «Камо грядеши»): глубокая и долгая тишина по окончании чтения прерывается сначала Сдельными восклицаниями, сливающимися затем

в один общий гул выражения радости и благодарности. Характеризуя отношение слушателей, учительница говорит о «жадности», с которой воспринималось это первое чтение. Критики здесь еще не было совсем. Она появилась и развилась лишь позднее. У этого же автора находим описание впечатления, вызванного чтением комедии Островского: «Не так живи, как хочется»: от избытка радости... хохот не умолкал ни на одну минуту. Слушатели были так возбужденно настроены, что даже такой пустяк, как выражение: «кошку в лапти обувать, да за вами посылать!», вызывали припадок такого искреннего, здорового, беззаботного, неудержимого хохота, какого давно не знали заключенные.

И всегда и во всех тюрьмах даже неопытный чтец оказывался в силах овладеть аудиторией, вызывая в ней и бурный смех, и глубокие симпатии, и заставляя ее иногда с затаенным дыханием следить за развитием основной мысли рассказа.

Характерной особенностью чтения в тюрьме является высокая степень напряженного внимания. Мы уже говорили, что от обидного просмотра книга избавлена в тюрьме больше, чем где-нибудь: как она ни мало интересна, как мало ни дает она читателю, – она интереснее тюремного однообразия и дает больше, чем камера.

Внимание к читаемому приводит к развитию критики. В местах заключения нет так называемого «механического чтения»: чтение там нередко напряженная работа мозга. Читатель-узник обыкновенно превращается в критика. Он не только читает, но, говоря словами Новорусского, «по косточкам разбирает читаемого автора».

О распространенности фактов превращения тюремного читателя в критика можно судить по тем надписям, которыми покрываются книги из тюремных библиотек. В то время, как в иностранной литературе имеется обширный труд Ломброзо, переведенный на несколько иностранных языков, представляющий собою очень полное собрание надписей заключенных на стенах тюрьмы и книгах из библиотек различных мест заключения, в нашей русской литературе специально этому вопросу была посвящена недавно опубликованная статья в сборнике «Каторга и ссылка»¹. Впрочем, сведения об этих надписях встречаются в некоторых мемуарах о тюремном заключении и особенно у Осоргина, но они носят разрозненный и случайный характер. К сожалению, названный труд Ломброзо

¹ *Louibroso. Les palimpsestes des prisons.*

и скромные материалы русской литературы остаются неиспользованными криминальной психологией ни для изучения психологии наказания, ни для исследований в области характеристики самого преступного мира. Мы уверены, что быстро развивающаяся криминальная психология вынет из-под спуда этот интересный материал и сумеет его использовать. Я лично с моими учениками делал попытку собирания надписей в апреле 1917 г., преимущественно, в камерах смертников Московской Таганской тюрьмы, и летом этого года знакомился с надписями на книгах из библиотек Таганского и Сокольничего исправительных домов и женской Новинской тюрьмы, но обе эти попытки были самых скромных размеров¹. Однако, как ни были они скромны по их размерам, они показали нам, что, несмотря на строгие запрещения делать таковые надписи, они постоянно делались и не исчезли даже и теперь с допуском в названные места заключения газет, с устройством в них спектаклей и концертов. К сожалению, в Таганском исправительном доме, где мы нашли более всего надписей, как раз перед нашим обследованием там были сожжены старые книги, бывшие в долгом употреблении и, конечно, имевшие большое количество надписей. Таким образом, мы не успели их использовать.

Особенно отмечаем, что автор названной статьи в сборнике «Каторга и ссылка» и Осоргин подчеркивают большой интерес и значение этих надписей. Это указание, идущее от самих бывших заключенных, для нас очень ценно: надписи на книгах – материал, ждущий своего исследователя. Нам даже кажется, что первый из названных авторов недооценивает его, когда говорит, что часть надписей «совершенно ничего не говорит». Таковы, по его словам, надписи с названием книги, фамилии автора или своей, адреса тюрьмы и т. п. Такие «ничего не говорящие» надписи редко встречаются на книгах вне тюрьмы, хотя надписи, вообще, распространены и на книгах публичных и общественных библиотек. Бессодержательность этих тюремных надписей говорит о бессодержательности самой жизни в местах заключения, заставляющей арестантов от скуки выводить лишние содержания или

¹ При обследовании камер смертников в апреле 1917 г. мы получили евангелие с несколькими надписями на нем казненного в 1909 г. Ф. А. Терешкина. « Приговорен к смертной казни Моск. В. О. С. 1909 г. апреля 7-го дня, Ф. А. Терешкин. Самочувствие пока хорошее. Апреля 13-го дня живу в царстве грез. Опускаюсь без сомнения в царство тьмы. Не могу понять себя. Будущее покажет и может быть оправдает мою философию относит. смер. Покончить самому с собой лишен пока возмож. средств. Терешкин». На трех последних страницах слова и ноты гимна «Христу-Спасителю», написанные тою же рукою, но мне неизвестно чьего сочинения.

смысла слова. Нам бросался в глаза почерк таких, лишенных смысла надписей: было видно, что они писались старательно, не спеша. Арестант писал свою фамилию не обычным своим росчерком, а именно «выводил, вырисовывал» ее. Может быть, такого происхождения была обнаружена нами в апреле 1917 г. и скопированная надпись в той камере Таганской тюрьмы, где отбывал свое наказание председатель первой Государственной Думы, профессор С. А. Муромцев: на внутренней стороне двери сохранились следы начальных букв фамилии Муромцева. Я вполне допускаю, что эта надпись вырезана собственной рукою носителя этой фамилии. Для меня нет ничего удивительного, что крупнейший общественный деятель и ученый был занят в своей одиночной камере таким «почтенным занятием». Впрочем, может быть, он справедливо хотел украсить тюремные стены, как скрижали истории политической борьбы, своим именем?

В нашем настоящем очерке мы воспользуемся только теми из надписей на книгах, которые дают нам материал о чтении в тюрьме.

Некоторые из них прямо признают, что читатель внимательно прочел книгу (на книге «Убийство Маргариты Орсей»): «Прочел с особым вниманием в день пасхи 10 апреля 1922 г., в три дня», подпись читателя; «эту книгу читал я прилежно» («Россия и папский престол») или на соч. Станюковича «Равнодушные»: «...прочтена вся мною...».

Что касается надписей критического содержания, то их очень много. Осоргин даже считает возможным говорить, что «оценка дается каждой книге» из тюремной библиотеки: «очень хорошо», «хорошая книга (для того), кто читает со вниманием», «все это неправда написана», «ничего не стоит», на книжке Метерлинка «Синяя птица»: «пора бы убрать эти дрянные книжки», на книге о докторе Гаазе, которого воскресил в память потомства А. Ф. Кони: «книжка очень хорошая», «дивная книга», «кому бы ни было, советую прочесть: клевая (хорошая) вещь». Не ограничиваясь общей оценкой книги, читатель выражает своей «резолуцией» благодарность автору: на книге Войтинского «За железной решеткой»: «кто эту книгу написал, вечную жизнь бог ему дал, и честь и слава его уму и эти, слова будут ему... Я его сердечно благодарю за эту книгу» – или на рассказе Леонида Андреева о семи повешенных: «за рассказ о семи повешенных я вас сердечно благодарю. Страдания их сожалею. Мучительная это смерть, друзья».

Большую частью, вся критика прочитанной книги и сводится к этой краткой оценке: «книга очень хороша, советую прочесть» или «ничего не стоит» и т. п. Мотивировки, почему плоха, чем хороша, обыкновенно

не бывает. Для подробной рецензии часто нет свободного места, и уголовный читатель не способен на мотивировку той оценки всей книги, которую он дает на последней странице или даже на переплете. Те отдельные места, которые критик должен был бы отметить в своей рецензии, как слабые, или, наоборот, особенно удачные, критикуются тюремным читателем тут же на полях похвалою или бранью: «чепуха», «молодец», «дурак» и т. п. Обилие таких отзывов, отмечаемое Осоргиным и автором статьи в сборнике «Каторга и ссылака» свидетельствует как о внимательности тюремного читателя, так и о своеобразном критическом отношении к читаемому. В том, что эта краткая похвала и брань исходит чаще всего от малограмотного читателя, трудно сомневаться: как ни кратки даваемые оценки и делаемые на полях замечания, видно, что их авторы не из числа интеллигентов: «Это он нарочито улещивает, обманет, подлец», «я бы ему задвинул»...

Как ни захватывает в тюрьме чтение, арестанту часто очень трудно забыть, что он находится в заключении. Там, где мир сужен до размеров общей или одиночной камеры, невольно напрашиваются сравнения описываемых картин, образов, типов с тем, что тесным кольцом окружает заключенного. Арестант, прочитавший в рассказе Мих. Альбова описание смерти, останавливает свое внимание на словах: «это теперь забвение глубокое... какое бывает лишь в настоящей могиле», и пишет на полях: «это глубокое и полное забвение найдешь только в могиле и одиночной камере Таганской тюрьмы». На рассказе Достоевского «Игрок» надпись по поводу распространенной в тюрьме карточной игры: «прошу я господ читателей обратить внимание, как портит культура и цивилизация». Ну, там культура и цивилизация виноваты, допустим, а в тюрьме что? Дикость, невежество и отсутствие впечатлений. «Это про Ваську Каалитина написано. Беспременно он, больше некому». Осоргин приводит длинный ряд выписок с полей книги Поля Бурже «Космополит». Какой-то читатель нашел сходство героя романа с самим собою. Что бы ни говорил, что бы ни думал герой, читатель отмечает на полях: «и я также», «и я люблю эти парадоксы», «увы, когда-то и я рассуждал с собою», «моя привычка» и т. д. Это «и я» идет на протяжении всей книги. Какой-то другой читатель, раздраженный этими надписями, не выдержал и написал: «вот проклятый идиот, который портит книги». Другой прибавляет: «вообще глупо пачкать книги, но пачкать их подобной непрошенной и бессмысленной критикой – глупо в квадрате». Далее следуют надписи: «вполне согласен», «и я вполне согласен», «согласен».

Как ни бессмысленна та или другая критика на тюремных книгах и как ни резки протесты против «пачкания» книги надписями, тюремный читатель не может отказаться ни от критики, ни от надписей вообще. Это выше его сил. Его не останавливают ни дисциплинарные наказания, ни призывы самих заключенных. Призывы «не пачкать» книгу надписями выливаются в одну, доступную арестанту форму – в те же самые надписи на книгах, в то же самое пачкание. Многим известно, что в тюрьме чрезвычайно распространено занятие поэзией. Древнеримская поговорка говорила: «Поэтом не делаются, а рождаются», но тюрьма превращает многих из своих невольных обитателей в «поэтов». Кажется, отказаться от «стихосложения» и исписывания книг из тюремной библиотеки произведениями тюремной музы так же трудно, как отказаться от критики: «Каждый Митрофанушка воображает себя талантом и портит книги... Купил бы тетрадь, да и писал бы до пота лица, а то лезешь со свиным рылом А-ля-поэты». Так писал тюремный читатель, «пачкая» книгу и критикуя на этот раз прочитанное им тут же стихотворение другого заключенного. Критиков в тюрьме, кажется, еще больше, чем поэтов. Почему? В библиотеке Таганской тюрьмы на «Истории одной жизни» Вербицкой тюремный читатель подчеркнул слова автора: «От хорошей жизни в критики не пойдешь», и написал на полях: «Поэтому и Белинский не от хорошей жизни стал критиком». Мы скажем: не от хорошей жизни тюремный читатель становится критиком: он становится им от тюремной тоски, не по доброй воле, а из-под палки всего тюремного режима. Беда в том, что этот режим сумел даже книгу сделать средством разврата. Нам уже приходилось в нашем очерке о половой жизни в тюрьме отмечать, что даже такие слова в книгах, как «чулок», приводят тюремного обитателя в половой экстаз. Самую циничную надпись, показывающую, какой эффект произвело чтение, мы нашли на томе Соловьева «История России в царствование Петра II и Анны Иоанновны». Тюремный критик приглашает читать эту книгу и обещает читателю, что это сочинение произведет непременно у него тот же самый грязный эффект, который произошел у него...

Это – психологическая особенность чтения в тюрьме. Здесь самый подход к книге иной, нежели на свободе. Тюремный читатель видит в книге не только, что там написано, но и то, чего там совсем не написано. Мелочь, на которую обыкновенный читатель не обращает никакого внимания, вырастает до серьезных размеров, лишь бы она удовлетворяла затаенному желанию заключенного.

По этой же причине религиозные книги совсем не производили тех результатов, на которые надеялись чины тюремной администрации и наделяв-

шие ими арестантов члены разных религиозных обществ. Новорусский указывает, что выносили из чтения религиозных книг шлиссельбургские узники. Это было совсем не то, что выносили оттуда живущие на свободе «благородные мирные обыватели, жизнь которых хорошо смазана житейскими благами и течет гладко и елейно». Узники искали и находили в Библии борьбу с беззаконием и неправдою, находили образы энтузиастов, готовых на мученичество, возвышавших свой голос, полный негодования и обличения; находили примеры, когда к израильским царям и царицам, в случае нужды, применялась очень крутая расправа. Наивные же детские сказания «духовно-нравственного назидательного чтения» давали обильный материал для критики и самого веселого вышучивания. Точно так же обстояло дело и с чтением Библии уголовным каторжанам сибирской тюрьмы. По словам Мельшина, уже через час после начала чтения многие храпели. Было и вышучивание. Так, один из слушателей много смеялся по поводу рассказа об оскорблении жителями Содомы и Гоморры ангелов, и «от души жалел, что его самого там не было». Критикуя ветхозаветное «око за око, зуб за зуб», заключенные говорили Мельшину, что «это не по нашему времени»: «помоему», говорил один из них, «за око надо два ока и за зуб – все зубы». Поскольку в тюрьме развит критицизм и поскольку арестант берет за книгу только потому, что другой книги не дают, иного отношения к книгам «духовно-нравственного и религиозного содержания» и не может быть.

Тот же цитируемый нами Новорусский прекрасно обрисовывает переживания политических заключенных Шлиссельбурга при чтении ими книг исторического содержания. Позволяем себе целиком привести эти яркие строки: «...С какою затаенною страстью предавались мы изучению исторических сочинений! С каким жгучим чувством не простой научной любознательности, а с чувством почти религиозного верования отыскивали мы в книге все, что могло служить, хотя бы косвенным, хотя бы отдаленным аргументом в пользу того, что все-таки земля вертится, что прогресс идет вперед, с неодолимою настойчивостью разрушая все преграды, и что все-таки все народы всегда, в конце концов, завоевывают себе свободу и перестают считать преступлением стремление к ней и борьбу за нее».

Таково было настроение шлиссельбургских узников при чтении ими книг исторического содержания. «Дистанция громадного размера» между этим настроением и настроением того уголовного арестанта, который в своем состоянии полового возбуждения, вызванном в нем чтением тома истории Соловьева о царствовании Петра II и Анны Иоанновны, поведал нам гнуснейшую надпись на этой книге. Но не приходится доказывать, что оба настроения вызваны чтением именно в тюрьме, и что на свободе

их может испытывать разве только читатель, психически ненормальный – политический маньяк, в первом случае, и эротоман – во втором.

Автор статьи «Грамота и книга на каторге» делится своими впечатлениями о размерах спроса каторжниками книг разного содержания. Он не сообщает сведений о возрасте, бывшей профессии, образовании читателей-заключенных, как это делают приведенные нами выше материалы анкеты читательских интересов красноармейцев. Припомним, что у красноармейцев спрос на книги о любви был наивысший в самом молодом возрасте – 16–20 лет, падал у 21–24-летних, еще ниже спускался у 25–28-летних и достигал минимума у лиц в возрасте 29–40 лет. Возраст каторжан должен быть в среднем более 30 лет, а у многих он старше 40 лет. Тем не менее, самыми ходовыми книгами в тюрьме были книги о любви, о женщине или, вернее, книги с такими названиями и, особенно, как говорит фабричный, о женщинах, не совсем добродетельных, в Арцыбашевском духе, с порнографическим оттенком. На книги же по половому вопросу приходилось устанавливать очередь.

Большим успехом в тюрьме пользовались «путешествия, фантазии, грезы, сказки». Для читателя из народа увлечение сказками совсем необычно. Но мы уже знаем, какую громадную роль играет в тюрьме фантазия. Скучная впечатлениями, однообразная жизнь в остроге вызывает спрос на фантастические рассказы и сказки.

Сравнительно много читались книги юмористического содержания. Кстати, автор цитируемой статьи, постоянно объясняющий тот или другой спрос на книгу тюремной психологией, приводит пример, когда юмористический рассказ вызвал большой успех в тюрьме: над ним вволю смеялись. На воле же он оказался слабым.

Постоянно спрашивались книги с картинками. «Картинки, иллюстрации, – говорит автор, – заменяют волю, природу», т. е. дают ему те впечатления, которые отняла у него тюрьма, превратив его как будто в слепого и глухого.

«Библиотека в тюрьме» – это звучит в устах тюремщика очень гордо. «Книгу арестанту» – такой клич либеральных тюремоведов. Но поскольку они сами же строят все выше и выше тюремные стены или считают святотатством всякую попытку поколебать эти стены, они не дают книге возможности достичь ее назначения. Они мешают ей и служат как раз тому делу, против которого борется книга.

Психология переписки и свиданий в тюрьме

«Нужно связать заключенных с людьми, с обществом. Вместо этого их совершенно отделяют от людей, полностью отрезают от общества и даже удаляют их от их семей».

Карл Либкнехт. Против наказаний лишением свободы. Проект, составленный им в тюрьме весной 1918 г.

Переписка и свидания – вот две формы общения людей между собою на свободе и в тюрьме, но как они различны в условиях свободной и подбивной жизни! На свободе прогресс несет с собою каждый год все новые и новые способы человеческого общения. Не умолкая днем и ночью, гудят проволоки телеграфа, давая возможность, при помощи усовершенствованных аппаратов, пропускать по одному и тому же проводу каждую минуту громадное количество слов. Несутся в воздушном пространстве с одного конца мира на другой электрические волны радиостанций и с молниеносною быстротою, уничтожая те препятствия, которые ставят пространство и время, сообщают нам последние новости. Громадная, раскинувшаяся над городом и далеко за его пределами, сеть-паутина телефонных проводов позволяет в любое время услышать голос того, кого хочешь. Усовершенствования техники еще более облегчают возможность человеческого общения. Быстрота почтовых сношений становится поразительною: при помощи пневматической почты можно обмениваться письмами почти каждый час, и воздушная почта аэропланов разносит корреспонденцию с быстротою почти птичьего полета. Изобретены телефоны, записывающие речь. Уже возможна передача по телеграфу не только речи, но и фотографий. Одним словом, человеческое слово обладает теперь тем качеством, которое приписывалось только божеству: оно вездесуще, потому что каждый миг может быть везде. К такому же вездесущию идет, с развитием путей сообщения, и непосредственное личное общение. Но все это – только на свободе.

Эти величайшие завоевания человеческого гения были сделаны для всех, но только не для тюрем, не для заключенных.

Сто с лишним лет развивается так называемое «тюремное дело» и прогресс его заключается в установлении таких правил общения заключенных с внешним миром, при наличии которых общению ставятся всякие препятствия. Не обращая никакого внимания на характер общения, не взирая на всю его естественную необходимость, тюремные регламенты, новые и старые положения о местах заключения повторяют избитые предписания, ограничивающие круг лиц, с которыми заключенный может видаться и переписываться, сводя до минимума число допускаемых свиданий, получаемых и отправляемых писем. И в то время, когда на свободе прогресс техники выдвигает уже задачу изобретения аппаратов, позволяющих не только слышать далеко говорящего, но и видеть его, здесь, в усовершенствованных тюрьмах, «прогресс» тюремного дела изобретает для свидания особые проволочные клетки и, сажая в одну из них заключенного, а в другую на полтора аршина от него пришедшего к нему на свидание, стирает этими двойными проволочными сетками черты дорогого лица и в общем гаме перекликающихся заглушает голоса разговаривающих.

В местах заключения, где все подводится под известный шаблон, где заточение всегда считается справедливою и заслуженною карою, переписка и свидания рассматриваются как исключение из общих правил тюремного режима, как такой придаток всей системы наказания лишением свободы, который лишь терпится и допускается в самых ограниченных размерах. Положения об одиночных и общих местах заключения заботятся не об укреплении и развитии здоровых связей заключенного с тем обществом, из которого он изъят, а об ограничении всякого с ним общения. Глубоко прав в этом отношении с его критикой Карл Либкнехт, слова которого мы взяли эпиграфом нашей статьи. Они ценны для нас вдвойне: как слова заключенного в суровой исправительной немецкой тюрьме и как слова политического деятеля, который писал их, начиная именно ими свой исключаящий наказание «Проект *против* наказания лишением свободы».

В полном согласии с указанным нами взглядом на «терпимость» переписки и свиданий, число разрешаемых за известный срок писем и свиданий тем меньше, чем более суровым считается тот или другой вид лишения свободы. Размеры писем нередко точно фиксируются то количеством страниц бумаги определенного формата, то даже количеством строк и букв в письме. Да и свиданию отводится то или другое количество обыкновенно

коротких минут, без всякого соответствия с имеющимся в тюрьме свободным временем, с количеством пришедших на свидание, с наличием служебного персонала. Формализм правил внутреннего распорядка берет верх над всякими разумными требованиями.

От взгляда на свидания и на переписку в тюрьме, лишь как на терпимые, не отказался и последний проект «Исправительно-трудового кодекса». В целом ряде статей он устанавливает ограничения свиданий и переписки, допуская для заключенных начального разряда одно свидание в две недели и отправку одного письма в неделю (ст. 143); заключенным среднего разряда предоставляется право каждую неделю одного свидания и отправки двух писем (ст. 144); заключенные высшего разряда пользуются правом трех свиданий и отправки трех писем в неделю (ст. 145). Заключенным дисциплинарного разряда разрешается по одному письму и свиданию в месяц (ст. 146). Всем заключенным, кроме высшего разряда, свидания могут быть предоставляемы лишь в особо приспособленных для этого помещениях через барьеры (от. 155). По общему правилу, свидания допускаются лишь с «близкими родственниками», а с прочими лицами лишь по особому разрешению начальников мест заключения. Ограничения и лишения переписки и свиданий предусмотрены как меры дисциплинарного воздействия на заключенных (ст. 170). Эти правила проекта исправительно-трудового кодекса во многих отношениях мягче других. Так, например, Карлу Либкнехту, как заключенному исправительной тюрьмы, разрешалось иметь свидания лишь через три месяца и писать и получать по одному письму за этот же срок. Но нас интересует не большая или меньшая строгость правил свидания и переписки в тюрьме, а принципиальный подход к этому вопросу.

Тюремные уставы по общему правилу, принятому ими с издавна и свято ими соблюдаемому, никогда не считаются с психологией заключенного кроме только тех случаев, когда надо ущемить его, заставить его почувствовать еще сильнее, чем он чувствует всегда, тяжесть карательного режима. Тогда они умеют ударить еще сильнее, выбрать для удара самое болезненное место. Они прекрасно знают эти болезненные места и бьют по ним с каким-то садическим наслаждением. К числу таких ударов надо отнести и запрещение переписки или свиданий. Нанося эти удары, тюремщики не видят, что палка, которою они бьют, о двух концах: одним концом она бьет по арестанту, а другим по самому общественному укладу, порывая связь с ним заключенного и нередко заполняя сердце заточенного злобою и местью.

Наш настоящий очерк ставит своей задачей подойти к переписке и свиданиям в тюрьме с психологической точки зрения и попытаться выяснить в связи с ними переживания заключенного. Несомненно, что эти переживания не столь общи, как многие другие в тюрьме. Их испытывает не всякий, а лишь тот, кто имеет близких. Для того, кто на свободе пишет по одному письму в год, правила тюремной переписки, каковы бы они ни были, безразличны. Более общий характер должны носить переживания, связанные со свиданиями в местах заключения. Их не испытывает лишь тот, кто совсем одинок, у кого совсем нет близких. Впрочем, тюрьма, допуская к свиданиям лишь ближайших родных, а не друзей и вообще близких людей, искусственно создает для некоторых заключенных полную изолированность, и сама превращает их в совсем одиноких людей...

Переписка и свидания на свободе и в тюрьме глубоко различны с психологической точки зрения.

На свободе мы тысячью невидимых нитей связаны с окружающей нас обстановкою, с близкими нам людьми, с нашими друзьями и нашими недругами. Помимо тех или других форм непосредственного личного общения с ними, мы получаем сведения о них бесчисленными другими путями: то слышим о них от других, то видим их хотя бы издали при наших случайных встречах с ними, то по тем или другим основаниям знаем, что они, по крайней мере, живы.

Совсем не то в тюрьме. Здесь, где изолированность человека от мира становится первейшею задачею¹ всего тюремного режима, где, как в замкнутом месте, нет доступа ни туда, ни оттуда, и стража зорко следит не только за тем, чтобы не бежали заключенные, но и за тем, чтобы к ним не проникли непроцензурованные вести с воли, и не пришли не имеющие на то права люди, – здесь все внимание заключенных концентрируется только на двух возможных формах общения – на переписке и на свидании. Правда, иногда бывает возможность получить вести от проходящих на свидание к другим заключенным, но это случается редко, и о таких заключениях говорить не приходится.

Если эти два единственных источника, несущие к узнику известия, которых он постоянно жаждет, все равно, горьки ли они или сладки, иссякают хотя бы и на не очень продолжительное время, он оказывается в поло-

¹ Мельшин. Из мира отверженных. – Т. II. – С. 198.

женин путника в безводной пустыне: жажду утолить нечем, когда найдется вода – неизвестно, и мысль заключенного начинает неустанно работать только в одном направлении: почему не приходят на свидание, отчего нет писем? При известной нам психологической особенности – чрезвычайно медленного течения времени в тюрьме, когда «день подобен году» (О. Уальд), и при отсутствии внешних впечатлений, эта мысль занимает все сознание заключенного. Из часа в час, каждую минуту тревога гложет сердце: живы ли близкие, здоровы ли они, все ли там благополучно.

Мельшин категорически утверждает, что «человек, лишенный свободы, страдающий вдали от близких ему людей, бывает очень мало склонен объяснить их молчание какими-либо нормальными, естественными причинами: ему грезится болезнь, смерть, забвенье, и ходит бедный узник, мрачный, со смертью на душе»¹. Если, по описанию Мельшина, тревоги, ожидания писем – смерть, то для некоторых других они даже хуже смерти: они – медленная их пытка, тяжкая своей изошренностью. У заключенного «нет сил ни за что взяться». Всякие утешения и самоутешения – бесполезны. Нервы становятся все хуже². Слух напрягается до крайней степени. Он направлен только в одну сторону – не вызывают ли коридорного особым свистком в канцелярию; если вызывают, то не для раздачи ли писем; не приближаются ли к камере шаги дежурного. При этих шагах разом охватывает надежда и опасение, рука замирает над работой; шаги все ближе, а потом опять тише, они удаляются, и вспыхнувшая надежда гаснет так же быстро, как она загорелась, чтобы затем снова не один раз вспыхнуть и опять погаснуть. Мрачные опасения за судьбу близких накладывают свою печать на самую внешность заключенного. Даже в общей камере, где можно скорее развлечься и отдохнуть от терзающих опасений, заключенный становится угрюмым и необщительным. Его характер меняется до неузнаваемости³. Получение писем возвращает узника в его прежний вид. Те же самые чувства испытываются и при напрасных ожиданиях свидания. Это прекрасно подтверждают все имеющиеся у нас материалы: арестантские письма, ответы на нашу анкету, печатные источники. Сходство переживаний замечается нами как у высокообразованных, так и у малограмотных. Конечно, в отдельных случаях наблюдаются различные степени испытываемых лишений и страданий. В зависимости от уровня развития заключенного и его темперамента находятся и выражения испытываемых им чувств. Но эти различия, так сказать, количе-

¹ Мельшин. Из мира отверженных. – Т. II. – С. 198.

² Александров. Три года в одиночной тюрьме. – С. 49.

³ См. Мельшин. Из мира отверженных. – Т. II. – С. 198.

ственного, а не качественного порядка. Пусть Роза Люксембург, радующаяся полученному, наконец, от Софьи Либкнехт письму, ограничивается лишь иронией, что «письма в Нью-Йорк доходят скорее, чем до нас в тюрьму»¹. Сквозь этот иронический смех мы слышим и видим сдерживаемые слезы. У одних они больше на виду, у других меньше, у третьих их совсем не видно, но внутри, в душе они имеются у всех.

Выслушаем самих заключенных:

«Сейчас сижу, пишет один из заключенных, и заливаюсь горькими слезами. Невыносимо тяжело. Чувствую, что не видать тебя для меня равносильно смерти, и я так долго не выдержу».

Полуграмотный, заключенный в одиночную камеру, умоляет брата прийти к нему на свидание в тюрьму или по крайней мере прислать ему отрицательный ответ и пишет: «а то на рубашке удавлюсь, что от вас нет писем».

Сын просит мать написать ему, «а то болит грудь и страдает душа, потому что от тебя писем нет».

Заключенный пишет своей жене: «Я чувствую себя, как мальчик, не получивший подарка на Рождество, если не получаю писем от тебя».

Другой жалуется: «День кажется за год, да ты еще не ходишь».

Подследственный пишет брату: «В тюрьме мне сидеть без всяких весточек – лучше быть убитым».

Сын пишет отцу: «Жду тебя, как светлого Христова воскресения».

Крестьянин умоляет прийти к нему: «Жду тебя как бога. Войди ты в мое положение и вспомни обо мне. Как я страдаю и скучаю по вас, мои родные! Не бросайте меня. Пришлите мне письмо и пропишите мне, что у нас в деревне новенького».

Из письма сына к матери: «Что со мной делается? Как я стал скучен, не могу ума приложить: меня мучает мысль, когда я буду возле тебя. В душе что-то жуткое и печальное. Я долго-долго буду вспоминать происшедшее. Лучше бы не жить на свете. Если бы не ты, моя дорогая мамочка, то совсем меня и успокоить некому. Но ты у меня дороже всею на свете, и когда ты у меня на свидании, то я даже теряюсь и не знаю, что говорить».

Только что заключенный в тюрьму пишет: «Я положительно начинаю сходиться с ума. Нервы положительно не выдерживают всего этого кошмара. Я не вынесу всей этой тюремной обстановки. Если ты придешь ко мне, я хоть немного успокоюсь. Как мне хочется тебя видеть, как безумно хочется слышать твой столь знакомый и дорогой мне голос».

¹ Роза Люксембург. Письма из тюрьмы.

Жене, которая не пришла в тюрьму на свидание: «Ты знаешь, как тяжело все это переживать. Или это для тебя безразлично? Ты делаешь какие-то попытки мне. Спасибо тебе за все. Продолжай издеваться. Это очень к тебе идет. Ты привыкла обманывать меня. Или теперь время настало такое, что за добро платят злом и сытый не хочет голодного понять?»

Письмо другого заключенного к сестре: «Если не хотите ходить, я не заставляю вас насильно. Тогда я перестану о вас беспокоиться. Может быть, я вас обременяю, что иногда прошу денег. Но, сестрица Клавдия, ты можешь ничего не носить: мне только радость увидеться с тобою и узнать, как ты живешь». Тот же самый мотив в письме заключенного, который благодарит за принесенные продукты и пишет: Я не знал, что ты такая добрая, но ты была бы еще добрее, если бы писала мне чаще».

Полно тоски письмо заключенного к жене: «Я жаду: вот ты придешь ко мне поговорить. Хоть бы одним глазком взглянуть на тебя и показаться самому и услышать хоть несколько теплых, ласковых твоих слов! Умоляю тебя, приди ко мне хоть на минутку. Ведь я без тебя жить не могу. Очень хочу на свободу – видеть тебя и родных. Боже, если бы ты знала, как я мучусь и страдаю в тоске по тебе! Ведь больше чем три недели я не видел тебя и не слышал твоего голоса. Ах, скорее бы, скорее бы исходили дни тусклые, а на смену бог дал бы счастье! Неужели он не услышит моих молитв и не даст увидеть тебя и быть с тобою до гроба? Мне кажется, что я не видел тебя годы. Дни мои проходят очень тяжелыми и кажутся длинными».

Настоящим отчаянием дышит и письмо Карла Либкнехта к его жене, когда он узнал об ее колебаниях, следует ли ей прийти к нему на свидание: «Почему же, моя дорогая, это нежелание меня навестить? Боязнь моего нахмуренного лба? Словно я рыкающий гарканокий лев, в глазах которого – кровь и смерть. Все это глупости, не правда ли? Ты придешь? Ты должна приехать (если возможно, в субботу...). И спроси сперва разрешение именно на этот день, – ты получишь его сразу же... Ты должна приехать, ты должна, дорогая, должна ради меня и ради себя. Ведь до июля мы не увидимся. Это было бы мучением и для тебя и для меня. Это значило бы утратить мое заключение и – я знаю – свести на нет твой отдых. И потому ты должна приехать на этот раз одна. Я хочу, чтобы мы были только одни».

Таковы письма заключенных с их сетованиями, жалобами, просьбами, мольбами, убеждениями, стонами, воплями, отчаянием к тем, кто им не пишет, кто к ним не ходит. Эти письма – не пустые слова. Они – не ложь и кривлянье. В них отнюдь нет преувеличения испытываемых лишений и страданий. Наоборот, у малограмотных уголовных преступников не хва-

тает уменыа найти достаточно яркие и сильные слова, чтобы изобразить всю силу испытываемых ими страданий в ожидании писем и свиданий. «Лучше смерть», «лучше быть убитым», «это пытка», «я удавлюсь» – эти слова вполне искренни. Если бы жизнь внутри тюремных стен не скрывалась от общества, мы знали бы, вероятно, случаи, когда указанные нами угрозы самоубийством приводились в исполнение. Об одном случае самоубийства, вызванном, между прочим, запрещением всякой переписки, знает история, русской политической ссылки. Один из первых узников Карийской каторжной тюрьмы, помощник прис. поверенного С. С. Семяновский (отбывавший наказание одновременно с Шишко, Чарушиным, Квятковским и др.), начинает свое предсмертное письмо к отцу с сообщения о запрещении ссылкой переписки с кем бы то ни было, даже с родителями. Называя это запрещение бессмысленным и бесчеловечным и сообщая о других новых тягостях каторги, он нарушил запрет переписки своим последним письмом, в котором извещает отца о своей собственной смерти.

Вместе с тревогой ожидания писем у заключенных пробуждается и злоба против тюремной администрации. Они обвиняют ее, и очень часто с полным основанием, в канцелярской волоките, в неаккуратной передаче уже полученных писем, в накоплении их, чтобы накопилось их побольше, процензуровать их все сразу. Нередко все тревоги и опасения узника, не получающего письма, кончаются вручением ему нескольких штук их, накопившихся за те недели, которые узник, провел в мучительных волнениях. У Александра можно найти признание в настоящем чувстве мести, которое он питал к прокуратуре и тюремной администрации за эту задержку писем. Он строил даже планы мести им.

Тюрьма на каждое письмо в нее и из нее накладывает свою особую печать в буквальном и переносном смысле слова. Без разрешительного штемпеля тюремной цензуры ни один заключенный – принадлежит ли он к категории подсудственных или осужденных – не может ни получать, ни отправлять писем. Но если такая цензура может быть оправдана по отношению к категории тех подсудственных, которые дают основание подозревать, что они своєю перепискою создают затруднения для раскрытия истины, то по отношению к осужденным такая цензура теряет всякие разумные основания. Так называемое «тюрьмоведение», конечно, сочтет еретической самую постановку вопроса о вреде тюремной цензуры для переписки осужденных. В тюрьму «сажают» для того, чтобы преступник был отрезан от общества. Переписка яге с кем угодно и о чем угодно, как на свободе, была бы отрицанием тюрьмы: заключенный узнавал бы не только о жизни родной семьи, но и общества. Путем свободной переписки он мог бы

подготовить свое бегство из тюрьмы. Что касается возможности облегчения побегов, то для борьбы с ними надо искать средства в бдительности внутренней и наружной стражи и прежде всего в уничтожении тех характерных черт тюремного заключения, которые специально рассчитаны на причинение арестанту всяких лишений, страданий, унижения его личности. Наивно думать, что цензура тюремной переписки – могущественное средство в борьбе с тюремными побегам. Громадная масса заключенных способна лишь на совершенно безобидную и совсем безопасную переписку. Между тем, из опасения возможного вреда такой переписки создаются ограничительные правила, давящие своею тяжестью без разбора всех и каждого и притом не только самих заключенных, но и тех, кто не хочет порывать с ними связей. Мерилом ограничения переписки, по-нашему мнению, может быть один момент – опасность общения, подготовляемого преступления. Для борьбы с такою опасностью ограничения переписки допустимы лишь в тех пределах, в каких допускает их общий закон и для граждан, находящихся на свободе. Проводя и здесь наш взгляд на места лишения свободы, как на социальные клиники, мы говорим: если есть больные, непосредственное личное общение с которыми грозит заражением, и передача от которых возможна лишь после надлежащей дезинфекции, то это не вызывает необходимости запрета общения со всяким заболевшим и дезинфекции во всех случаях. Точно такое наличие опасности общения того или другого преступника с другими лицами не оправдывает существующих ограничений общения заключенных, в том числе и тюремной цензуры.

Тюремная цензура накладывает свою печать, говорили мы, не только в буквальном, но и в переносном смысле слова. В сущности, содержание тюремных писем в основных его чертах всегда одинаково, постоянно одно и то же. Степень развития арестанта, его социальное положение, общественные настроения и симпатии стираются запретом писать о чем бы то ни было, кроме чисто личных переживаний и семейных событий. Как бы ни были развиты общественные инстинкты у заключенного, как бы ни было велико его участие в политической и общественной жизни до его ареста, он должен забыть в тюрьме, что он не только член своей семьи, но и член общества. Это должны забыть и его близкие. По требованию, лишенному всякого смысла, запрещается в иностранных тюрьмах касаться в переписке политических и общественных вопросов даже в такой форме и в такой степени, в какой они беспрепятственно обсуждаются за стенами тюрьмы.

В сущности, между письмами шлиссельбуржца Морозова, коммунистов Карла Либкнехта, Розы Люксембург, других политических заключенных и общеуголовных арестантов нет глубокого различия. Если бы под

этими письмами из тюрьмы не стояли эти громкие имена революционных деятелей, мы не догадались бы, что они писаны рукою тех, для кого политическая борьба выше всего, на самом первом плане, отодвигая далеко назад заботы о любимой семье, о собственной жизни. Между тем, читая эти письма интимного содержания с воспоминаниями событий семейного характера, с рассказыванием виденных снов, с изложением впечатлений от прочитанных в одиночной камере книг, думаешь, что авторы их – самые обыденные обыватели, для которых, кроме уюта семейных радостей, ничего не существует на свете и ничего не надо.

Но вследствие необходимости ограничивать содержание писем почти исключительно семейными интересами, интимную жизнь, тюремная цензура становилась невыносимо тяжелою не только для тех, кто не мог касаться общественных вопросов, но и для массы арестантов.

Тяжело, неприятно, иногда, может быть, даже как-то стыдно посвящать в эту интимную жизнь тюремного стражника, присутствующего при свидании, или тюремного цензора, перечитывающего строки, предназначенные для тех, кто дорог, перед которым нет тайн. В нашей анкете, розданной заключенным, стоял вопрос: «Какие изменения в существующие правила переписки заключенных надо внести по вашему мнению?». В ответах на этот вопрос нет разногласий. Так, один из заключенных, очевидно, очень нуждающийся, так как он предлагает освободить письма в тюрьмы от оплаты марками («не хватает денег»), пишет: «В некоторых письмах, посылаемых семейному человеку, есть такие новости, чисто семейного характера, которых он никому и никогда ни за что не сказал бы. А здесь придет письмо в контору, разрывается и читается. Вот это считаю недостатком». Другой отвечает: «Не ограничивать срок и количество пересылаемых писем и как можно бережно и гуманно относиться к тайне писем». Третий заявляет: «Главное зло, конечно, тюремная цензура. Если нельзя ее избежать, то надо это так обставлять, чтобы заключенный почувствовал возможно меньше, что все его интимные мелочи выворачиваются наружу и подчас даже грубо». Шлиссельбуржец Морозов, получивший после 10 лет молчания право посылать по два письма в год, уже в третьем письме писал своей матери: «Хотелось бы поговорить с вами, дорогая, так, как можно говорить только с самым близким человеком, для которого открыт каждый уголок души. Не все скажешь при людях, что говорится наедине дорогому и любящему тебя существу, и не всякий может писать открыто так, как он мог бы разговаривать в тесном семейном кругу».

Но, несмотря на тягость сознания, что чужой человек становится свидетелем семейных отношений и посвящается далее в тайны внутренних

перетряхиваний интимного характера, свидания и письма несут с собою радость. Говоря словами одного из заключенных, отвечавших на нашу анкету, радостно получить не только приятное, но и тяжелое письмо, узнать скорбную весть. Конечно, этими словами наш корреспондент хотел оказать, что неизвестность, порождаемая долгим молчанием и отсутствием, слишком тягостна, и письмо хотя бы и с худыми вестями разряжает напряженность ожидания. В имеющихся у нас копиях арестантских писем мы, например, читаем: «Сказали друг другу по несколько слов, хотя под контролем, но все-таки устных, реальных, не бумажных слов, и на душе стало легко, легко». В другом письме заключенный поясняет своему корреспонденту: «Всякая весточка, которая приходит извне, с той стороны этих давящих стен, делает праздник, и на душе становится легче». В нашей коллекции тюремных стихотворений имеется несколько таких, которые воспевают радость получения письма. Кстати, отметим, что в переписке тюрьмы со свободой имеется бросающаяся в глаза особенность: тюрьма пишет свои письма на свободу нередко в стихотворной форме, свобода отвечает всегда в прозе. Нам приходилось уже отмечать, что римская поговорка: «Поэтами не делаются, а рождаются» – по отношению к тюрьме неприменима: тюрьма превращает арестантов сплошь и рядом в «поэтов».

У Новорусского мы находим ценное для нас сравнение впечатлений, связанных с получением писем в тюрьме и на свободе. Новорусский описывает в своем дневнике, который он вел в Шлиссельбургской крепости, что испытывал он, получив письмо от родных, переписанное рукою коменданта крепости на листке из его записной книжки (подлинники письма не передавались). Получив письмо, он отложил его в сторону с намерением прочесть его после обеда, когда и печальные вести могут восприниматься легче. «Не тут-то было. К нему тянуло как магниту, и через минуту я уже читал его жадно, жадно, как не читывал, кажется, самых дорогих писем в свое время. И тут-то охватила меня всецело родная атмосфера...». Таким образом, если тревога ожидания свидания и писем в тюрьме иная, чем на свободе, то и радость их получения несравнима по ее размерам с радостью на свободе. В письмах Либшехта можно найти несколько мест, подтверждающих правильность этого нашего вывода. Иногда он пишет с такою страстью, что при чтении его письма далее забываешь, что свидание с любимой женщиной было... в тюрьме. Так, например, он пишет жене: «Какие чудные минуты ты подарила мне во вторник, когда мы, хотя очень недолго, всецело принадлежали друг другу. Твое посещение напомнило мне Гейдельберг: те же полные счастья и муки часы, и все же теперь все иначе: все сильно, все могучее... Ты освежилась... Волшебный ключ стру-

ится вокруг тебя... Твой взор блеснул, как и мои глаза, потому, что они отражали тебя, потому, что они сияли моей любовью...»¹.

Мы сознательно подчеркнули те слова в письме Либкнехта, которыми он говорил, что радость свидания в тюрьме была еще более могуча, чем радость незабвенных для него часов, проведенных с женою в Гейдельберге. Но разве это естественно? Разве не уродство это явление, когда великая радость незабвенных часов, проведенных с любимым человеком на лоне природы, на свободе, становится маленькою, каким-то пигмеем, в сравнении с этим, разрастающимся до размеров великана, радостным чувством свидания за тюремной решеткой? Без сомнения, да. И тюрьма родит это уродство.

Но, говоря о свиданиях в тюрьме, надо помнить, что так называемые личные свидания отдельно от других заключенных – редкие исключения. В громадном большинстве случаев даются общие свидания целым группам заключенных с пришедшими к ним родственниками. Тогда по одну сторону сетки стоят заключенные, а по другую – их родные. Через каждые 15–25 минут происходит смена одних заключенных и их родных другими. Эти приливающие волны с одной стороны – серой арестантской массы, а с другой – пестрой толпы людей всех возрастов, обою пола, всех знаний, всякого социального положения – рвутся одна к другой, но барьеры, решетки, сетки и тюремная стража не дают им слиться. Комната свиданий наполняется шумом нескольких десятков голосов, радующихся и плачущих людей, утешающих и утешаемых, как будто объединенных между собою общим несчастьем заточения, но на самом деле живущих и эти короткие минуты свидания совсем отдельно друг от друга, забывая обо всех, кроме близких, мешая одному другому старанием перекричать разговаривающих соседей.

Общие свидания в такой обстановке проходят чрезвычайно нервно.

Каждая минута, каждая секунда на учете. Они бегут страшно быстро (кажется, единственный случай, когда время в тюрьме идет быстро). С обеих сторон барьеров торопятся сказать или, вернее, хотят сказать как можно больше. Точь-в-точь, как при проводах близкого человека на вокзале в дальний путь: через две, три минуты поезд уйдет, и надо, пока не поздно, сказать так много... Вот тут-то и происходит то, что один из заключенных называет «трагедией свиданий». «Вся трагедия свиданий, – говорит он, – была в том, что самое главное ускользало, несмотря на то, что задолго до свидания, которого заключенные ждали так жадно, с таким надрывом, думали сказать

¹ Либкнехт Карл. Письма. Перев. – С. 73.

именно это – самое главное. Большинство дорожило каждой секундой свидания, а почему-то говорили при встречах с длинными паузами, с перерывами, почему-то подолгу задумывались, а потом в камере слезами обливали белый хлеб, который приносили жены или сестры». Тут, в тюрьме, начинают жалеть: «целыми днями, ночами проводили с близкими время и не ценили этого, а сейчас, страдая, считаешь секунды и мечтаешь, как бы подольше тянулось время, как бы не кончилось скоро свидание».

В тюремных свиданиях через барьеры и сетки есть и еще одна тяжелая сторона. Правила, по которым происходят такие свидания, называются Оскаром Уайльдом «отвратительными и стеснительными: посещение родственников или друзей только усугубляет унижение и душевное отчаяние каждого заключенного. Многие, чтобы только не переносить подобной процедуры, отказываются от свидания с близкими»¹. Таким образом, радость свидания нередко покупается слишком дорогой ценою – унижением заключенного, испытываемым им чувством как будто глумления над ним всеми этими отеснениями, которые кажутся ему предназначенными специально для увеличения его страданий, для отравления радости видеть и слышать родных и близких.

Рассмотрев психологию тюремных свиданий и переписки, мы становимся в этом вопросе, как и во многих других, на сторону заключенных против «тюрьмоведов». Подводя итоги всему сказанному, мы вспоминаем слова Оскара Уайльда, сказанные им при оценке правил тюремной переписки и свиданий: «Одна из трагедий тюремной жизни в том, что эта жизнь обращает человеческое сердце в камень. Чувства естественной привязанности, как и всякие другие чувства, нуждаются в поддержке и питании. Они легко глохнут в бездействии». По его глубокому убеждению, редкие свидания и письма, допускаемые тюремными уставами, недостаточны для того, чтобы поддерживать более нежные и более человеческие привязанности, благодаря которым, в конечном итоге, душа остается чувствительной ко всем прекрасным и возвышенным влияниям, какие могут исцелять разрушенную и разбитую жизнь».

¹ Оскар Уайльд. Пол. собр. соч. Изд. Маркса. – Т. II–III. – Кн. 5. Письма о тюремной жизни. – С. 295.

Обзор научных мероприятий

секция; нефтегазовый комплекс; конференция

Информация о конференции «Актуальные проблемы развития нефтегазового комплекса России» в Российском государственном университете нефти и газа им. И. М. Губкина

1–3 февраля 2010 г. РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина проводит VIII Всероссийскую научно-техническую конференцию «Актуальные проблемы развития нефтегазового комплекса России», посвященную 80-летию Университета.

На конференции планируется обсудить научные и научно-технические проблемы на следующих секциях:

1. Правовое регулирование организаций нефтегазового комплекса;
2. Современные проблемы экономики и управления нефтегазовым производством;
3. Развитие человеческих ресурсов нефтегазовой отрасли;
4. Гуманитарное образование в нефтегазовых вузах;
5. Промышленная и экологическая безопасность и страхование рисков на предприятиях нефтегазового комплекса;
6. Геология, геофизика и мониторинг месторождений нефти и газа;
7. Разработка и эксплуатация месторождений природных углеводородов;
8. Проектирование, сооружение и эксплуатация систем трубопроводного транспорта углеводородов и нефтегазопродуктообеспечение;
9. Технология переработки нефти и газа, нефтехимия и химмотология топлива и смазочных материалов;
10. Проектирование, изготовление и эксплуатация оборудования и сооружений нефтегазового комплекса;
11. Автоматизация, моделирование и энергообеспечение технологических процессов нефтегазового комплекса.

Информацию о конференции можно получить на сайте www.gubkin.ru или у ученого секретаря Оргкомитета проф. Ходырева Александра Ивановича, тел. (499) 233-92-23, e-mail: actual@gubkin.ru.

Сведения об авторах

Бредихин Алексей Леонидович, аспирант Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, тел. (4722) 52-32-64; axel_b@mail.ru;

Дойников Павел Игоревич, кандидат юридических наук, старший лаборант-исследователь сектора истории государства и права, политических учений Института государства и права Российской академии наук; тел. (495) 691-34-90; legalhistory@bk.ru;

Левакин Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации (НИИ СП), тел. (495) 986-17-24; levakin@niisp.ru;

Новиков Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, тел. (812) 310-86-96; pravov@finesp.ru;

Путер Б. Маггс (Peter B. Maggs), Германия, профессор Иллинойского Университета (professor at the College of Law of the University of Illinois at Urbana-Champaign); info@mii-nauka.com;

Платонов Владимир Михайлович, кандидат юридических наук, Председатель Московской городской Думы, тел. (495) 439-45-54; platonov@platonovm.ru;

Селюков Анатолий Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права Российского государственного торгово-экономического университета, тел. (495) 458-94-79; info@rsute.ru;

Суслопаров Алексей Валерьевич, ассистент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета; тел.: (391) 221-06-70; advoc@list.ru;

Тедеев Астамур Анатольевич, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, директор Международного исследовательского института, заместитель директора Научно-исследовательского центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и иным правам интеллектуальной собственности» Государственного университета – Высшей школы экономики, тел. (495) 509-67-82; info@mii-nauka.com

Правила представления рукописей

– Журнал публикует материалы по фундаментальным и прикладным проблемам правоведе́ния и государственного строительства;

– в журнале печатаются материалы, ранее не опубликованные и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях; автор может опубликовать в одном номере журнала не более одного материала; все материалы проверяются на наличие плагиата;

– плата за публикацию материалов не взимается; авторам гонорар не выплачивается;

– элементы издательского оформления материалов включают: сведения об авторах; заглавие материала; подзаголовочные данные; индекс УДК; аннотация; ключевые слова; сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал; дата поступления рукописи в редакцию; приложение; приставейный библиографический список; допускается использовать дополнительные элементы издательского оформления; представляются также на английском языке: название статьи, аннотация, ключевые слова, фамилия, имя, отчество автора(ов); отдельно необходимо указать контактный телефон и адрес электронной почты для оперативной связи, адрес с индексом для отправки номера журнала; по выходу журнала каждому автору бесплатно высылается отдельный номер журнала;

– объем материала не должен превышать 1 п. л. (40 000 знаков);

– материал может быть направлен в редакцию в электронном виде – по электронному адресу: info@mii-nauka.com; на бумажном носителе – на адрес Института (с вложением электронной версии): 115563, Москва, а/я 77, МИИ;

– решение редакционного совета о принятии статьи к печати или ее отклонении сообщается авторам;

– электронные носители и рукописи авторам не возвращаются; рецензии на принятые материалы предоставляются по запросам авторов;

– аннотации материалов, ключевые слова, информация об авторах будут находиться в свободном доступе на сайте Института, в системах РИНЦ, Web of Science, Scopus на русском и английском языках. Через год после выхода номера журнала его полнотекстовая версия будет размещена на сайте Института.

Полный текст Правил представления рукописей авторами размещен на сайте <http://www.mii-nauka.com>

ВОПРОСЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 2010 г.

Журнал выходит 4 раза в год.
Посвящен актуальным проблемам права
и государственного строительства.

Издается Международным исследовательским институтом
совместно с Кафедрой ЮНЕСКО по авторскому праву и
другим правам интеллектуальной собственности под
научным руководством Совета по правовым вопросам при
Президиуме Государственной академии наук Российской
академии образования.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Каталог «Пресса России»
индекс 40661

Редакционная подписка
115563, Москва, а/я 77, МИИ,
www.mii-nauka.com, info@mii-nauka.com,
тел. (495) 509-67-82

Все статьи проходят обязательное научное рецензирование
членами редакционного совета. Публикация осуществляется
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО на безвозмездной основе. Правила представления
рукописей размещены на сайте.

ISSN 977-207350200-2

09003

9 772073 502002